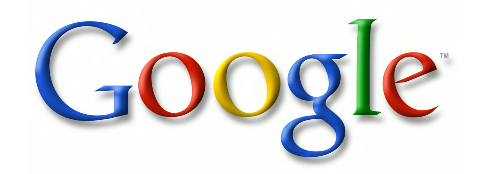
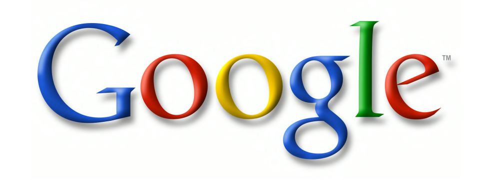
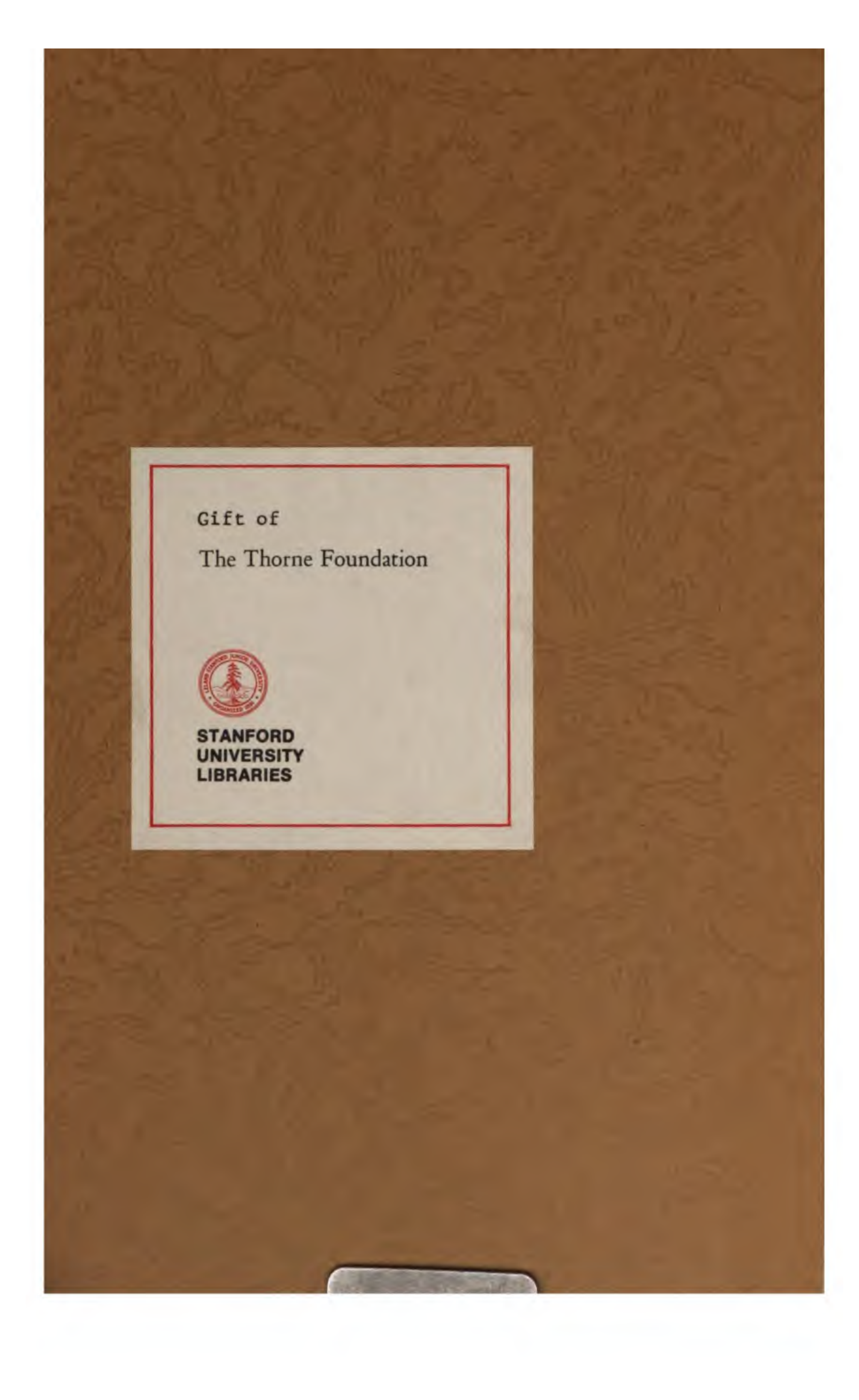

Gift of
The Thorne Foundation
STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ИЗДАНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ СЛАВЯНЪ.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

В. С. НЕКЛЮДОВА.

.... Состояніе турецкой имперіи, долгій, пятидесятилѣтній опытъ, чрезъ который мы прошли, намъ ясно указываютъ—что *въ направленіи къ автономіи,—и въ этомъ лишь одномъ направленіи, — можно искать спасенія.*—Ничего, другаго ниже наималѣйшаго облегченія, не найти въ какомъ бы то ни было другомъ началѣ....

Г. Гладстонъ въ засѣданіи палаты общинъ 31-го Іюля н. с.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1876.

D377
N3

Дозволено цензурою. Москва, 4 августа 1876 года

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВОПРОСА.

Нѣкоторые органы печати, большею частію слывущіе въ общественномъ мнѣніи оффиціозными, то и дѣло увѣряютъ насъ въ послѣднее время, что черныя тучи, столь грозно затемнившія было Востокъ, можно считать вполнѣ разсѣявшимися, и что миротворный союзъ державъ съ полнымъ успѣхомъ слѣдуетъ къ своей высокой цѣли—если и не *развязать*, то покрайней мѣрѣ *обойти* на время Гордіевъ узелъ этого вѣковѣчно-удручающаго Европу восточнаго вопроса.

Къ несчастію, всѣ эти заявленія, направленныя къ успокоснію общественнаго мнѣнія и, въ особенности, коммерческихъ интересовъ европейскихъ денежныхъ рынковъ, какъ единоличныя мнѣнія редакторовъ или стоящихъ во главѣ западной журналистики заочныхъ руководителей ея, не только не достигаютъ своей миротворной цѣли, но, растравляя общественное любопытство и не удовлетворяя его, посѣваютъ какое-то нездоровое броженіе умовъ, какое-то всеобщее недовѣріе, обнимающее и самые факты, и вызываемую ими политическую дѣятельность.

Среди всѣхъ этихъ разглагольствованій и недомековъ одно лишь въ нѣкоторой мѣрѣ разъяснилось и даетъ точку отправленія къ основательному обсужденію—и того что сдѣлано, и того чего можно бы желать для умиротворенія Востока.

Белгійская газета „Le Nord“ (№ 12 іюня н. с.) въ статьѣ по поводу отказа Англіи присоединиться къ состоявшемуся въ Берлинѣ соглашенію трехъ державъ, приподняла наконецъ завѣсу, скрывавшую тайну его отъ взоровъ непосвященныхъ, и въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ опредѣляетъ существенныя основанія договоренныхъ предложеній:

1) Матеріалы обѣщанные Портой для обезпеченія продовольствія выходцамъ и для перестройки ихъ домовъ должны быть собраны заранѣе.

2) На турецкую смѣшанную коммиссію, *установленную* въ принципѣ (NB!), должно быть возложено наблюденіе за раздачей пособій и за всѣми операціями водворенія выходцевъ на родинѣ, а равно за за исполненіемъ реформъ, съ *оффиціознымъ* содѣйствіемъ консуловъ.

3) Для воспрепятствованія столкновеніямъ, турецкія войска должны быть сосредоточены на нѣкоторыхъ пунктахъ.

Какъ? И изъ-за этихъ-то трехъ условій Англія рѣшается бросать на вѣсы свой мечъ? Изъ-за этихъ-то платоническихъ требованій рѣчи ея руководящихъ министровъ въ обѣихъ палатахъ, столбцы ихъ призванныхъ глашатаевъ въ печати клеймятъ берлинскій меморандумъ, оповѣщаютъ материкъ о выступленіи на поле дѣйствія столь скромно устранявшагося за послѣднее десятилѣтіе отъ европейскихъ замѣшательствъ британскаго леопарда? Громко взывается къ подписавшимъ Парижскій трактатъ съ напоминаніемъ статьи, вмѣняющей имъ въ обязан-

ность защищать всякое посягательство „извнѣ“ на цѣлость и независимость Оттоманской имперіи?! *).

И за словомъ грозно слѣдуетъ дѣло. Нежданно-негаданно всѣ морскія силы Англіи стягиваются у самаго изголовья больнаго, и чисто англійскій способъ лѣченія „приведенъ немедленно въ дѣйствіе.— Remède d'Anglais, remède de cheval“, говорятъ французы, то-есть либо всталъ, либо въ гробу. И дѣйствительно, если и не выздоровѣлъ, больной гальванизованъ, всталъ и будто стоитъ. Не обошлось тутъ конечно и безъ *гроба*, или даже безъ *гробовъ*,—ну, да это своего рода couleur locale и доказываетъ лишь знаніе почвы, умѣнье приноравляться къ мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ.

И все это является будто бы слѣдствіемъ невинныхъ трехъ пунктовъ берлинскаго соглашенія, благодушно принятыхъ всѣми правительствами материка!

Невольно недоумѣваешъ и спрашиваешъ себя: за кѣмъ же тутъ обманъ? и кто тутъ кого обманываетъ?—особенно когда вспомнишь не столь еще давній фактъ сирійскаго вопроса и того далеко не платоническаго вмѣшательства, которое на глазахъ Англіи и съ ея согласія приняла для его разрѣшенія Французская имперія во главѣ чуть ли не двѣнадцати тысячъ штыковъ.

Но въ этомъ-то припоминаемомъ нами событіи шестидесятыхъ годовъ и кроется указаніе единственно возможнаго успѣшнаго дѣйствія Европы въ ея вмѣшательствахъ на почвѣ восточной неурядицы:

На первомъ мѣстѣ ясно опредѣленный планъ и условія дѣйствія.

Затѣмъ узаконеніе ихъ общимъ единодушнымъ

*) Сепаратный трактатъ между Австріей, Англіей и Франціей отъ 30 марта 1856 года, признающій какъ *casus belli* всякое его нарушеніе.

согласіемъ заинтересованныхъ сторонъ—и цѣль достигнута.

Къ несчастію, при всемъ глубокомъ уваженіи, съ какимъ отнесется потомство къ высоко-человѣчнымъ побужденіямъ, руководящимъ политикой вѣнценосныхъ охранителей европейскаго мира, будущему историку нельзя будетъ не признать, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, съ самаго начала, не доставало именно перваго условія успѣха, то-есть ясно выговоренныхъ плана и условій дѣйствія.

Цѣль высокая, благая, но не изслѣдованы пути къ ея достиженію!

Вотъ ключъ къ проявившемуся въ послѣдній моментъ раздору и къ тому рѣзко враждебному положенію, въ какое дозволено было Англіи поставить себя къ обсуждаемому вопросу.

Съ другой стороны, слѣдя за ходомъ дѣла, нельзя не признать, что изъ трехъ союзниковъ, стоящихъ на стражѣ, дѣйствія непосредственнаго сосѣда объятыхъ пожаромъ мѣстъ обнаруживаютъ прискорбную непослѣдовательность и невольно напоминаютъ поговорку: слово—дѣлу рознь! А между тѣмъ весь успѣхъ дѣйствія въ настоящемъ случаѣ требовалъ именно безусловнаго соглашенія слова съ дѣломъ; всякое же уклоненіе отъ этого начала подкапывало заранѣе всѣ основы успѣха.

Нельзя конечно требовать отъ какого бы то ни было правительства, чтобъ оно приносило въ жертву отвлеченнымъ принципамъ человѣколюбія то, что оно считаетъ своими жизненными политическими интересами. А жизненно-политическіе интересы сборно-народной имперіи Габсбурговъ, какъ она ихъ понимаетъ, столь ясно и столь явно высказаны ею во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что ошибиться въ нихъ,

не признавать ихъ было бы не видѣть свѣта Божьяго, не вѣрить въ Бога!

Нѣмецкая по династіи, мадьярская по силѣ временно сложившихся условій, Австрійская имперія, по населенію, есть держава преимущественно славянская. Но, странное дѣло, этого-то преобладающаго элемента своего, зародыша своей существенной силы, она не признаетъ и какъ будто чуждается. Она смотритъ на него съ недовѣріемъ, жертвуетъ имъ вѣчно шаткимъ соглашеніемъ своимъ съ венгерскимъ магнатствомъ, этою заносчивою головой безъ тѣла, и зря предаетъ его то мадьяризаціи, то онѣмеченью, не видя и не сознавая, что ни элементъ мадьярскій, ни нѣмецкій, по своей малочисленности, не въ силахъ побороть, хотя и разрозненнаго въ мелкихъ группахъ, но скопившагося на сплошной территоріи, славянста. Въ непонятномъ ослѣпленіи Австрія никогда не хотѣла сознать въ славянскомъ населеніи своемъ того спасительнаго оплота, какимъ онъ однако выказался на дѣлѣ въ трудную для нея годину, когда чеху Виндишгрецу и хорвату Елачичу приходилось спасать Вѣну и корону Габсбурговъ отъ нѣмецкой революціонной черни и отъ меча венгерскихъ магнатовъ.

Въ такомъ пониманіи или лучше сказать непониманіи своихъ истинныхъ интересовъ вся политика Австріи была вѣковѣчно направляема предвзятою мыслію недовѣрія ко своимъ славянскимъ подданнымъ.

Сосѣдство, съ одной стороны, восьмидесятимилліонной славянской державы, съ другой—одноплеменниковъ ея подданныхъ, изнемогавшихъ подъ игомъ Оттоманской орды, въ томъ же смыслѣ установило и политическую программу дѣйствій австрійскаго правительства какъ въ отношеніи къ своимъ сла-

вянамъ, такъ и къ двумъ сосѣдямъ ихъ, Россіи и Турціи. Словомъ, система укрощенія, положеніе завоеванной страны—вотъ удѣлъ выработанный и систематически соблюдаемый австрійскимъ правительствомъ относительно численно преобладающаго элемента его подданныхъ.

Многое конечно въ этихъ воззрѣніяхъ измѣнилось въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ и въ самой Австріи. Принципъ клерикальный пошатнулся и здѣсь, но закваска осталась и продолжаетъ приносить свои прежніе недобрые плоды. Такъ, еслибы сказать нынѣшнимъ дѣятелямъ Габсбургской монархіи,что они дѣйствуютъ въ настоящее время какъ послѣдователи князя Меттерниха и какъ рабскіе возобновители политическихъ традицій двадцатыхъ годовъ, они удивились бы и, по всей вѣроятности, весьма добросовѣстно отклонили бы подобное обвиненіе. Въ сущности же оно такъ, да и не можетъ быть иначе, и иначе не будетъ до тѣхъ поръ, пока австрійское правительство не отречется чистосердечно отъ своего систематическаго заподозриванія всякаго шага Россіи, всякаго слова, перемолвленнаго между русскимъ и кѣмъ-либо изъ ея славянскихъ подданныхъ, всякаго общенія между ними, всякой церковной книги или образа, высланнаго изъ Россіи, всякой славянской книжонки, напечатанной славянскимъ шрифтомъ.

Конечно, времена не тѣ. Alia tempora, alii mores.

Такъ, будь мы въ 1821 году, съ перваго же шага возставшихъ райевъ австрійская граница обтянулась бы немедленно непроницаемымъ военнымъ кордономъ, за который ни живая душа, ни зерно хлѣба, ни осколокъ оружія не могли бы проникнуть безъ немедленной конфискаціи, интернированія и даже заключенія. И сдѣлай это Австрія въ іюлѣ

прошлаго года, можно почти утвердительно сказать, что то на чтò тогда смотрѣли какъ на вспышку, такъ и осталось бы вспышкой, и Турки залили бы ее безъ шуму христіанскою же кровью, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, который дозволилъ бы и Австріи, и всей христіанской Европѣ омыть себѣ руки отъ пролитія неповинной крови.

Но Австро-Венгрія 1875 года не Австрійская имперія 1821 года. Тутъ надо считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ, и съ народными стремленіями, и съ рейхстагами, и съ парламентскою оппозиціей, и съ денежнымъ рынкомъ, и, наконецъ, съ какою-то шаткостью внутренняго организма, не вполнѣ еще возстановившагося послѣ разгромовъ 48-го, 49-го, 62-го и 66-го годовъ. Прибавимъ къ этому такъ-называемую шестую великую державу— печать, и станетъ ясно, что въ 1875 году пришлось дѣйствовать иначе, нежели какъ оно было бы и прямѣе и дѣйствительнѣе, то-есть какъ въ 1821 году.

Съ другой стороны, Россія 1875 года была уже не тою Россіей, которую за двадцать лѣтъ предъ симъ Австрія, при помощи своихъ четырехъ союзниковъ, могла почеркомъ пера отталкивать отъ прибрежьевъ Дуная и обезоруживать по всему Черному морю. Устоялась родная и окрѣпла внутри, вернула себѣ свои права въ своемъ морѣ, а между тѣмъ, вѣрная своимъ вѣковымъ убѣжденіямъ и призванію, не переставала, добросовѣстно относясь къ Европѣ, при каждомъ случаѣ заявлять свое правительственное и народное участіе не предпочтительно той или другой паціональности, не славянамъ, грекамъ или Румынамъ, а всѣмъ вообще и безъ различія христіанскимъ сосѣднимъ ей племенамъ, изнемогавшимъ подъ игомъ неурядицы и невозможныхъ порядковъ псевдо-европеизованной Турціи.

Признавая не на словахъ однихъ, а на дѣлѣ великую важность (la haute importance) гатти-гумаюна, коимъ Порта приняла на себя предъ всѣми подписчиками Парижскаго трактата обязательства относительно улучшенія быта своихъ христіанскихъ подданныхъ, Россія неоднократно, и при каждомъ возникновеніи смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, обращала вниманіе своихъ парижскихъ соподписчиковъ 56 года на опасность ежедневно грозящую европейскому миру вслѣдствіе пренебреженія, съ коимъ Порта относилась къ обязательствамъ, принятымъ ею предъ Европой. Но о комъ тутъ было Европѣ хлопотать?—о несчастныхъ райяхъ-схизматикахъ, не поддающихся ни католитической, ни протестантской пропагандѣ и, какъ волки, чѣмъ ихъ ни корми, все на своего вѣковаго покровителя и заступника, все въ русскій лѣсъ смотрящихъ! Не стоило изъ-за нихъ и рукъ марать. Да и въ пору ли было возставать противъ турецкой неурядицы, когда и банкиры всей Европы, отъ крупныхъ до мельчайшихъ капиталистовъ всѣхъ странъ, пресыщались баснословными учетами и процентами ежедневно возобновлявшихся на европейскихъ рынкахъ турецкихъ займовъ. И оставался гласъ Россіи гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Но протекли эти двадцать лѣтъ, и съ ними не мало унесено и воды, и крови. Оросились ею и поля Италіи, и Богеміи, и самой Франціи. Садовая, Седанъ сокрушили когда-то сильныхъ; Франція уже не побѣдоносная, непоборимая имперія, Австрія уже не властвуетъ надъ Апеннинами и не членъ первенствующій Германскаго союза; Пруссія уже не Бранденбургская монархія, а мощная Германская имперія, и въ добросовѣстномъ, на обоюдныхъ интересахъ и уваженіи основанномъ, неодолимомъ со-

юзѣ съ нею выдвигается обновленная, полная жизни и силы Россія, съ тою политическою программой, которую она себѣ усвоила вмѣстѣ съ подписаніемъ Парижскаго трактата, и которой совѣстливо и неуклонно держалась среди всѣхъ треволненій этого бурнаго двадцатилѣтняго періода, пережитаго Европой: въ отношеніи къ себѣ — разработка своихъ внутреннихъ силъ, въ отношеніи ко внѣ—ненарушимое соблюденіе международныхъ обязательствъ и охраненіе, елико возможно, европейскаго мира, вотъ тѣ стремленія съ которыми выступала Россія, готовая дать честную руку свою всякому. кто откликнется на ея призывъ идти по этому прямому, открытому пути.

И надо сказать, что на этотъ высокочеловѣчный, прямодушный кличъ самой прямой души изъ возсѣдающихъ на европейскихъ престолахъ, откликнулись было, какъ бы очарованные ею, и други, и вчерашніе еще недруги!

Въ краткомъ очеркѣ таково было взаимное положеніе державъ, въ какомъ застигла ихъ буря, разразившаяся на Востокѣ.

Присмотримся къ ходу событій за этотъ послѣдній годъ и къ тому, въ какой мѣрѣ каждый изъ членовъ миролюбиваго союза принесъ свою добросовѣстную долю содѣйствія къ потушенію вспыхнувшаго пожара.

Естественнымъ образомъ, первые призванные къ дѣйствію самимъ географическимъ положеніемъ своимъ были непосредственные сосѣди, Россія и Австрія. Но изъ нихъ Австріи, какъ ближайшей и прежде всѣхъ могущей быть затронутою пламенемъ, Россія, со свойственною ей прямотой, не обинуясь, предоставила разработку тѣхъ мѣръ, какія могли бы, въ границахъ существующихъ трак-

татовъ, быть приняты для локализаціи бѣдствія и, главное, для предотвращенія на будущее время подобныхъ тревогъ, затрогивающихъ каждый разъ самыя существенныя основы европейскаго мира и самое существованіе Оттоманской имперіи. Но одинъ подавалъ руку прямо, искренно, добродушно и безо всякой задней мысли, движимый лишь цѣлью своего христіанскаго долга и общаго блага; другой хватался за эту руку, чтобы не дать ей дѣйствовать одной, чтобъ обезпечить себя отъ всякихъ самовольныхъ ея движеній. Въ одномъ—нелицемѣрное прямодушіе товарища-друга, въ другомъ—бдительное недовѣріе и подозрительность соперника.

Вотъ какими проглядывали взаимныя побужденія, при коихъ было приступлено къ дѣлу.

Образъ дѣйствій временъ Меттерниха, какъ мы уже сказали, былъ бы теперь не ко времени. Какъ-то неприлично было сразу вступать въ роль турецкаго блюстителя порядка, пограничнаго стража. Тутъ и крика своихъ не упасешься. Да и на что спѣшить? Терпѣніемъ и ловкостью можно было дойти и до этого.

Лучше кого-либо, и во всякомъ случаѣ лучше многихъ, австрійское правительство знаетъ и проникло всю суть турецкихъ порядковъ. Не тайна для него, да и ни для кого, что привитый Турціи ея европейскими заступниками европейскій элементъ есть для нея, съ тѣхъ поръ какъ она ему поддалась, элементъ болѣе или менѣе скораго, но вѣрнаго разложенія.

Но хотя турки и не забыли ничего изъ своего прошлаго, изъ того, чѣмъ они были, надобно имъ отдать справедливость, что они, съ прирожденною восточному человѣку тонкостью, многому научились въ своемъ сближеніи съ Европой, а именно: они по-

няли значеніе, придаваемое съ различныхъ точекъ зрѣнія европейскими державами ихъ существованію на занимаемой ими европейской оконечности; поняли, что тѣмъ самымъ они вѣчное между ними яблоко раздора; поняли, наконецъ, что языкъ данъ азіятцу, чтобъ ублажать и обманывать и друга, и недруга; а изъ этихъ многостороннихъ понятій они составили себѣ программу цѣлаго образа дѣйствій, помощью которой они ловко выпутываются и умѣютъ вынырнуть среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ своего эквилибристическаго существованія.

Но игра эта не обманываетъ или, вѣрнѣе, не должна бы обманывать никого. Кто не знаетъ, что турецкіе правители ни на какое обѣщаніе, ни на какое обязательство, письменное или словесное, въ отношеніи къ гяурамъ никогда не скупились и не поскупятся. Никто, конечно, не злоупотреблялъ болѣе ихъ пословицей, что обѣщать и исполнять свои обѣщанія – двѣ вещи разныя. „Promettre et tenir sont deux“—вотъ лозунгъ, которымъ искони руководится вся турецкая политика въ отношеніи къ европейскимъ державамъ.

Разъ же фактъ дознанъ, вступать въ настоящихъ обстоятельствахъ съ Портой въ письменныя соглашенія, предлагать ей къ принятію на бумагѣ и къ подписанію того, что́—даже въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ—уже было ею на всевозможные лады торжественно обѣщано и провозглашено за послѣднія 35 лѣтъ, во всевозможныхъ гатти-шерифахъ, гатти-гумаюнахъ, ираде, фирманахъ и т. п.,—идти этимъ избитымъ путемъ было обрекать дѣло заранѣе на безплодіе.

Дѣйствительно, чего бы кажется лучшаго и желать: „Полная и совершенная религіозная равно-

„правность; отмѣна отдачи сбора налоговъ на от-„купъ; употребленіе мѣстныхъ податей на нужды „края; улучшеніе земельныхъ отношеній сельскаго „населенія“ *). А къ этому можно еще прибавить реформы, указанныя въ послѣднемъ фирманѣ, **), какъ-то: „Несмѣняемость судей, свѣтскій судъ, лич-„ную свободу, гарантіи противъ притѣсненій, пре-„образованіе полиціи, прекращеніе злоупотребленій „по натуральнымъ повинностямъ, уменьшеніе вы-„купа по воинской повинности, гарантіи правъ соб-„ственности.“—„Если всѣ эти преобразованія, присовокупляетъ графъ Андраши, *о коихъ мы просимъ „Порту оффиціально насъ извѣстить, дабы мы торже-„ственно приняли ихъ къ свѣдѣнію*, будутъ примѣне-„ны и къ возставшимъ провинціямъ, *тогда можно „было бы надѣяться водворить миръ въ этомъ несчаст-„номъ краѣ*“

Еще бы! Да осуществленія хотя и какой-нибудь доли этой блестящей программы достаточно было бы, чтобы сразу поставить Турцію въ уровень съ благоустроеннѣйшими изъ европейскихъ государствъ! Но чтобы дѣло могло согласоваться со словомъ, и чтобы не пришлось, какъ доселѣ, ограничиваться *полученіемъ оффиціальнаго извѣщенія и торжественнымъ принятіемъ онаго къ свѣдѣнію*, тогда, какъ и нынѣ, необходимы были бы не многія, но непремѣнныя условія, а именно: чтобы турки, со дня на другой, перестали быть турками; чтобъ они отреклись отъ Корана и приняли христіанскую вѣру: чтобы всѣ ихъ гражданскіе дѣятели явились европейски-образованнымъ классомъ людей способнымъ разрабаты-

*) Нота графа Андраши Портѣ отъ 30 декабря 1875 года.

**) Фирманъ всѣмъ христіанамъ имперіи, изданный 30 ноября 1875 года въ предупрежденіе ноты графа Андраши.

вать и примѣнять всѣ финансовые, судебные, административные вопросы; чтобъ, однимъ словомъ, мановеніемъ жезла какого-либо благодѣтельнаго чародѣя турецкое правительство переродилось изъ того, что̀ оно есть, въ образцовое передовое правительство европейское.

Этого чуда нельзя было, конечно, ни требовать, ни ожидать!

Но скажемъ болѣе: даже допуская, что и самъ султанъ, и его высшіе сановники достаточно развиты и образованы, чтобы понять требованія вѣка, чтобъ отречься отъ узкаго фанатизма, навязываемаго магометанину единственно признаваемымъ имъ закономъ, книгой его вѣры — исключительнымъ руководителемъ его вседневной жизни, его нравовъ, обычаевъ, его отношеній ко всѣмъ тѣмъ, кто не поклоняется Корану,—допуская, говоримъ мы, при такомъ предположеніи, и со стороны султана, и со стороны исполнителей его воли добросовѣстное, искреннее желаніе обратить слово въ дѣло, осуществить вышеписанную программу,– какими средствами, спрашиваемъ мы, могутъ они приступить къ ея выполненію? Гдѣ имъ найти тотъ легіонъ дѣятелей, *одинаково настроенныхъ*, среди общества, которое, съ низшаго и до высшаго, не получало и не получаетъ иного развитія, иного образованія какъ то же слово своего пророка, которое, по ихъ понятію, есть источникъ всей премудрости земной.

А statu quo не дозволяетъ и думать о приступѣ къ какой-либо изъ провозглашенныхъ реформъ.

Можно ли, напримѣръ, требовать отъ администраціи или отъ войска честнаго и безкорыстнаго исполненія своего долга, когда и тѣ и другіе по мѣсяцамъ, по году и болѣе не видятъ ни гроша жалованья? Можно ли думать объ обузданіи ими сво-

еволія землевладѣльцевъ-магометанъ въ отношеніи къ собственникамъ-христіанамъ, которыхъ они сами грабили пòчасту ради хлѣба насущнаго?! Можетъ ли Порта отказаться отъ откупной системы сбора податей, когда лишь этимъ путемъ она можетъ надѣяться имѣть хоть частицу своихъ доходовъ, которые всецѣло пропадали бы въ карманахъ ея голодныхъ чиновниковъ, еслибы сборъ былъ предоставленъ имъ? Можно ли, наконецъ, требовать употребленія мѣстныхъ податей на нужды края тамъ, гдѣ всѣхъ доходовъ государства не достаетъ на покрытіе однихъ процентовъ неоплатныхъ займовъ, столь щедро расточенныхъ Портѣ ея друзьями и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ?

Все это не новость, и вотъ уже полвѣка какъ Европѣ приходится при каждомъ новомъ случаѣ убѣждаться въ неизмѣнности этого порядка вещей. Но до 1855 года было еще хоть на что-либо опереться. Права христіанъ и гарантіи ихъ неприкосновенности были краеугольными статьями всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ Турціей. Основанная и ставшая на европейской почвѣ по праву силы, Порта не признаетъ другаго права и въ отношеніяхъ своихъ къ европейскимъ державамъ. Силу же Россіи, силу и ея гнѣва, и ея милости—не разъ приходилось ей испытывать на дѣлѣ, а потому и исполненіе трактатовъ своихъ съ нею она старалась всевозможно оберегать отъ всякаго нарушенія. Плодами этого была автономія и Дунайскихъ Княжествъ, и Сербіи, одарившая эти страны развитіемъ гражданственности, научнаго образованія, торговли, давшая имъ жизнь и свѣтъ Божій, и все это безъ всякаго ущерба для властелина, коего они стали вассалами. Не имѣя по этимъ своимъ владѣніямъ ни гроша расхода, Порта, безъ всякихъ за-

тратъ ни на управленіе, ни на содержаніе войскъ и крѣпостей, получаетъ съ нихъ чистый ежегодный доходъ, въ видѣ дани, идущей всецѣло въ ея государственную казну; и по сознанію самихъ турокъ *), они увидѣли и видятъ румынскую и сербскую деньгу лишь съ того дня, какъ этимъ княжествамъ дано самоуправленіе.

Мы не говоримъ о Греціи, ибо она есть плодъ европейскаго союза, въ который мы, измѣняя своей традиціи, впервые тогда вступили по нашимъ дѣламъ съ Портой. Длившіяся цѣлые годы проволочки переговоровъ дали такой просторъ разгорѣвшимся страстямъ борцовъ, что не могло быть и мѣста вассальнымъ между ними отношеніямъ; и въ этомъ случаѣ, не безъ матеріальнаго конечно ущерба, не только для Порты, но отчасти и для самой Греціи, пришлось уже не развязывать, а разрубать не въ мѣру затянутый узелъ.

Но грянулъ 1853 годъ, и силой ополченія потомковъ средневѣковыхъ крестоносцевъ, выступившихъ въ XIX вѣкѣ за полумѣсяцъ противъ креста, порѣшены были почеркомъ пера всѣ единоличные трактаты, купленные русскою кровью подъ стѣнами Цареграда.

Разсчетъ съ однимъ считался дѣйствительно разсчетомъ; разчетъ съ пятью оказался игрой, и въ этой игрѣ, какъ мы говорили, умѣнье и ловкость держать карты оставались постоянно за азіатскою тонкостью противъ европейскаго ума. „У семи нянекъ дитя безъ глаза“, говоритъ русская пословица; и пришлось испытывать ее, горькую, несчастному дѣтенышу—христіанамъ, и съ каждымъ прояв-

*) Мнѣ случилось это самому слышать отъ одного изъ нынѣшнихъ турецкихъ реформаторовъ, выдвинутаго послѣдними переворотами. *Авт.*

ніемъ турецкаго прогресса поплачиваться не гла-
омъ однимъ, а цѣлою головой—за добродушное къ
ему довѣріе Европы!

Итакъ, повторяемъ, въ исторіи послѣднихъ пяти-
есяти годовъ, примѣровъ, и примѣровъ всяческихъ,
ыло не мало, чтобъ установить опытность европей-
кихъ дѣятелей въ восточныхъ дѣлахъ. Въ послѣд-
ее же время походъ 1861 года французовъ въ Си-
ю и добытые результаты доказали, что энергичное,
ружное дѣйствіе европейскихъ державъ и въ глу-
и Ливана можетъ установить равноправное сожи-
е христіанскаго и мусульманскаго элементовъ, хо-
я бы и въ самой фанатичной средѣ сего послѣд-
яго.

А изъ этого и изъ всего вышесказаннаго мы, не
апинаясь, выводимъ неоспоримую аксіому и гово-
имъ: *Автономное самоуправленіе христіанскихъ группъ
Балканскаго полуострова* — вотъ ключъ къ единствен-
о-возможному разрѣшенію безпрестанно навязы-
ающейся Европѣ задачи восточнаго вопроса.

Шесть, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, среди по-
рома внутренняго банкротства, при успѣшныхъ
ѣйствіяхъ возстанія, еще пользовавшагося тогда
е только терпимостью, но и нѣкоторою, скажемъ,
лагосклонностію австрійскихъ властей, при затруд-
неніяхъ, въ какихъ находилось турецкое правитель-
тво, за безденежьемъ, скопить и содержать нуж-
ое для укрощенія возстанія количество войскъ,
ри этихъ условіяхъ, говоримъ мы, можно почти
учаться, что дружнымъ напоромъ *всѣхъ европейскихъ
ержавъ*, — conditio sine qua non, — столь же легко
ожно было достигнуть этого кореннаго результата,
акъ и голословнаго принятія Портой ноты графа
ндраши. И кто знаетъ? какъ бы ни горько приш-
ось на вкусъ больнаго такое лѣкарство, оно бы

его подняло, и всталъ бы онъ еще надолго, и быть-можетъ не слыхать было бы Европѣ ни о самоубійственныхъ ножницахъ, ни о револьверѣ и канджарѣ Гассана!

Слово было молвлено съ перваго же дня, и, сколько намъ помнится, чуть ли не въ самой Англіи впервые было упомянуто объ автономіи. Со свойственнымъ имъ практическимъ смысломъ, англичане сразу поняли что тутъ именно узелъ единственной практической развязки восточныхъ замѣшательствъ.

И дѣйствительно, кого можетъ такой исходъ пугать? кому можетъ онъ быть во вредъ?—Конечно, не Россіи, не Англіи, не Германіи, не Франціи, не Италіи,—скажемъ даже, что и для самой Турціи путь этотъ есть путь спасенія и почти единственный, который бы ей оставался на выборъ.

Остается Австрія; но и для нея, какъ бы недовѣрчиво ни смотрѣла она даже на Сербію, автономный славянскій клочокъ,остающійся въвассальномъ отношенін къ Портѣ, далеко не представляетъ опасно-заманчивой приманки для австрійскихъ сербовъ; и не представлялъ бы даже никакой, еслибъ австрійское правительство чистосердечно стало ко своимъ славянамъ въ тѣ же равноправныя и довѣренныя отношенія, съ какими оно относится къ мадьярамъ, нѣмцамъ или полякамъ, и столь же чистосердечно отреклось отъ пагубнаго своего настроенія обусловливать свое довѣріе къ славянамъ исповѣдуемою ими религіей и болѣе или менѣе успѣшнымъ ихъ ополячиньемъ, онѣмеченьемъ или мадьяризаціей.

Грезящееся Австріи пугало — это возникновеніе бокъ-о-бокъ съ ея слявянскими населеніями независимаго славянскаго государства, сплоченнаго изъ всѣхъ славянскихъ группъ Балканскаго полуостро-

шится, ея же собственными превратными дѣйствіями, ея же виной положенъ, ибо, въ случаѣ удачи, самою природой указывается Босніи примкнуть къ Сербіи, а Герцеговинѣ—къ Черногоріи.

Но это лишь зародышъ, то-есть полуопасность. Страшнѣе, конечно, было бы для Австріи, еслибы, въ случаѣ успѣха, союзники протянули руку и болгарамъ! Пока время еще не ушло. Воспользуются ли имъ и обратятся ли въ послѣдній часъ на правый путь? Qui vivra verra! О томъ скажетъ потомство.

Но и на худшій конецъ, предполагая для возставшихъ и ихъ братій защитниковъ самый несчастный исходъ,—изъ потоковъ крови, коими только и можетъ быть достигнуто подобное торжество неправды, воспрянетъ для христіанской совѣсти Европы неотступная обязанность—обязанность предъ Богомъ—устранить, во что бы то ни стало, повтореніе подобныхъ ужасовъ и обратиться къ единственно-возможному способу уберечь христіанскій міръ отъ мусульманской язвы, если уже признано что эта язва должна быть поддерживаема какъ необходимый отводъ въ европейскомъ организмѣ.

Автономное самоуправленіе христіанскихъ группъ Балканскаго полуострова, повторяемъ мы, вотъ насколько мы понимаемъ положеніе, единственный лозунгъ, подъ которымъ должна отнынѣ двигаться вся политическая дѣятельность христіанскихъ державъ XIX вѣка въ ихъ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портой.

Другаго исхода для мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса нѣтъ и быть не можетъ.

гатти-гумаюна, коего „высокое значеніе“ (la haute importance) въ томъ же трактатѣ торжественно признано соединенною Европой. Четыре года Европа предоставляла Портѣ разработку и приведеніе въ дѣйствіе этого высокознаменательнаго акта. И внезапно, среди общаго довѣрія и спокойнаго ожиданія будущихъ благъ, прогремѣлъ голосъ Россіи: гатти-гумаюнъ, какъ и всѣ предшествовавшіе ему однородные гатты, фирманы и пр., объ улучшеніи быта христіанскихъ населеній Турціи, оказывается новою, безсовѣстною ложью, положеніе христіанъ со дня на день ухудшается, и чтобъ отвратить пожаръ могущій отъ ежедневно-раздуваемаго огня охватить не одну Турцію необходимо принять мѣры и принять ихъ строго, рѣшительно, безотлагательно.

Чтò же случилось? Откуда и зачѣмъ тревога?

Открываемъ Annuaire des deux Mondes рубрику: „Histoire des Etats Européens. Livre VI. Race Turco-Slave“, и предоставляемъ слово его редактору. Вотъ картина которую онъ намъ рисуетъ политическаго состоянія Турціи и ея христіанскихъ населеній. Тутъ и отзывъ какимъ Европа почтила первое предостереженіе Россіи: съ одной стороны злостное недовѣріе, съ другой столь же звучная сколько пустая и безсодержательная фраза:

„Опытъ примѣненія гатти-гумаюна далеко не доказалъ чтобы подъ непосредственнымъ управленіемъ Турціи разновѣрныя населенія ея могли найдти миръ и благосостояніе. Это внутреннее положеніе Европейской Турціи въ 1860 году обратило на себя вниманіе европейскихъ кабинетовъ.

„Христіане Босніи и Герцеговины снова стали переселяться въ Австрію, укрываясь отъ грабежей турецкихъ солдатъ и отъ насилія туземной мусульманской аристократіи; они жертвовали, жизни ради,

своимъ состояніемъ. Австрійскія провинціи Славоніи и Кроаціи переполнялись этими выходцами. Въ Болгаріи христіанскія жены подвергаются повсемѣстно, и всегда безнаказанно, насилію и похищенію. Упоминаютъ въ особенности Лесковацкій округъ, какъ наиболѣе терпящій отъ этихъ неистовствъ, которыя, впрочемъ, столь обычны въ Болгаріи, что никто и не ожидаетъ по нимъ какого-либо суда.

„Въ Македоніи, въ Эпирѣ, въ Ѳессаліи ведется организованное разбойничество, и на границѣ оно есть преимущественно занятіе самихъ иррегулярныхъ войскъ (баши-бузуковъ), на коихъ возложено ея охраненіе.

„Русскіе органы печати особенно старательно напираютъ на эти факты. Англійскіе, и изъ нихъ преимущественно Times, хотя и ратуютъ въ защиту Турціи, но и они сознаются что чтò-то тутъ есть, и довольно ясно рисуютъ положеніе:

„Послѣдняя война, говоритъ Times,—ничего не „измѣнила и не установила; она не привела ни къ „какому сближенію между разнородными элемента„ми; не дала никакихъ гарантій—со стороны *упра„вляющихъ*, и ни сколько не укротила ненависти къ „нимъ *управляемыхъ*. Гатти-гумаюнъ остался мерт„вою буквой. Намѣренія султана, буде онъ какія„либо и имѣетъ, можетъ-быть были и хорошія, но „они могутъ имѣть дѣйствіе лишь въ чертѣ его влі„янія: границы же эти, къ несчастію, останавли„ваются въ предѣлахъ Константинополя и Смирны. „Въ сельскомъ быту дѣла идутъ по прежнему. Столь „же успѣшно было бы требовать отъ коршуна не „трогать воробья какъ приказывать мусульманину „не безчинствовать надъ христіаниномъ и не гра„бить его. Мусульмане смотрятъ на христіанъ какъ

„плантаторъ Каролины на Негровъ, а турецкій ка-
„ди (судья) весьма близко подходитъ къ тому же „плантатору когда дѣло идетъ о побитомъ несчаст„номъ Негрѣ или христіанинѣ“.

„Если дозволяется допустить заднюю мысль въ положеніи въ какое стала Россія къ Турціи относительно судьбы райевъ, нельзя не оправдать вмѣшательства Европы по этому вопросу. Конференція на которую кн. Горчаковъ созывалъ по сему предмету представителей пяти великихъ державъ не могла имѣть никакого опредѣлительнаго результата. „Смыслъ этого предложенія выясняется впрочемъ вполнѣ въ двухъ дипломатическихъ сообщеніяхъ (май 1860), въ которыхъ точно опредѣляется его значеніе: „Самыя настоятельныя представленія Ту„рецкому правительству не повели ни къ чему“, говоритъ кн. Горчаковъ, „и если взрывъ не послѣ„довалъ еще ранѣе, то это лишь благодаря совѣ„тамъ осторожности съ которыми Русское прави„тельство обращалось къ райямъ; но всевозможныя „неистовства усилили волненіе, и русскій канцлеръ „опасается чтобы предостереженія одной лишь дер„жавы Турецкому правительству не остались без„дѣйственными; тогда какъ, съ другой стороны, „внушеніе христіанамъ долготерпѣнія, которое имъ „становится уже не въ силу, можетъ скоро оказать„ся недостаточнымъ для предупрежденія столкно„венія. Положеніе это не можетъ продолжаться безъ „опасности какъ для самостоятельности Оттоман„ской имперіи, такъ и для общихъ интересовъ Ев„ропы; и Русскій Кабинетъ полагаетъ что коллек„тивное посредничество въ Константинополѣ—одно „могло бы предотвратить грозу. Въ этой мысли онъ „и просилъ представителей великихъ державъ сдѣ„лать своимъ правительствамъ должныя сообщенія,

„дабы поставить ихъ въ возможность обсудить пред-„ложенія Россіи и присоединиться къ нимъ въ той „мѣрѣ какую они сочтутъ для себя удобнѣйшею.“

„Предложенія эти слѣдѣющія: 1) немедленное за-„явленіе пяти великихъ державъ, что онѣ долѣе не „потерпятъ настоящаго положенія вещей въ христі-„анскихъ провинціяхъ Оттоманской имперіи, и 2) „требованіе такой организаціи, которая дала бы хри-„стіанскимъ провинціямъ Порты дѣйствительныя га-„рантіи, имѣющія удовлетворить справедливымъ жа-„лобамъ населеній и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить Ев-„ропу отъ повторенія случайностей, затрогивающихъ „какъ интересы Турціи, такъ и ея собственные“.

Предложенія Россіи произвели въ европейскомъ политическомъ мірѣ довольно сильное возбужденіе. Въ Англіи они подняли тѣ тревожныя подозрѣнія, какія возбуждаетъ тамъ всякое вмѣшательство Россіи въ дѣла Оттоманской имперіи. Британскому правительству въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ легче принимать положеніе противодѣйствія Россіи, что, несмотря на донесенія своихъ агентовъ (которые вскорѣ затѣмъ имѣли быть опубликованы), оно вообще приняло за правило отрицать страданія христіанъ и не признавать дѣйствительности ихъ въ той мѣрѣ, въ какой ихъ изображаютъ. Для него опасность кроется не въ самомъ недугѣ, а въ средствахъ лѣченія, предлагаемыхъ Россіей. Такъ въ засѣданіи палаты, 1 іюня 1860 года, лордъ Джонъ Россель объявилъ что, „онъ не вѣритъ, чтобъ эти злоупотребленія и притѣсненія носили характеръ придаваемый имъ Русскимъ правительствомъ. Онъ прибавилъ, что турки страдаютъ отъ притѣснителей столько же, сколько христіане, и пр.“.

Что касается до Французскаго правительства, то оно хотя и признало, что надо по возможности осте-

регаться возбуждать на Востокѣ вопросы, послѣдствій которыхъ нельзя предвидѣть, но, „побуждаемое серьезнымъ сочувствіемъ къ христіанскимъ населеніямъ, оно сознаетъ отвѣтственность, какую приняла въ отношеніи къ нимъ Европа, утверждая самостоятельность Оттоманской имперіи.“

Немедленнымъ послѣдствіемъ русскихъ предложеній въ Константинополѣ было смѣщеніе великаго визиря, и вмѣсто Мехмеда-Рюшди былъ назначенъ Мехмедъ-Кюпризли-паша. Но одного этого назначенія было, конечно, недостаточно, чтобы разрѣшить затрудненія, возбужденныя русскими предложеніями, требовавшими слѣдствія на мѣстѣ, съ участіемъ европейскихъ делегатовъ. По мысли поданной вновь назначеннымъ тогда въ Константинополь французскимъ посломъ маркизомъ Лавалеттомъ, это слѣдствіе о положеніи христіанскихъ населеній было поручено самому великому визирю, коему дано было полномочіе султана возстановить права потерпѣвшихъ и наказать виновниковъ ихъ нарушенія. Мѣстные европейскіе агенты, не участвуя въ слѣдствіи, были лишь обязаны доставлять великому визирю свѣдѣнія какія могли ему потребоваться.

2 іюня 1860 года великій визирь высадился въ Варнѣ, 4 отправился въ Шумлу, 12 прибылъ въ Рущукъ, и черезъ Софію направилъ свой путь въ Монастыръ, а оттуда черезъ Салоники тріумфально вернулся въ Константинополь, при громѣ пушекъ и звукѣ трубъ, сопровождавшихъ его отъѣздъ въ Варну.

Не было однако чему радоваться. Въ выведенномъ результатѣ этотъ объѣздъ доказалъ лишь самымъ осязательнымъ образомъ всю несостоятельность, въ какой находилась Порта, своими одними средствами уврачевать язвы, которыя столь справед-

ливо озабочивали Европу. Кюпризли-паша, слывущій за одного изъ самыхъ честныхъ и энергичныхъ турецкихъ дѣятелей, не сумѣлъ даже обнаружить зла. Онъ казнилъ нѣсколькихъ разбойниковъ, привезъ съ собою не мало замѣтокъ, довольно круто обошелся съ нѣкоторыми христіанами, и все оставилъ по старому. Но самый жалкій плодъ его поѣздки—это самое донесеніе представленное великимъ визиремъ султану. Кюпризли-паша упоминаетъ въ особенности о своемъ пребываніи въ Ниши, откуда приходило наиболѣе жалобъ. „Совершенно ложно, „говоритъ онъ, чтобы ваши христіанскіе подданные „терпѣли малѣйшее систематическое притѣсненіе со „стороны ихъ согражданъ мусульманъ; какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ на всякую общину „приходится своя доля преступленій“... Великій визирь сознается однако, что по *нѣкоторымъ* отраслямъ администраціи „требуется скорая и серьезная реформа. Сборъ десятины, устройство сельской полиціи и содержаніе путей сообщенія возбуждаютъ „справедливый и единогласный ропотъ всѣхъ вашихъ подданныхъ. Учрежденіе нѣсколькихъ уголовныхъ судовъ, которые представляли бы болѣе „гарантій подсудимымъ, есть также мѣра, которая „бы наиболѣе удовлетворила требованіямъ края. Наконецъ, постановленія дѣйствующія по сбору поземельной подати и косвенныхъ налоговъ требуютъ „также нѣкоторыхъ измѣненій“.

Говоря далѣе о происходившемъ послѣ войны переселеніи въ Турцію Крымскихъ татаръ и Черкесовъ съ Кавказа, мы находимъ въ политическомъ обозрѣніи за 1860 годъ слѣдующія данныя:

Прибытіе Татаръ въ Добруджу и Болгарію послужило новымъ поводомъ къ утѣсненію христіанъ этого края, которые были вынуждены уступить при-

шельцамъ мусульманамъ половину своихъ помѣщеній и наличнаго добра. Сами татары впрочемъ скоро поняли что тутъ было не то что̀ въ Россіи, и высадившись какъ странники просящіе гостепріимства, они тотчасъ же настроились подъ ладъ своихъ единовѣрцевъ и заговорили какъ повелители. Въ Константинополѣ увѣряли въ оффиціальномъ органѣ (Journal de Constantinople) что во всѣхъ мѣстностяхъ колонизованныхъ татарами, туземные христіане съ радостію привѣтствовали переселенцевъ. Сербскія же „Новины" (отъ 6 февраля 1861 г.) отвѣчали на это опубликованіемъ просьбъ, съ которыми эти же туземцы обращались къ сербскимъ пограничнымъ властямъ: „Намъ уже невозможно оста„ваться въ своихъ домахъ", говорили они,— „скажи„те, не согласитесь ли вы принять насъ на поселеніе „въ вашъ край?" Далѣе объясняли, какъ они были „вынуждены уступить свои жилища татарамъ: „такъ „что въ настоящее время самая убогая и тѣсная хи„жина укрываетъ до двухъ и трехъ христіанскихъ „семей", и для прокормленія пришельцевъ съ нихъ „взимается поголовно 200 окъ зерна, 5 окъ фасолей, „3 оки луку, 1 окъ соли, 1/2 оки свинаго сала и пр. „Если же товаръ не перваго качества, то не упа„сешься непріятностей отъ новыхъ хозяевъ". Вслѣдствіе сего татарская колонизація имѣла послѣдствіемъ переселеніе въ Сербію не малаго числа болгарскихъ семействъ.

Переселенія черкесовъ и ногайскихъ татаръ вызвали тѣ же случаи неурядицы и притѣсненій. Прибыли они оборвышами, безо всего, и съ перваго же дня стали грозой поселянъ; силой вторгались въ сады, вырубали фруктовыя деревья на топливо и т. д. На жалобы пашѣ одинъ отвѣтъ: „Они гости сул„тана, я на нихъ жалобъ принимать не могу; да у

„меня и силъ нѣтъ достаточно, чтобъ ихъ укротить“. Ногайцы бродили толпами и похищали все, что могли, начиная со скота. „На о. Родосѣ губернаторъ долженъ былъ обложить христіанское населеніе сборомъ во 100.000 піастровъ, чтобъ удержать черкесскихъ переселенцевъ и гарнизонныхъ солдатъ, которые грозили всѣхъ перерѣзать, если не будутъ удовлетворены жалованьемъ“.

„Трудно предусмотрѣть, принесетъ ли эта эмиграція Турціи новую силу. Покамѣстъ же она представляетъ лишь новый элементъ безпорядковъ и новые поводы къ угнетенію христіанъ. А ихъ и безъ того уже было дочтаточно, чтобъ оправдать стремленіе райевъ искать всевозможными средствами высвободиться отъ своей злой участи!“

Этимъ возгласомъ лѣтописецъ заканчиваетъ 1860 годъ, послѣдній царствованія султана Абдулъ-Меджида.

II.

Неутѣшительнымъ, какъ мы видѣли, рисовалось западнымъ публицистамъ 1860 года внутреннее состояніе Балканскаго полуострова, и мѣры, какія были внушены Турецкому правительству его европейскими друзьями и охранителями для уврачеванія зла.

Не утѣшительнѣе представлялось положеніе и въ азіятскихъ частяхъ Турецкой имперіи для христіанскихъ ея населеній этого края.

Наслѣдіе пресловутаго эмира Бешира—гора Ливанъ съ ея смѣшаннымъ населеніемъ маронитовъ-католиковъ и друзовъ-магометанъ—стало въ свою очередь жертвой административно-преобразовательныхъ стремленій Турецкаго правительства и введенія

европейской централизаціи въ управленіе. Ливанъ обагрился кровью безсчетныхъ жертвъ мусульманскаго фанатизма, павшихъ тысячами подъ рукой убійцъ.

Не лишнимъ здѣсь замѣтить, что это сплошное, хотя и не многочисленное населеніе маронитовъ (всего около 150.000 душъ), искони было любимою почвой политической дѣятельности католической Франціи, считающей себя, вѣроятно по наслѣдію крестоносцевъ, присяжною покровительницей сирійскихъ христіанскихъ населеній вообще. Прибавимъ, однако, что по отношенію къ большинству этихъ населеній, принадлежащихъ къ греко-восточному вѣроисповѣданію, единственное проявленіе этого покровительства ограничивалось исключительно католическимъ прозелитизмомъ и оказывалось на дѣлѣ лишь тѣмъ, которые ему поддавались. Но здѣсь, какъ всегда, вездѣ и во всѣхъ вопросахъ на Востокѣ, дѣйствію Франціи ставилось постоянное противодѣйствіе англійскихъ политическихъ и библейскихъ агентовъ; сіи послѣдніе также, Богъ знаетъ почему, избрали себѣ эту же мѣстность для преимущественной дѣятельности своей протестантской пропаганды.

Съ 1840 года, когда послѣ вооруженныхъ столкновеній съ своимъ египетскимъ вассаломъ, Порта, при содѣйствіи Англіи и Франціи, снова вступила въ обладаніе Сиріей,—всѣ ея старанія были направлены къ окончательному подчиненію Ливанской горы общему строю своей внутренней администраціи и къ образованію изъ нея обыкновеннаго пашалыка; всѣ ея стремленія клонились къ тому, чтобъ уничтожить всякіе слѣды самоуправленія, искони сосредоточившагося въ одномъ изъ наиболѣе вліятельныхъ туземныхъ христіанскихъ родовъ, по

прозванію Шехабъ, послѣднимъ замѣчательнымъ представителемъ котораго и былъ извѣстный эмиръ Беширъ.

Здѣсь опять Англія, имѣвшая въ то время своего полновластнаго султана въ Константинополѣ въ лицѣ Сэра Стратфорда Каннинга (впослѣдствіи лорда Редклифа), считала для себя болѣе удобнымъ имѣть дѣло съ своимъ братомъ—турецкимъ пашой, чѣмъ съ полувассаломъ, ищущимъ своей независимости отъ покровительства другой европейской державы-соперницы; и Англія поддерживала и отстаивала старанія и стремленія Порты, тогда какъ Франція ратовала въ пользу своего туземнаго представителя католицизма. Этотъ антагонизмъ двухъ морскихъ державъ, при всей звучности пресловутаго сердечнаго союза, entente cordiale, временъ Луи-Филиппа, постоянно впрочемъ разрѣшался диссонансомъ въ обоюдныхъ дѣйствіяхъ ихъ представителей на Востокѣ. И въ то самое время, какъ король-гражданинъ и повелительница морей обмѣнивались дружественными посѣщеніями и сердечными рукопожатіями, ихъ дипломаты, встрѣчаясь, сворачивали въ сторону, чтобы другъ другу даже не поклониться. Такъ было въ Греціи, такъ было и въ Константинополѣ, и въ Александріи, и въ Мадридѣ, такъ было даже и на Маркизскихъ островахъ.

Въ Сиріи, при исконной родовой враждѣ двухъ сожителей-противниковъ, друзовъ и маронитовъ, антагонизмъ этотъ не мало опособствовалъ растравленію страстей, и въ 1860 году разрѣшился тѣми же неистовствами, какихъ были свидѣтелями и поля Болгаріи, и Босніи, и Герцеговины. Но тутъ дѣло шло не о простыхъ райяхъ-схизматикахъ; затронуты были населенія—представитель, ядро католицизма на Востокѣ;—и преемницѣ крестоносцевъ, ка-

толической Франціи, и на память не пришелъ отзывъ, какимъ она за день предъ тѣмъ встрѣчала заявленія Россіи объ участи славянъ, оговаривая, что „надо по возможности остерегаться возбуждать на Востокѣ вопросы, которыхъ послѣдствій нельзя предвидѣть“.

Тутъ разомъ все было отложено въ сторону: и неприкосновенность Оттоманской имперіи, и невмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи; и почти въ одинъ и тотъ же день, 16 іюля, въ Константинополѣ—Порта увѣдомляла представителей державъ о командировкѣ въ Сирію для умиротворенія края самого Рейсъ-эфенди-Фуадъ-паши, а 17-го, въ Парижѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель сообщалъ своему посланнику въ Лондонѣ предложеніе слѣдующаго рода:

„Приказъ данный начальникамъ эскадръ предоставить въ случаѣ надобности въ распоряженіе консуловъ свои экипажи не даетъ средствъ одолѣть возстанія въ центрѣ его разгара, т. е. во внутренности Ливана. Отрядъ войскъ, поставленный въ возможность дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, одинъ могъ бы выполнить эту задачу. Со всѣхъ точекъ зрѣнія мѣра эта имѣла бы доброе значеніе; не говоря о пособіи, какое этотъ отрядъ могъ бы, при случаѣ, оказать турецкимъ войскамъ одною нравственною своею силой, онъ ободрилъ бы населенія и оказалъ благодѣтельное вліяніе на обращеніе и образъ дѣйствія самихъ оттоманскихъ чиновныхъ лицъ“.

„Само собой“, оговаривается г. Тувенель,—„мѣра та можетъ быть принята не иначе, какъ съ согла[сія] Турціи, и столь же необходимо, чтобъ она имѣ[ла] характеръ явнаго соглашенія пяти кабинетовъ. [Так]имъ образомъ въ принципѣ вмѣшательство было [к]оллективное, и европейскій отрядъ, посланный

въ общихъ видахъ, явился бы, нѣкоторымъ образомъ, какъ исполнитель препорученій державъ".

Посмотримъ, какъ станетъ разыгрываться это столькими фикціями оплетенное вмѣшательство. Тутъ надо и *согласіе Порты*, и *предварительное соглашеніе кабинетовъ*, и чтобъ оккупаціонный отрядъ былъ *будто* пособіемъ для турецкихъ войскъ, и чтобъ онъ *имѣлъ видъ* представительства державъ!.. Чего тутъ нѣтъ?

Англійское правительство отвѣчало, что оно сухопутныхъ войскъ послать въ Сирію не можетъ, но усилитъ свой морской отрядъ у береговъ Сиріи, дабы дѣйствительнѣе охранять прибрежныя населенія. Что касается населеній внутри края и особенно въ Ливанѣ, они будутъ охраняемы французскимъ отрядомъ, съ помощію, если нужно, и австрійскаго; „*требовать отрядовъ отъ Пруссіи или Россіи кажется Британскому кабинету лишнимъ*"; но необходимо чтобы французское занятіе было обусловлено конвенціей, „*которую впрочемъ можно обсудить и установить тѣмъ временемъ, что французская экспедиція будетъ плыть къ своему назначенію*".

Замѣтьте эту трогательную поспѣшность! Нѣтъ и помину о тройственномъ сепаратномъ трактатѣ 1856 года, гарантировавшемъ неприкосновенность Турціи. Правда, все это будетъ съ *предварительнаго* согласія Порты и съ *предварительнаго же общаго соглашенія державъ*; но пока Порта вмѣсто согласія заявляетъ формальный протестъ, да и сама Англія, опомнившись, ставитъ условія данному ею въ первый моментъ согласія, французскій отрядъ выса живается 16 августа въ Бейрутѣ, ровно мѣся спустя послѣ перваго слова молвленнаго объ э мѣрѣ французскимъ министромъ иностран дѣлъ.

Не замедлили отвѣты о согласіи лишь со стороны Австріи и Россіи.

Но предоставимъ здѣсь слово перечитываемому нами сборнику:

„Князь Горчаковъ, пишетъ графъ Монтебелло *), отъ 21 іюля,—мнѣ немедленно заявилъ, что когда дѣло идетъ о мѣрахъ къ покровительству христіанъ, Россія всегда готова къ нимъ присоединиться внѣ всякаго условія племени или вѣроисповѣданія, что онъ поэтому соглашается на наши предложенія и съ радостью, безъ всякаго чувства ревности, привѣтствуетъ въ томъ краѣ французское знамя предпочтительно всякому другому“.

„Порта соглашалась на учрежденіе требуемой коммисіи, составленной изъ делегатовъ пяти державъ, но сильно противилась предположенной военной экспедиціи. Мѣра эта, говорила она, по впечатлѣнію какое она неминуемо произведетъ на христіанъ прочихъ мѣстностей имперіи, будетъ имѣть послѣдствія, какихъ нельзя ни предвидѣть, ни исчислить, и желаніе оказать заступничество христіанамъ въ одной части имперіи разольетъ потоки крови въ другихъ **).

„Министры султана должны были вскорѣ уступить предъ твердою рѣшимостью европейскихъ кабинетовъ и въ особенности г. Тувенеля, и 26 іюля представитель Порты въ Парижѣ получилъ приказаніе подписать конвенцію на слѣдующихъ основаніяхъ: движенія и употребленіе въ дѣйствіе экспедиціоннаго корпуса будутъ производимы по соглашенію съ оттоманскими властями. Количество

*) Тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ.

**) Нота Порты, отъ 20 іюля, врученная представителямъ державъ въ Константинополѣ.

этого войска будетъ опредѣлено, смотря по надобности. Удаленіе его послѣдуетъ въ срокъ, выговоренный конвенціей.

Сопротивленіе Турціи было устранено, но возникли затрудненія со стороны Лондонскаго кабинета: лордъ Джонъ Россель подчинялъ свое согласіе тремъ слѣдующимъ условіямъ: 1) Фуадъ-паша будетъ просить содѣйствія европейскаго войска, то-есть можно будетъ прибѣгнуть къ употребленію этого войска лишь въ случаѣ, если турки признаютъ себя не въ состояніи безъ посторонней помощи возстановить порядокъ; 2) слѣдуетъ по возможности безотлагательно подписать европейскую конвенцію, имѣющую быть заключенною съ Портой, и 3) европейское занятіе Сиріи не продлится долѣе шести мѣсяцевъ.

Протоколъ былъ подписанъ 3 августа, а самая конвенція 5 сентября, то-есть около мѣсяца спустя какъ французскія войска были на мѣстѣ.

Но до того и со стороны Россіи возникли нѣкоторыя затрудненія.

„Затрудненія эти", читаемъ мы,—„были совершенно другаго рода. Объявляя графу Монтебелло, что графъ Киселевъ былъ уполномоченъ приступить къ обсужденію конвенціи относительно занятія Сиріи, князь Горчаковъ прибавилъ, что Государь Императоръ приказалъ ему „требовать, чтобы въ означен„ную конвенцію была включена статья по которой „державы обязались бы совмѣстно съ Турціей и со„гласно ея торжественнымъ обѣщаніямъ настоять „на дѣйствительномъ улучшеніи быта христіянъ во „всей имперіи, на искорененіи не терпимыхъ зло„употребленій какія были обнаружены и предотвра„щеніи ихъ возобновленія органическими админи„стративными мѣрами".

„*По тогдашнему извѣстному настроенію кабинетовъ*, особенно *въ Англіи* и *Австріи*, предложенія Россіи, *къ сожалѣнію вполнѣ оправдывавшіяся*, въ сущности не могли быть приняты въ томъ видѣ какой указывалъ министръ Императора Александра, и, по соглашенію послѣдовавшему между Парижемъ и Лондономъ, добавочный къ конвенціи протоколъ былъ подписанъ 3 августа въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Уполномоченные Австріи, Франціи, Англіи, Пруссіи и Россіи, желая опредѣлить истинное значеніе содѣйствія, оказываемаго ихъ правительствами Блистательной Портѣ и пр., формальнѣйшимъ образомъ объявляютъ что договаривающіяся стороны, во исполненіе принимаемыхъ ими обязательствъ, не имѣютъ и не будутъ имѣть въ виду ни территоріальныхъ выгодъ, ни какого-либо исключительнаго вліянія, ни коммерческихъ преимуществъ для ихъ подданныхъ, которыя не могли бы быть предоставлены и подданнымъ всѣхъ прочихъ державъ.

„Тѣмъ не менѣе они не могутъ воздержаться, памятуя акты провозглашенные его величествомъ султаномъ, коихъ статья 9 трактата 30 марта 1856 г. признала высокое значеніе, *выразить всю цѣну*, *придаваемую ихъ Дворами*, *тому*, *чтобы сообразно торжественнымъ обѣщаніямъ Блистательной Порты были приняты серьезныя административныя мѣры для улучшенія быта христіанскихъ населеній всѣхъ вѣроисповѣданій въ Оттоманской имперіи*.

„Турецкій уполномоченный *принимаетъ къ свѣдѣнію* эту декларацію представителей великихъ державъ и обязуется препроводить оную своему Двору, причемъ присовокупляетъ, что Блистательная Порта употребляла доселѣ и будетъ продолжать прилагать

всѣ свои усилія въ смыслѣ выше выраженнаго желанія державъ".

„Второе предостереженіе Россіи, и въ силу *тогдашняго извѣстнаго настроенія Англіи и Австріи*", новый вѣжливый отводъ.

Голословныя pia desideria и не менѣе голословное принятіе оныхъ къ свѣдѣнію.

Мы не станемъ здѣсь слѣдить за всѣми случайностями, коими ознаменовалось это псевдо-вспомогательное вооруженное вмѣшательство Франціи во внутренніе распорядки Турціи.

Намъ дорого лишь показать, какъ по указанному опыту можно единственнымъ лишь образомъ успѣшно дѣйствовать на эту окрещенную въ члены европейской семьи, но по плоти и духу оставшуюся чисто-варварскою, азіятскую державу.

И однако шесть мѣсяцевъ спустя по высадкѣ французскихъ войскъ и несмотря на то, что во главѣ турецкой коммиссіи, посланной для замиренія страны, стоялъ самъ Рейсъ-эфенди, пресловутый Фуадъ-паша, возведенный западно-европейскимъ мнѣніемъ чуть ли не на степень первостатейнаго европейскаго государственнаго дѣятеля,—несмотря ни на что, „вѣрнымъ остается то", замѣчаетъ наша лѣтопись,—„что къ концу 1860 года европейское вмѣшательство не привело ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ: укрощеніе было далеко не полное, никакихъ мѣръ не было принято относительно денежныхъ вознагражденій потерпѣвшимъ, безопасность была обезпечена лишь на тѣхъ пунктахъ, которые были заняты французскими войсками; наконецъ вопросъ о реорганизаціи, столь важный для умиротворенія края, не подвинулся ни на шагъ. Положеніе это было *слѣдствіемъ систематической недобросовѣстности Турціи, поддерживаемой Англіей*".

Затѣмъ первый назначенный по конвенціи шестимѣсячный срокъ для занятія былъ, по предложенію Франціи, продленъ до 6 іюня 1861 года.

Европейская и турецкая коммиссіи обсуждали въ Бейрутѣ вновь предполагаемое политическое устройство Ливанской горы, и Франція ревниво слѣдила за исходомъ этого дѣла, твердо рѣшившись не отступать ни на шагъ, пока не будетъ обезпечена будущность покровительствуемаго ею католическаго племени.

При этомъ кстати повѣдать нашимъ православнымъ читателямъ и о томъ, въ какихъ размѣрахъ Франція оказывала денежное пособіе своимъ сирійскимъ единовѣрцамъ: клерикальное общество „христіанскихъ школъ на Востокѣ“ (Oeuvre des Ecoles chretiennes en Orient) открыло тогда подписку, которая покрылась въ суммѣ 2.500.000 франковъ!

Регламентъ по устройству Ливана былъ наконецъ подписанъ 9 іюня 1861 года, и мы приведемъ здѣсь, имѣющія, сколько намъ кажется, и современное значеніе, существенныя составныя части онаго:

„Ливанъ будетъ управляться губернаторомъ изъ христіанъ, назначеннымъ Блистательною Портой и прямо отъ нея зависящимъ.

„Это должностное лицо, смѣняемое, будетъ облечено всѣми правами и преимуществами исполнительной власти; оно имѣемъ блюсти за сохраненіемъ порядка и общественной безопасности по всей горѣ, собирать подати, назначать, подъ своею отвѣтственностію и въ силу полномочій, какія получитъ отъ его величества султана, членовъ управленія, опредѣлять судей, созывать и центральный правительственный *меджлисъ* (совѣтъ), предсѣдать

въ немъ и наблюдать за исполненіемъ судебныхъ приговоровъ.

„Каждый изъ составныхъ элементовъ населенія горы будетъ имѣть при губернаторѣ представителя, избраннаго старѣйшинами каждой общины (ст. I).

„Для всей горы будетъ центральный правительственный меджлисъ, составленный изъ 12 членовъ: двухъ маронитовъ, двухъ друзовъ, двухъ грековъ-православныхъ, двухъ грековъ-католиковъ, двухъ метуалисовъ и двухъ мусульманъ.

„Совѣтъ этотъ имѣетъ вѣдать распредѣленіемъ податей, повѣркой управленія доходовъ и расходовъ и давать совѣщательное мнѣніе по всѣмъ вопросамъ какіе ему могутъ быть предложены губернаторомъ (ст. II).

„Гора подраздѣляется на шесть правительственныхъ округовъ, и въ каждомъ назначается губернаторомъ агентъ управленія, избранный изъ преобладающаго въ округѣ по населенію или по крупности землевладѣнія, вѣроисповѣданію (ст. III).

„Въ каждомъ округѣ имѣется мѣстный совѣтъ управленія, составленный изъ трехъ и до шести членовъ — представителей различныхъ элементовъ населенія и интересовъ мѣстнаго землевладѣнія (ст. IV).

„Равноправность всѣхъ предъ закономъ, уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ привилегій (ст. VI).

„Въ обыкновенное время охраненіе порядка и исполненіе законовъ будутъ обезпечиваться губернаторомъ исключительно помощью сборной полицейской силы, которая имѣетъ набираться вольною вербовкой, въ размѣрѣ семи человѣкъ съ тысячи.

„Въ случаѣ надобности и съ согласія центральнаго совѣта, губернаторъ можетъ потребовать содѣйствія пребывающихъ въ Сиріи регулярныхъ

войскъ. Въ такомъ случаѣ командующій этими войсками, кромѣ по чисто-военнымъ и стратегическимъ вопросамъ, *будетъ состоять* и *дѣйствовать подъ непосредственнымъ начальствомъ* и *отвѣтственностью губернатора*. Войска должны немедленно удалиться изъ предѣловъ горы, какъ скоро губернаторъ объявитъ офиціально, что цѣль, на какую они были призваны, достигнута (ст. XV).

„Оттоманская Порта предоставляетъ себѣ право чрезъ посредство губернатора собирать съ Ливана подать въ 3.500 кошельковъ и довести ее, по мѣрѣ улучшенія обстоятельствъ, до 7.000. *Податной доходъ прежде всего долженъ быть употребленъ на нужды мѣстнаго управленія и на расходы общественной пользы края;* остатокъ лишь затѣмъ имѣетъ поступать въ государственное казначейство (ст. XVI).

Наконецъ объяснительный протоколъ, пріобщенный къ этому регламенту, постановляетъ, что губернаторъ назначается на три года и что хотя онъ и смѣняемъ, но можетъ быть отставленъ лишь вслѣдствіе судебнаго приговора. За три же мѣсяца до истеченія трехлѣтія Порта, по назначенію ему преемника, имѣетъ входить въ соглашеніе съ представителями великихъ державъ“.

Съ подписаніемъ этого акта цѣль французской экспедиціи была достигнута, и французскому послу въ Константинополѣ было поручено объявить Портѣ, „что войска удалятся въ срокъ, назначенный дополнительною конвенціей, но что выводя свои силы на основаніи соглашенія, выговореннаго и установленнаго съ прочими кабинетами, Франція нисколько не устраняется отъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ христіанамъ Востока“, и г. Тувенель громко это заявляетъ въ слѣдующемъ своемъ заключеніи:

„Мы удерживаемъ за собою право обсуждать, *внѣ* „*всякаго спеціальнаго соглашенія*, происшествія, какія „могутъ возникнуть въ Сиріи, и не имѣемъ повода „скрывать отъ Порты, что вѣковыя традиціи возло„жили бы на насъ, если потребуется, обязанность „оказывать ливанскимъ христіанамъ дѣйствительную „помощь въ случаѣ новыхъ преслѣдованій".

Спрашивается, въ скобкахъ, что сказали бы мѣсяцевъ за шесть тому назадъ босняки и герцеговинцы, еслибъ имъ предложили и заручили подписомъ всей Европы подобный регламентъ? Что́ сказали бы болгары, еслибы въ **1860** году подобнымъ актомъ былъ замѣненъ столь благотворный, какъ мы видѣли, совѣтъ маркиза Лавалетта и не менѣе плодотворное путешествіе великаго визиря?

Много честной христіанской крови было бы убережено! Много заботъ и непредвидѣнныхъ случайностей было бы устранено изъ будущихъ судебъ Европы!

III.

Ливанскій вопросъ былъ послѣднимъ политическимъ событіемъ царствованія Абдулъ-Меджида. „Лишенный всякой энергіи, радѣнія къ дѣлу и послѣдовательности въ мысляхъ, Абдулъ-Меджидъ всецѣло предавался своей разорительной страсти къ роскошнымъ постройкамъ, поддаваясь безусловно всѣмъ прихотямъ гарема и алчности своей родни и своихъ приближенныхъ. Безпечный и сладострастный образъ жизни, какую онъ велъ, окончательно истощилъ и безъ того слабый организмъ..." и 13 (25) іюня его не стало.

Этимъ панегирикомъ лѣтописецъ покончиваетъ

съ Абдулъ-Меджидомъ и приступаетъ къ оцѣнкѣ вступившаго на престолъ его брата и наслѣдника Абдулъ-Азиса.

Но съ перваго же слова проглядываетъ здѣсь, какъ говорятъ французы, „кончикъ ослинаго уха“ (le bout de l'oreille d'âne).

„Абдулъ-Азисъ“, читаемъ мы, „до своего воцаренія, *пользовался нѣкоторою репутаціей энергичности и дѣятельности*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слылъ рьянымъ фанатикомъ и открытымъ противникомъ реформъ предпринятыхъ его отцомъ и которыхъ придерживался и его братъ. Онъ до сихъ поръ не оправдалъ *ни этихъ надеждъ*, ни этихъ опасеній“.

Итакъ, съ перваго же дня Франція недовольна; новый султанъ не оправдалъ надеждъ ея на его энергичность и дѣятельность! Но разгадка тутъ же, на слѣдующей строкѣ.

Сторонники Франціи во главѣ управленія были замѣнены сторонниками Англіи; Риза-паша, вліятельнѣйшій изъ нихъ, былъ удаленъ и даже впалъ въ немилость. Маркизъ Лавалетъ *) терялъ свои козыри и они перешли въ руки сэръ-Генри Булвера **): inde ira! Плоды все того же сердечнаго союза!

Въ то же время Англія воспѣвала хвалебный гимнъ на зарѣ новаго царствованія, и лордъ Вудгаузъ привѣтствовалъ въ палатѣ лордовъ новаго султана какъ установителя единоженства. Султанъ, дѣйствительно, только-что объявилъ тогда, что онъ имѣетъ сына, воспитывавшагося дотолѣ въ тайнѣ, и распространился слухъ, будто онъ рѣшился не давать соперницъ матери этого ребенка.

Аали, Фуадъ, Мехмедъ-Али, шуринъ султана, Намикъ-паша—всѣ излюбленные тузы западно-евро-

*) Французскій посолъ.
**) Англійскій посолъ.

пейскихъ туркофиловъ—получили высшія назначенія Предолагались всевозможныя реформы, началось преслѣдованіе нѣкоторыхъ злоупотребленій въ военномъ управленіи; мѣнялась обмундировка, учреждался новый орденъ,—однимъ словомъ, читаешь будто современную страницу! Разница лишь въ имени: вмѣсто Мурадъ V читай Абдулъ-Азисъ; та же пыль въ глаза, тотъ же оптическій обманъ, разсѣваемый поочередно французскими или англійскими публицистами, смотря по болѣе или менѣе гальскому или британскому оттѣнку стоящихъ у одра больнаго человѣка врачей.

Въ настоящую минуту однако французскій врачъ, благодаря чувству зависти къ своему собрату англичанину, является какъ бы добросовѣстнѣе въ оцѣнкѣ состоянія.

„Всѣ эти реформы, говоритъ онъ, *изъ коихъ большая часть должна была остаться лишь на бумагѣ*, были благосклонно приняты всею Европой; въ Турціи имъ вѣрили менѣе, но въ Англіи восторгу не было мѣры. Возрожденіе Турціи было торжествомъ политики, которой слѣдуетъ столько лѣтъ Британскій кабинетъ. Вступившій на престолъ султанъ отстранилъ всѣ поводы и всѣ условія успѣха какъ *преобладательнымъ замысламъ Россіи*, *такъ и сентиментальнымъ увлеченіямъ Франціи въ пользу восточныхъ христіанъ*, и британскій посолъ явился вѣрнымъ истолкователемъ этихъ чувствъ своего правительства, когда 31 іюля, на торжественной аудіенціи у султана, онъ провозглашалъ, что новая эра открывается для судебъ обширной имперіи Османліевъ и предсказывалъ Абдулъ-Азису „царствованіе болѣе славное и плодотворное всѣхъ знаменитѣйшихъ его предшественниковъ“. Была, конечно, доля преувеличенія въ разочарованіи, вскорѣ

вольныхъ селеній мусульманамъ, которые и продолжали ими владѣть, вопреки неоднократнымъ предписаніямъ изъ Константинополя. Они присовокупляли что вслѣдствіе просьбы поданной ими по тому предмету великому визирю въ прошлогодній его объѣздъ, 22 человѣка изъ христіанъ принесшихъ эту жалобу были преданы смертной казни. Лишенные права носить оружіе, они, особенно въ своихъ переѣздахъ, были подвержены постояннымъ нападеніямъ турокъ. Они просили учрежденія охранительной полиціи составленной изъ стражниковъ обоихъ вѣроисповѣданій. Въ февралѣ 1861 года, они посылали даже депутацію въ Бѣлградъ чтобы просить прямо защиты консуловъ. Обратили вниманіе Порты на это обстоятельство, но не добились, сколько кажется, ничего“.

Прошенія эти возобновлялись не разъ въ теченіе 1861 года; такъ, въ августѣ виддинскіе Болгары посылали отъ себя въ Бѣлградъ тридцать человѣкъ депутатовъ; всѣми консулами, *кромѣ Англійскаго*, они были приняты и выслушаны благосклонно. „Какъ всегда, посланные жаловались на порядокъ сбора съ десятины, на убійства и насилія со стороны турокъ, на волненіе возбуждаемое наплывомъ татаръ, наконецъ, на данное имъ повелѣніе очистить въ двадцатидневный срокъ свои жилища для предоставленія ихъ переселенцамъ. Въ ноябрѣ 1861 года такого же рода жалобы получили консулы и отъ Лесковацкихъ Болгаръ. На всѣ эти заявленія Порта отвѣчала невозмутимымъ бездѣйствіемъ, полагаясь на показанія великаго визиря, который, какъ мы видѣли, въ 1860 году представилъ султану донесеніе вполнѣ опровергающее всѣ факты заявленные княземъ Горчаковымъ“.

Вслѣдствіе этого доносенія князь Лобановъ *) тогда же вручилъ Портѣ меморандумъ, въ коемъ указывалъ необходимость допустить великія державы къ обсужденію плана реформъ совмѣстно съ министрами султана"; — „мысль эта, на которую соглашались и въ Парижѣ и въ Лондонѣ, была, разумѣется, напрямикъ отвергнута въ Константинополѣ, гдѣ отвѣчали лишь обѣщаніемъ сообщить державамъ о тѣхъ реформахъ которыя будутъ *въ принципѣ* рѣшены Портой." Эта третья попытка Россіи къ дѣйствительному улучшенію быта несчастныхъ славянскихъ населеній разрѣшилась въ маѣ 1861 года сообщеніемъ слѣдующаго проекта: „отмѣна откупнаго порядка сбора косвенныхъ налоговъ, учрежденіе контроля по сбору съ поселянъ прямыхъ налоговъ, организація полицейской стражи, учрежденіе уголовныхъ судовъ съ допущеніемъ свидѣтельства христіанъ и т. д.". Реформы эти, несмотря на ихъ недостаточность, такъ и остались однако однимъ проектомъ, и французскому послу самому пришлось, хотя и тщетно, „напоминать Портѣ объ обязательствѣ содержавшемся въ гатти-гумаюнѣ 1856 года касательно допущенія въ судахъ свидѣтельства христіанъ".

Между тѣмъ переселеніе въ Сербію болгарскихъ общинъ вытѣсняемыхъ прибывшими изъ Крыма татарами, принимало все бóльшіе и бóльшіе размѣры, и Сербское правительство, обремененное непосильными ему обязанностями водворенія и прокормленія несчастныхъ, должно было обратиться къ Портѣ съ заявленіемъ о своихъ затрудненіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Порта объявила амнистію бѣжавшимъ въ Сербію болгарамъ и боснякамъ, съ обѣщаніемъ не

*) Нашъ посланникъ въ Константинополѣ.

преслѣдовать тѣхъ, которые вернутся: но ни тѣ, ни другіе не согласились на эти условія и обратились къ султану съ заявленіемъ что останутся въ Сербіи, пока имъ не возвратятъ ихъ народныхъ христіанскихъ вождей; а князя Михаила просили дозволить имъ до того пребывать въ его владѣніяхъ.

Въ то же время и со стороны Черногоріи дѣла принимали не менѣе тревожный оборотъ.

30-го іюня 1860 года князь Даніилъ, находясь въ Которѣ, палъ подъ ножомъ убійцы, жертвой личнаго мщенія, и умирая назначилъ себѣ наслѣдникомъ своего племянника, сына своего старшаго брата Марка, Николая.

Вступивъ въ управленіе княжествомъ, князь Николай заявилъ съ перваго же дня свою готовность соблюдать дружественныя отношенія съ Портой и вошелъ въ сношенія со Скутарскимъ пашой. Взаимно было условлено между ними что князь и паша будутъ всевозможно стараться содѣйствовать улаженію всякихъ поводовъ къ столкновенію и избѣгать обращенія къ европейскимъ консуламъ, развѣ въ случаяхъ разногласія.

Но столкновенія эти были неизбѣжны при вѣчномъ вопросѣ о границахъ, которыя, по неопредѣленности своей, не дозволяли правильнаго опредѣленія пограничныхъ собственностей, и въ 1861 г. новый взрывъ, никогда впрочемъ вполнѣ не потухавшаго возстанія въ Герцоговинѣ, придалъ обстоятельствамъ угрожающій характеръ. Этотъ взрывъ былъ возбужденъ новыми убійствами и грабежами совершенными турецкими войсками въ Гачскомъ округѣ.

Сосѣдство, одноплеменность, непрерывныя и необходимыя ежедневныя сношенія Черногоріи съ Герцеговиной необходимо влекутъ ихъ къ обязатель-

ной, нѣкоторымъ образомъ, солидарности и въ ихъ жизненныхъ интересахъ.

Всякое зло, всякое истязаніе причиненное любому Герцеговинцу—эхомъ злобы и возмездія откликается во всѣхъ ущельяхъ Черной Горы; а въ январѣ 1861 года случилось что турки напали на четырехъ черногорцевъ и предательски умертвили ихъ. Князь Николай тутъ же взялся было за оружіе, но вмѣшались консулы и обѣщали что убійцы будутъ наказаны; черногорцы пріостановились; между тѣмъ убійцы были дѣйствительно отысканы и уличены, но о наказаніи ихъ не было и рѣчи. Этотъ отказъ въ удовлетвореніи и новое покушеніе турокъ на Новоселы окончательно взорвали Черногорцевъ, и борьба возгорѣлась.

Туркамъ была она по сердцу; никогда Турція не хотѣла признавать „de jure" независимости Черногоріи; Граховское же пораженіе *) хранилось въ ея памяти и взывало къ отмщенію. А потому, при первомъ извѣстіи о выступленіи черногорцевъ, Порта поспѣшила воспользоваться случаемъ и отрядила пресловутаго Омеръ-пашу съ порученіемъ умиротворить Герцеговину и завоевать Черногорію; при этомъ она впрочемъ согласилась, хотя и не безъ труда, чтобы при главнокомандующемъ состояла коммиссія изъ делегатовъ пребывающихъ въ Константинополѣ посольствъ великихъ державъ.

Требованія герцеговинцевъ были весьма умѣренны и нисколько не затрогивали верховныхъ правъ султана.

Мы просимъ, говорили они,—чтобы намъ назна„чили турецкихъ чиновниковъ благосклонныхъ и „привѣтливыхъ и ходжа-башей (старшинъ), которые

*) Въ 1858 году.

„могли бы блюсти у мѣстныхъ властей за нашими „интересами. Мы просимъ, чтобъ уважали нашу хри„стіанскую религію и дозволили постройку церквей „и употребленіе колоколовъ, а также избраніе свое„го народнаго епископа и учрежденіе школъ. Мы „просимъ, чтобы турецкіе заптіи (жандармы) не бы„ли размѣщаемы въ нашихъ жилищахъ, чтобы му„сульманскіе землевладѣльцы *не требовали отъ насъ „болѣе четверти нашей жатвы*, и чтобы сборъ и вне„сеніе этой четверти были предоставлены намъ са„мимъ. Мы просимъ, наконецъ, чтобы сборъ пода„тей и взносъ оныхъ мѣстной власти былъ возло„женъ на нашихъ ходжа-башей, чтобы пограничная „стража была набираема изъ христіанъ подобаю„щихъ мѣстностей съ вознагражденіемъ ихъ изъ по„датей, и чтобы прощены были податныя недоимки“.

Омеръ-паша отвѣчалъ на это воззваніе прокламаціей, гдѣ, отъ имени султана, провозглашалъ всеобщую амнистію и прощеніе недоимокъ, и по пунктно обѣщалъ удовлетвореніе по всѣмъ выше-прописаннымъ требованіямъ. Но обѣщанія эти, особенно по нѣкоторымъ вопросамъ, были сдѣланы въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, что не могли внушать никакого довѣрія; такъ, напримѣръ, по удаленію заптій было сказано, что они не будутъ помѣщаемы въ жилищахъ поселянъ, *но что въ каждомъ селеніи для нихъ будетъ назначено особое помѣщеніе*; по четвертному сбору отвѣчено было, что немедленно будетъ приступлено ко введенію въ исполненіе соглашенія *послѣдовавшаго по этому предмету „въ Константинополѣ“ съ повѣренными боснійскихъ фермеровъ и землевладѣльцевъ* и т. д. *).

Какъ говорится,—*тó да не тó*. Европейская ком-

*) Т. е. мусульманъ же.

миссія не поняла ловушки и стала уговаривать инсургентовъ удовольствоваться прокламаціей Омеръ-паши; христіане же поняли, что тутъ кроется новый обманъ, и требовали опредѣлительно того, что было выговорено въ ихъ прошеніи, то-есть полнаго удаленія турецкихъ заптій изъ края и предоставленія имъ лично, безъ участія турецкихъ сборщиковъ, взноса четвертнаго сбора. Назначено было совѣщаніе между коммиссарами и герцеговинскими депутатами, но сіи послѣдніе прямо выразили свое недовѣріе, и переговоры были прерваны. Старанія коммиссіи устроить свиданіе между Омеръ-пашой и княземъ Николаемъ потерпѣли одинаковую неудачу, и военныя дѣйствія открылись съ обѣихъ сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Омеръ-паша, уже самъ отъ себя, продолжалъ переговоры и съ Черногорскимъ княземъ, и съ предводителемъ герцеговинцевъ, Лукой Вукаловичемъ, причемъ оба постановили слѣдующія условія для мирнаго соглашенія.

Князь Николай требовалъ: 1) положительнаго признанія Портой независимости Черной Горы, 2) предоставленія ей гавани и 3) провѣрки границъ.

Лука Вукаловичъ, съ своей стороны, объявлялъ, что положитъ оружіе лишь на слѣдующихъ данныхъ: 1) населеніямъ территоріи, простирающейся отъ Попова Поля до Пивы и до Черногорской границы, т. е. округамъ Требинья, Никшича и Гачко, будетъ дарованъ тотъ же образъ правленія, какой существуетъ въ Сербіи,—самоуправленіе подъ главенствомъ Порты; 2) турецкія власти и войска будутъ выведены какъ изъ этихъ округовъ вообще, такъ и изъ крѣпостей; 3) подати будутъ замѣнены ежегодною данью; 4) новый порядокъ этотъ будетъ гарантированъ великими державами.

Ни тѣ, ни другія изъ означенныхъ условій, какъ то можно было заранѣе предвидѣть, не могли быть допущены Омеръ-пашой, который впрочемъ и переговоры эти велъ отдѣльно съ тѣмъ и другимъ изъ христіанскихъ вождей скорѣе въ виду посѣять между ними раздоръ, чѣмъ съ искреннею миротворною цѣлью. А между тѣмъ европейская коммиссія, заявившая свою полную несостоятельность, была упразднена, и Омеръ-паша, воспользовавшись всѣми проволочками послѣдняго времени, чтобъ усилить свои военныя средства, встрѣтилъ наступавшій 1862 годъ въ полной готовности стереть съ карты Балканскаго полуострова и самое имя Черногоріи.

Мы увидимъ далѣе, среди какихъ невзгодъ и страдальческихъ испытаній удалось этой геройской горсти храбрыхъ горцевъ отстоять не только свою собственную независимость, но и будущія судьбы Славянскаго міра на Востокѣ.

IV.

Не впервые приходится турецкимъ войскамъ испытывать отпорную силу богатырскаго племени, которое заселяетъ безплодныя, суровыя вершины такъ называемой Черной Горы. Цѣной крови сохраняя неприкосновенно, чрезъ рядъ столѣтій, независимость этого оазиса христіанской свободы, среди знойной пустыни рабства, въ которой изнемогаютъ подъ бичомъ варварскаго ига ихъ братья по крови и вѣрѣ, черногорцамъ не разъ приходилось видѣть, какъ разбивались объ ихъ утесы волны турецкихъ ордъ, тщетно пытавшихся поглотить ихъ въ своемъ нечестивомъ омутѣ.

Не перестававшія волненія христіанъ въ Герце-

говинѣ и Босніи и неистовыя укрощенія, которымъ предавались турецкія власти, а со строны черногорцевъ естественное стремленіе помогать, защищать, давать пріютъ и убѣжище своимъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ братьямъ—таково было всегдашнее состояніе, заколдованный кругъ, въ которомъ искони вращалась эта часть Балканскаго полуострова и, повторяемъ, та именно, которая по непосредственному своему сосѣдству съ европейскимъ цивилизованнымъ міромъ болѣе другихъ должна бы быть ограждена отъ мусульманскаго насилія. Но замѣтимъ, что сосѣдомъ и представителемъ Европы съ этой стороны была Австрія..

Въ 1862 году турецкое правительство, заручившись въ Англіи новымъ займомъ, рѣшилось всецѣло его употребить на окончательный разсчетъ со Славянами. Грозныя силы въ количествѣ 40.000 регулярнаго войска были стянуты Омеръ пашой на границахъ Черногоріи. Всевозможные баши-бузуки со всѣхъ концовъ имперіи были приглашены къ участію въ тризнѣ, которую турки готовились править надъ трупомъ славянства, и въ іюлѣ все было готово къ дѣйствію.

Одновременно съ этими приготовленіями противъ Черногоріи, надо было дать острастку и Сербіи; но тутъ дѣло едва не приняло такихъ размѣровъ, какихъ турки и не ожидали: благо подоспѣли однако европейскіе друзья и успѣли его уладить.

Вотъ случай, подавшій поводъ къ этому сербскому эпизоду.

Въ то время Бѣлградская крѣпость была еще занята турецкимъ гарнизомъ и передовые караулы ихъ подходили къ самымъ вратамъ города. Въ первыхъ числахъ іюня, молодой сербъ, черпая воду изъ колодца, былъ убитъ турецкими солдатами.

Драгоманъ полиціи и сербскій жандармъ бросились къ нему на помощь, но турецкій взводъ, стоявшій около мѣста происшествія, далъ по нимъ залпъ, и драгоманъ былъ убитъ. Тогда разъяренная толпа бросилась на турецкіе караулы, завладѣла двумя изъ нихъ и стала перестрѣливаться съ другими.

Гарашанинъ, тогдашній предсѣдатель сербскаго министерства, бросился между сражавшимися и успѣлъ остановить драку: вмѣстѣ съ тѣмъ ему удалось убѣдить турокъ удалиться изъ своихъ карауловъ въ крѣпость, и онъ далъ имъ даже офицера и нѣсколько сербскихъ солдатъ, чтобы прикрыть ихъ отступленіе. Но лишь только, отошедши, они увидѣли себя въ безопасности, турки стали стрѣлять въ свой сербскій конвой и офицеръ былъ убитъ. Тревога возобновилась: всю ночь велись переговоры между губернаторомъ крѣпости, сербскими министрами и европейскими консулами, собравшимися у французскаго консула, и, наконецъ, за подписью всѣхъ присутствовавшихъ, было заключено соглашеніе, въ силу котораго губернаторъ обязывался снять передовые караулы, а Гарашанинъ заручалъ подъ своею личною отвѣтственностью безопасное отступленіе турецкихъ карауловъ въ крѣпость, а также огражденіе лицъ и имуществъ турецкаго населенія города.

Порядокъ, повидимому, возстановлялся, и слѣдующій день былъ посвященъ со стороны сербскихъ властей совѣстливому исполненію договоренныхъ условій, какъ вдругъ, и едва послѣдніе турки успѣли укрыться за стѣнами крѣпости, губернаторъ открылъ огонь по городу. Встрепенулась Европа при извѣстіи объ этомъ измѣнническомъ вѣроломствѣ и, благодаря телеграфу, немедленно пришло приказаніе изъ Константинополя прекратить бомбардировку, а губернаторъ былъ смѣненъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по иниціативѣ Французскаго правительства, была открыта въ Константинополѣ конференція представителей державъ для изысканія средствъ къ предупрежденію на будущее время подобныхъ столкновеній.

„Переговоры были тѣмъ затруднительнѣе, говоритъ французская лѣтопись,—что самое слѣдствіе не внушало никакого довѣрія, ибо турецкіе коммиссары не допустили консуловъ принять въономъ участіе. Сначала всѣ консулы единогласно высказали свое порицаніе дѣйствіямъ турокъ, за исключеніемъ впрочемъ управлявшаго австрійскимъ генеральнымъ консульствомъ г. Вассича, остававшагося въ сторонѣ, и *котораго таинственныя поѣздки въ Землинъ и въ крѣпость подавали поводъ къ самымъ не лестнымъ для него толкованіямъ*. Нѣсколько же дней спустя и англійскій генеральный консулъ отстранился отъ своихъ товарищей, и *съ публикованіемъ* blue book'a *обнаружился необъяснимый разладъ между донесеніями г. Лонгворта своему правительству и словами и дѣйствіями его во время бомбардировки.*

Какъ бы то ни было однако, но послѣ долгихъ совѣщаній и преній, гдѣ Россія, Франція и Италія отстаивали права Сербовъ, тогда какъ Англія и Австрія ратовали съ турками о ихъ возможномъ ограниченіи, взаимными уступками сошлись на соглашеніи, которое хотя и не было полнымъ удовлетвореніемъ національнаго стремленія Сербовъ окончательно избавиться отъ присутствія въ княжествѣ турецкихъ войскъ, но ограничивало по крайней мѣрѣ военное занятіе исключительно четырьмя крѣпостями: Бѣлградомъ, Фетъ-Исламомъ, Семендріей и Шабцомъ. Всѣ предмѣстья Бѣлграда должны были быть очищены отъ мусульманскаго населенія съ опредѣленнымъ отъ Сербскаго правительства

вознагражденіемъ выселенцамъ заихъ собственность; турецкая полицейская власть въ городѣ была упразднена, передовые караулы у стѣнъ города сняты и крѣпостные верки въ Соколѣ и Ужицѣ срыты.

Протоколъ этого соглашенія былъ подписанъ Турціей и представителями державъ въ Константинополѣ 8 сентября 1862 года.

Тѣмъ временемъ и подъ шумокъ этихъ замѣшательствъ, не безъ намѣренія вызванныхъ въ Сербіи, чтобъ отвлечь всякое съ ея стороны вмѣшательство въ задуманное имъ дѣло, Омеръ-паша шелъ къ его осуществленію.

Рѣчка Сета, впадающая въ Марачъ, раздѣляетъ Черногорію на двѣ отдѣльныя полосы. Къ западу отъ нея возвышается собственно Черная Гора съ ея непроходимыми ущельями и не приступными высотами, среди коихъ стоитъ Цетинье. Къ востоку разстилается такъ-называемый Бердасъ съ его скудными и ограниченными долинами, представляющими единственныя, хотя и далеко недостаточныя средства къ прокормленію населенія.

Планъ сердаръ-экрема *) состоялъ въ одновременномъ вторженіи со всѣми своими силами (сорока-тысячною арміей!) въ двухъ отрядахъ, направляя одинъ изъ Никшича, а другой изъ Албаніи вдоль теченія Сеты. Конечная цѣль была, соединившись, идти и разгромить Цетинье: и въ первыхъ числахъ іюля Дервишъ-паша съ сѣвера, а самъ Омеръ-паша съ юга двинулись другъ къ другу на предположенную встрѣчу.

Раздвоенныя черногорскія силы упорно и шагъ за шагомъ отстаивали каждую пядь своей земли, нанося туркамъ всевозможный вредъ, но, одолѣ-

---

*) Генералиссимусъ—фельдмаршалъ.

медленнымъ успѣхомъ, и тотъ же Аали-паша, который въ недавнемъ обсужденіи сербскаго вопроса самонадѣянно отстаивалъ свои рѣшенія при поддержкѣ двухъ изъ шести державъ, долженъ былъ преклониться предъ обще-заявленною волей Европы.

Положеніе было отчаянное: 40 тысячъ отборнаго турецкаго войска стояло въ виду Цетинья, и со взятіемъ Рѣки послѣдняя преграда падала предъ кровожаднымъ противникомъ; исхода не было, и при ручательствѣ французскаго консула, что исполненіе ультиматума будетъ предварительно обсуждено европейскими державами, князь Николай рѣшился принять его безусловно.

Несмотря однако на увѣренія Аали-паши въ умѣренности требованій Турецкаго правительства, ультиматумъ удержалъ два условія, заживо задѣвавшія всѣ струны народнаго самолюбія, народной чести и гордости, да и самой независимости Черногоріи. Отецъ князя Николая, воевода Мирко, долженъ былъ навсегда быть удаленъ изъ своего отечества (§ 5), и дорога изъ Герцеговины въ Скутари, черезъ Черногорію, занята турецкими войсками, расположенными вдоль ея въ девяти блокгаузахъ, имѣвшихъ быть возведенными по этому пути (§ 6).

Россія одна формально заявила свой протестъ противъ этого явнаго нарушенія заявленія Омеръ-паши предписаннаго ему отъ имени султана, предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, а именно: *что Порта не имѣетъ въ виду никакого посягательства на* statu quo *Черной Горы, относительно ея управленія и территоріи* *).

Но Англія находила требованія Порты основательными и справедливыми, и Порта, уступая по вопросу объ отцѣ князя, отвѣчала прямымъ отказомъ относительно блокгаузовъ.

*) Инструкція великаго визиря Омеръ-пашѣ, отъ 9 апрѣля 1862 года.

При этомъ антагонизмѣ Англіи, при двусмысленномъ, какъ всегда, дѣйствіи Австріи, не мало труда и времени стоило, чтобъ уладить это дѣло. Но Франція была связана ручательствомъ, даннымъ ею въ послѣдній часъ князю Николаю. Австрія, съ своей стороны, въ виду безуспѣшнос типротеста Россіи, не прочь была высказать передъ славянами преимущество своего вліянія въ Константинополѣ, и такимъ образомъ французскій „point d'honneur" съ одной стороны, а съ другой далеко не дружелюбное къ Россіи чувство Вѣнскаго кабинета помогли достиженію цѣли Русскаго правительства отстоять цѣлость и независимость Черногоріи.

Въ мартѣ 1863 года переговоры были приведены къ желаемому исходу, и Порта отказалась отъ возведенія блокгаузовъ, подъ двумя условіями, принятыми княземъ Николаемъ: 1) держать открытою вышеупомянутою дорогу и 2) вознаграждать путешественниковъ за всякій ущербъ, какому они могли бы подвергаться по этому пути.

Исходъ дѣлъ съ Черногоріей опредѣлилъ неизбѣжно и участь босняковъ и герцеговинцевъ. И тутъ послѣдовало замиреніе; довѣріе же не могло возстановиться при безпрерывно и ежедневно возобновлявшихся насиліяхъ и утѣсненіяхъ Турокъ. Обѣщано было мное, но, для Турецкаго правительства, въ особенности, обѣщать и исполнять обѣщанія есть дѣло дѣлу рознь. Такъ, даже рѣшенные въ 1863 году вопросы о провѣркѣ границъ и срытіи двухъ уже воздвигнутыхъ въ Черногоріи блокгаузовъ потребовали еще слишкомъ трехъ лѣтъ, чтобы быть приведенными къ окончательному разрѣшенію; и не ранѣе какъ въ 1866 году, и то лишь подъ давленіемъ критскаго возстанія и опасенія, чтобы славяне не приняли участія въ этомъ новомъ взрывѣ

ненный его нечестивымъ духомъ благодатнѣйшій край христіанскаго міра.

Десять лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, и вспыхнувшая въ прошломъ году борьба, на этотъ разъ уже не на животъ, а на смерть, обнаружила не впервые, вызвавшими ее обстоятельствами, всю гнусную ложь турецкихъ обѣщаній, всю несостоятельность прививки къ этому гнилому, развращенному варварскому тѣлу европейской цивилизаціи, всю тщету надеждъ коими убаюкивала себя западная Европа относительно будущности своего излюбленнаго дѣтёныша....

Еще ли ей ждать, чтобъ очнуться отъ своихъ эгоистическихъ грезъ?

Еще ли не дошелъ до нея вопль тысячъ жертвъ, вопіющихъ у престола Всевышняго за потоки безвинно пролитой крови!

Еще ли намъ русскимъ не слышится раздающій изъ сердца Россіи народный кличъ:

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

ВИЗАНТИЗМЪ И СЛАВЯНСТВО.

СОЧИНЕНІЕ

К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что Византизмъ (какъ и вообще Христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ; что она есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земнаго всеравенства, земной всесвободы, земнаго всесовершенства и вседовольства.

Византизмъ даетъ также весьма ясныя представленія и въ области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежда, зодчества, утварь, все это легко себѣ вообразить нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе, Византійскимъ.

Византійская образованность смѣнила Греко-Римскую и предшествовала Романо-Германской. Воцареніе Константина можно считать началомъ полнаго торжества Византизма (IV вѣкъ по Р. Х.). Воцареніе Карла Великаго (IX вѣкъ), его вѣнчаніе Императорское, которое было дѣломъ Папства, можно считать первой попыткой Романо-Германской Европы выдѣлить рѣзко свою образованность и изъ обще-Византійской, которая до тѣхъ подчиняла себѣ, хотя бы духовно, и всѣ Западныя страны...

Именно, въ слѣдъ за распаденіемъ искуственной Имперіи Карла, все яснѣе и яснѣе обозначаются тѣ признаки, которые составятъ, въ совокупности своей, картину особой, Европейской образованности, этой новой всемірной цивилизаціи.

Начинаютъ яснѣе обозначаться будущіе предѣлы позднѣйшихъ Западныхъ Государствъ и частныхъ образованностей Италіи, Франціи, Германіи, близятся крестовые походы, близится цвѣтущая эпоха рыцарства, феодализма Германскаго, положившаго тѣ основы чрезмѣрному самоуваженію лица (самоуваженію, которое, перейдя путемъ зависти и подражанія сперва къ буржуазіи, произвело демократическую революцію и породило всѣ эти нынѣшнія фразы о безпредѣльныхъ правахъ лица, а потомъ, дойдя до нижнихъ слоевъ Западнаго общества, сдѣлало изъ всякаго простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервнымъ чувствомъ собственнаго достоинства). Вскорѣ послѣ этого раздаются и первые звуки романтической поэзіи. Потомъ развивается Готическое зодчество, создается вскорѣ Католическая поэма Данта и т. д. Папская власть ростетъ съ того времени.

И такъ воцареніе Карла Великаго (9 вѣкъ)—вотъ приблизительная черта раздѣла, послѣ которой на Западѣ стала болѣе и болѣе выясняться своя цивилизація и своя государственность.

Византійская цивилизація утрачиваетъ съ этого вѣка изъ своего круга всѣ обширныя и населенныя страны Запада, но за то, вскорѣ за тѣмъ, пріобрѣтаетъ своему генію на Сѣверо-Востокѣ Юго-Славянъ, а потомъ и Россію.

Вѣка XV, XVI, XVII суть вѣка полнаго разцвѣта Еврейской цивилизаціи и время полнаго паденія Византійской государственности на той почвѣ именно, гдѣ она родилась и выросла.

Этотъ же самый XV вѣкъ, съ котораго, началось цвѣтеніе Европы, есть вѣкъ перваго усиленія Россіи, вѣкъ изгнанія Татаръ, сильнѣйшаго противу прежняго пересажденія къ намъ Византійской образованности, посредствомъ укрѣпленія Самодержавія, посредствомъ большаго умственнаго развитія мѣстнаго духовенства, посредствомъ установленія придворныхъ обычаевъ, модъ, вкусовъ и т. д. Это пора Іоанновъ, паденія Казани, завоеваній въ Сибири, вѣкъ постройки Василія Блаженнаго въ Москвѣ, постройки странной, неудовлетворительной, но до крайности своеобразной, Русской, указавшей яснѣе прежняго на свойственной намъ архитектурный стиль, именно на Индійское многоглавіе, приложенное къ Византійскимъ началамъ.

Но Россія, по многимъ причинамъ, о которыхъ я не нахожу возможности здѣсь распространяться, не вступила тогда же въ періодъ цвѣтущей сложности и многообразнаго гармоническаго творчества, подобно современной ей Европѣ возрожденія.

Скажу лишь кратко.

Обломки Византизма, разсѣянные Турецкой грозой на Западъ и на Сѣверъ, упали на двѣ разныя почвы. На Западѣ все свое, Романо-Германское, было уже и безъ того въ цвѣту, было уже развито, роскошно, подготовлено; новое сближеніе съ Византіей и, черезъ ея посредство, съ античнымъ міромъ, привело немедленно Европу къ той блистательной эпохѣ, которую привыкли звать Возрожденіемъ; но которую лучше бы звать эпохой сложнаго цвѣтенія Запада; ибо такая эпоха Возрожденія была у всѣхъ государствъ и во всѣхъ культурахъ, эпоха многообразнаго и глубокаго развитія, объединеннаго въ высшемъ духовномъ и государственномъ единствѣ всего, или частей.

Такая эпоха у Медо-Персовъ послѣдовала за прикосновеніемъ къ разлагающимся мірамъ Халдейскому и Египетскому, т. е., эпоха Кира, Камбиза и особенно Дарія Гистаспа, у Еллиновъ во время и послѣ первыхъ Персидскихъ войнъ, у Римлянъ послѣ Пу-

ническихъ войнъ и все время первыхъ Кесарей, у Византіи во времена Константина, Θеодосіевъ и вообще во время борьбы противу ересей и варваровъ, у насъ Русскихъ со дней Петра Великаго.

Соприкасаясь съ Россіей въ XV вѣкѣ и позднѣе, Византизмъ находилъ еще безцвѣтность, и простоту, бѣдность, неприготовленность. По этому онъ глубоко переродиться у насъ не могъ, какъ на Западѣ, онъ всосался у насъ общими чертами своими чище и безпрепятственнѣе.

Нашу эпоху Возрожденія, нашъ XV вѣкъ, начало нашего болѣе сложнаго и органическаго цвѣтенія, наше, такъ сказать, единство въ многообразіи, надо искать въ XVII вѣкѣ, во время Петра I-го или, по крайней мѣрѣ, первые проблески при жизни его отца.

Европейскія вліянія (Польское, Голландское, Шведское, Нѣмецкое, Французское) въ XVII и потомъ въ XVIII вѣкѣ играли ту же роль (хотя и дѣйствовали гораздо глубже), какую играли Византія и древній Еллинизмъ въ XV и XVI вѣкѣ на Западѣ.

Въ Западной Европѣ старый, первоначальный, по преимуществу религіозный, Византизмъ долженъ былъ прежде глубоко переработаться сильными мѣстными началами Германизма: рыцарствомъ, романтизмомъ, готизмомъ (не безъ участія и Арабскаго вліянія), а потомъ тѣ же старыя Византійскія вліянія, чрезвычайно обновленныя долгимъ непониманіемъ, или забвеніемъ, падая на эту, уже крайне сложную, Европейскую почву XV и XVI вѣковъ, пробудили полный разцвѣтъ всего, что дотолѣ таилось еще смутно въ нѣдрахъ Романо-Германскаго міра.

Замѣтимъ, что Византизмъ, падая на Западную почву въ этотъ второй разъ дѣйствовалъ уже не столько религіозной стороной своей (не собственно Византійской, такъ сказать), ибо у Запада и безъ него своя религіозная сторона была уже очень развита и безпримѣрно могуча, а дѣйствовалъ онъ косвенно, преимущественно Еллино-художественными и Римско-юридическими сторонами своими. Вездѣ тогда на Западѣ болѣе или менѣе усиливается Монархическая власть нѣсколько въ ущербъ природному Германскому феодализму, войска вездѣ стремятся принять характеръ государственный, болѣе Римскій, диктаторіяльный, монархическій, а не аристократически областной, какъ было прежде, обновляются несказанно мысль и искуство. Зод-

чество, вдохновляясь древними и Византійскими образцами, производитъ новыя сочетанія необычайной красоты, и т. д.

У насъ же со времень Петра принимается все это уже до того переработанное по своему Европой, что Россія, по видимому, очень скоро утрачиваетъ Византійскій свой обликъ.

Однако это не совсѣмъ такъ. Основы нашего, какъ государственнаго, такъ и домашняго, быта остаются тѣсно связаны съ Византизмомъ. Можно бы, если бы мѣсто и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество наше глубоко проникнуто Византизмомъ въ лучшихъ проявленіяхъ своихъ. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ почти исключительно о вопросахъ государственныхъ, то я позволю себѣ только напомнить о томъ, что Московскій дворецъ нашъ своеобразнѣе зимняго, и былъ бы и лучше его, если бъ былъ пестрѣе, а не бѣлый, какъ сначала, и не песочный, какъ теперь, по тому что пестрота и своеобразіе болѣе Византійской (чѣмъ Петербургъ) Москвы плѣняетъ всѣхъ иностранцевъ. Cyprien Robert говоритъ съ радостью, что Москва есть единственный Славянскій городъ, который онъ видѣлъ на свѣтѣ; Ch. de Mazade, напротивъ того, говоритъ съ бѣшенствомъ, что самый видъ Москвы есть видъ Азіятскій, чуждый муниципально-феодальной картинѣ Запада и т. д. Кто изъ нихъ правъ? Я думаю оба, и это хорошо. Я напомню еще, что наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, созданія нашего Византизма, суть до сихъ поръ почти единственное спасеніе нашего эстетическаго самолюбія на выставкахъ, съ которыхъ пришлось бы намъ безъ этого Византизма бѣжать, закрывши лицо руками.

Скажу еще мимоходомъ, что всѣ наши лучшіе поэты и романисты: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, оба Графа Толстые (и Левъ и Алексѣй), заплатили богатую дань этому Византизму, той, или другой, его сторонѣ, государственной, или церковной, строгой, или теплой...

Но жарка свѣча
поседянина
Предъ иконою Божіей
Матери.[1]

---

[1] Кольцовъ.

Точно также Русскій Византизмъ, какъ и возгласъ Пушкина:

Иль Русскаго Царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль мало насъ?..

Семья?... Но что жь такое семья безъ Религіи? Что такое Русская семья безъ Христіянства? Что такое, наконецъ, Христіянство въ Россіи безъ Византійскихъ основъ и безъ Византійскихъ формъ?...

Я удержусь, и больше ничего здѣсь не скажу ни объ эстетическомъ творчествѣ Русскихъ, ни объ семействѣ нашей жизни.

Я буду говорить нѣсколько подробнѣе лишь о государственной организаціи нашей, о нашей государственной дисциплинѣ.

Я сказалъ, что у насъ при Петрѣ принялось многое цивилизующее, до того уже по своему переработанное Европой, что Государственная Россія какъ будто бы вовсе утратила не только обликъ Византизма, но и самыя существенныя стороны его духа.

Однако, сказалъ я, это не совсѣмъ такъ. Конечно, при видѣ нашей гвардіи (la guarde), обмундированной и маршированіющей (marschiren) по Марсову полю (Champ de Mars) въ Санктпетербургѣ, не подумаешь сейчасъ же о Византійскихъ легіонахъ.

При взглядѣ на нашихъ Флигель-Адъютантовъ и Камергеровъ, не найдешь въ нихъ много сходства съ крещенными преторіянцами, палатинами [2] и евнухами Θеодосія, или Іоанна Цимисхія. Однако это войско, эти придворные, занимающіе при этомъ почти всѣ и политическія и административныя должности, покоряются и служатъ одной идеѣ Царизма, укрѣпившейся у насъ со временъ Іоанновъ, подъ Византійскимъ вліяніемъ.

Русскій Царизмъ къ тому же утвержденъ гораздо крѣпче Византійскаго Кесаризма, и вотъ по чему:

Византійскій Кесаризмъ имѣлъ диктаторіяльное происхожденіе, муниципальный избирательный характеръ.

Цинциннатъ, Фабій. Максимъ и Юлій Цезарь перешли постепенно и вполнѣ законно сперва въ Августа, Траяна и Діоклетіяна, а потомъ въ Константина, Юстиніяна, Іоанна Цимисхія.

Сперва диктатура въ языческомъ Римѣ имѣла значеніе за-

---

[2] Primicerius sacri cubiculi, castrensis и т. д.

конной, но временной, мѣры всемогущества, даруемаго священнымъ городомъ одному лицу; потомъ, посредствомъ законной же юридической фикціи священный городъ перенесъ свои полномочныя права, когда того потребовали обстоятельства, на голову пожизненнаго диктатора-Императора.

Въ IV же вѣкѣ Христіянство воспользовалось этой готовой властью, привычной для народа, нашло въ ней себѣ защиту и опору, и помазало по Православному на новое царство этого пожизненнаго Римскаго Диктатора.

Естественность этой диктаторіяльной власти была такова, привычка народовъ къ ней такъ сильна, что подъ властью этихъ крещенныхъ и помазанныхъ Церковью диктаторовъ, Византія пережила Западный языческій Римъ на 1100 слишкомъ лѣтъ, т. е., почти на самый долгій срокъ государственной жизни народовъ (Болѣе 1200 лѣтъ ни одна государственная система, какъ видно изъ исторіи: не жила! многія государства прожили гораздо меньше).

Подъ вліяніемъ Христіянства законы измѣнились во многихъ частностяхъ; новое Римское Государство, еще и прежде Константина утратившее почти всѣ существенныя стороны прежняго конституціоннаго аристократическаго характера своего, [3] обратилось, говоря нынѣшнимъ же языкомъ, въ государство бюрократическое, централизованное, самодержавное и демократическое (не въ смыслѣ народовластія, а въ смыслѣ равенства; лучше бы сказать эгалитарное). Уже Діоклетіянъ, предшественникъ Константина, послѣдній изъ языческихъ Императоровъ, тщетно боровшійся противу наплыва Христіянства, былъ вынужденъ, для укрѣпленія дисциплины государственной, систематически организовать новое чиновничество, новую лѣстницу властей, исходящихъ отъ Императора (У Гизо можно найти въ «Histoire de la Civilisation» подробную таблицу этихъ властей, служившихъ градативно новому порядку).

Съ воцареніемъ Христіянскихъ Императоровъ, къ этимъ новымъ чиновническимъ властямъ прибавилось еще другое, несравненно болѣе сильное, средство общественной дисциплины—власть Церкви, власть и привилегія Епископовъ. Этого орудія древній Римъ не имѣлъ; у него не было такого сильнаго жрече-

---

[3] Я нарочно для ясности называю эти вещи по нынѣшнему приблизительно.

скаго, привилегированнаго сословія. У Христіанской Византіи явилось это новое и чрезвычайно спасительное орудіе дисциплины.

Итакъ, повторяю, Кесаризмъ Византійскій имѣлъ въ себѣ, какъ извѣстно, много жизненности и естественности, сообразной съ обстоятельствами и потребностями времени. Онъ опирался на двѣ силы: на новую религію, которую даже и большая часть не христіанъ (т. е., атеистовъ и деистовъ) нашего времени признаетъ наилучшей изъ всѣхъ дотолѣ бывшихъ религій, [1] и на древнее государственное право, формулированное такъ хорошо, какъ ни одно до него формулировано не было (на сколько намъ извѣстно, ни Египетское, ни Персидское, ни Аѳинское, ни Спартанское). Это счастливое сочетаніе очень древняго, привычнаго (т. е., Римской диктатуры и муниципальности) съ самымъ новымъ и увлекательнымъ (т. е., съ Христіанствомъ) и дало возможность первому Христіанскому Государству устоять такъ долго на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Кесарей изгоняли, мѣняли, убивали, но святыни Кесаризма никто не касался. Людей мѣняли, но измѣнять организацію въ основѣ ея никто не думалъ.

Относительно Византійской исторіи надо замѣтить еще слѣдующее. Въ нашей образованной публикѣ распространены о Византіи самыя превратныя, или, лучше сказать, самыя вздорныя, одностороннія, или поверхностныя, понятія. Наша историческая наука была до послѣдняго времени незрѣла и лишена самобытности. Западные писатели почти всѣ долго страдали (иногда и безсознательнымъ) пристрастіемъ или къ республиканству, или къ феодализму, или къ католичеству и протестанству, и потому Византія самодержавная, Православная и вовсе уже не феодальная, не могла внушать имъ ни въ чемъ ни малѣйшаго сочувствія. Есть въ обществѣ, благодаря извѣстному складу школьнаго обученія-

---

[1] Шоппенгауеръ предпочитаетъ Буддизмъ Христіанству, и извѣстный компиляторъ Бюхнеръ поддерживаетъ его въ этомъ. Но интересно, что Буддизмъ, не признающій личнаго Бога, по словамъ его же защитниковъ, во многомъ другомъ болѣе, нежели всякая другая религія, приближается къ Христіанству. На примѣръ: ученіемъ кротости, милосердія къ другимъ и строгости аскетизма къ себѣ.

Христіанство содержитъ въ себѣ все, что есть сильнаго и хорошаго во всѣхъ другихъ религіяхъ.

благодаря извѣстному характеру легкаго чтенія и т. п., привычка, не долго думая, чувствовать симпатію къ инымъ историческимъ явленіямъ и почти отвращеніе къ другимъ. Такъ, на прим., и школа, и стихи, и множество статей и романовъ, пріучили всѣхъ насъ съ раннихъ лѣтъ съ содроганьемъ восторга читать о Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ и, отдавая все сочувствіе наше Эллинскимъ республиканцамъ, смотрѣть на Персовъ почти съ ненавистью и презрѣніемъ.

Я помню, какъ я самъ, прочтя случайно о томъ какъ, во время бури, Персидскіе вельможи бросались сами въ море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, какъ они поочередно подходили къ Царю и склонялись передъ нимъ прежде, чѣмъ кинуться за бортъ... Я помню, какъ прочтя это, я задумался и сказалъ себѣ въ первый разъ (а сколько разъ приходилось съ дѣтства и до зрѣлаго возраста вспоминать о классической Греко-Персидской борьбѣ!): «Герценъ справедливо зоветъ это Персидскими Ѳермопилами. Это страшнѣе и гораздо величавѣе Ѳермопилъ! Это доказываетъ силу идеи, силу убѣжденія, большую, чѣмъ у самыхъ сподвижниковъ Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову въ пылу битвы, чѣмъ обдуманно и холодно, безъ всякаго принужденія, рѣшаться на самоубійство изъ за религіозно-государственной идеи!»

Съ этой минуты, я сознаюсь, сталъ на древнюю Персію смотрѣть уже не такъ, какъ пріучила меня школа 40 и 50 годовъ, поэзія и большинство историческихъ, попадавшихся мнѣ, сочиненій. Я полагаю, что у многихъ есть какія ни будь подобнаго рода воспоминанія.

Мнѣ главная причина тутъ въ томъ, что Персія не оставила намъ такихъ хорошихъ литературныхъ произведеній, какъ оставила Эллада. Греки умѣли изображать все реальнѣе и осязательнѣе, теплѣе другихъ своихъ сосѣдей и современниковъ, и отъ того мы ихъ знаемъ лучше и любимъ больше, не смотря на всѣ ихъ пороки и ошибки.

Молчаніе не всегда есть признакъ безсодержательности. G. Sand хорошо называла иныхъ людей, исполненныхъ ума и души, но не одаренныхъ умѣньемъ выразить свою внутреннюю жизнь, les grands muets; къ такимъ людямъ она причисляла и извѣстнаго ученаго G. S-t.-Hilaire, который, по видимому, многое понималъ и предвидѣлъ глубже своего товарища и соперника,

2

Кювье, но не могъ никогда восторжествовать надъ нимъ въ спорахъ. Наука, однако, во многомъ въ послѣдствіи оправдала St.-Hilair'а. Быть можетъ и Персія была, сравнительно съ Греціей, такой же Grand Muet. Есть примѣры и ближе къ намъ. Если разсматривать жизнь Россіи со временъ Петра I и до нашихъ временъ, развѣ она многосложностью своихъ явленій не драматичнѣе, не поэтичнѣе, не богаче хотя бы исторіи и однообразно-перемѣнчивой Франціи XIX вѣка? Но Франція XIX вѣка говоритъ о себѣ безпрестанно, а Россія до сихъ поръ еще не выучилась говорить о себѣ хорошо и умно, и все еще продолжаетъ нападать на чиновниковъ, или заботиться о всеобщей пользѣ.

Римъ, средніе вѣка Европы, и тѣмъ болѣе Европа новѣйшаго, болѣе близкаго къ намъ, времени, оставили намъ также такую богатую, распространенную тысячами путей, литературу, что чувства, страданія, вкусы, подвиги и даже пороки Римлянъ, рыцарей, людей возрожденія, реформы, людей пудры и фижмъ, людей Революціи и т. д., намъ знакомы, близки, болѣе, или менѣе, родственны. Отъ временъ Пизистрата, или даже отъ Троянской войны до временъ Бисмарка и Седанскаго плѣна, передъ нами проходитъ великое множество лицъ привлекательныхъ, или антипатичныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, порочныхъ и добродѣтельныхъ, но во всякомъ случаѣ множество лицъ живыхъ и понятныхъ намъ. Одинъ изъ насъ сочувствуетъ одному лицу, другой другому; одинъ изъ насъ предпочитаетъ характеръ аристократической націи, другому нравится демагогія; одинъ предпочитаетъ исторію Англіи временъ Елисаветы, другой Римъ въ эпоху блеска, третій Аѳины Перикла, четвертый Францію Людовика XIV, или Францію Конвента, но во всякомъ случаѣ, для большаго числа образованнаго общества, жизнь всѣхъ этихъ обществъ, жизнь живая, понятная хоть урывками, но понятная сердцу.

Византійское общество, повторяю, напротивъ того, пострадало отъ равнодушія, или недоброжелательства, писателей Западныхъ, отъ неприготовленности и долгой незрѣлости нашей Русской науки.

Византія представляется чѣмъ-то (скажемъ просто, какъ говорится иногда въ словесныхъ бесѣдахъ) сухимъ, скучнымъ, поповскимъ, и не только скучнымъ, но даже чѣмъ-то жалкимъ и подлымъ.

Между падшимъ языческимъ Римомъ и эпохой Европейскаго Возрожденія обыкновенно представляется какая-то зіяющая темная пропасть варварства.

Конечно, литература историческая уже обладаетъ нѣсколькими прекрасными трудами, которые населяютъ мало по малу эту скучную бездну живыми тѣнями и образами (Таковы, на пр., книги Амедея Тьерри).

Исторія цивилизаціи въ Европѣ Гизо написана и издана уже давнымъ давно. Въ ней мало повѣствовательнаго, бытоваго; но за то движеніе идей, развитіе внутренняго нерва жизни, изображено съ геніальностью и силой. Гизо имѣлъ въ виду преимущественно Западъ; однако, говоря о Церкви Христіянской, онъ долженъ былъ по неволѣ безпрестанно касаться тѣхъ идей, тѣхъ интересовъ, вспоминать о тѣхъ людяхъ и событіяхъ, которые были одинаково важны и для Западнаго и для Восточно-Христіянскаго міра. Ибо варварство, въ смыслѣ совершенной дикости, простоты и безсознательности, вовсе не было въ эту эпоху, но была, какъ въ началѣ уже сказалъ, общая Византійская образованность, которая переступала тогда далеко-за предѣлы Византійскаго Государства, точно также, какъ переступала государственные предѣлы Еллады когда-то Еллинская цивилизація, какъ переступаетъ еще дальше теперь Европейская за свои политическія границы.

Есть и другія ученыя книги, которыя могутъ помочь намъ, если мы захотимъ восполнить нашъ недостатокъ представленій, которымъ мы, люди неспеціяльные, страдаемъ, когда дѣло касается Византіи.

Но искать охотниковъ мало; и до тѣхъ поръ, пока найдутся хоть между Русскими, на пр., люди съ такимъ же художественнымъ дарованіемъ, какъ братья Тьерри, Маколей, или Грановскій, люди, которые посвятили бы свой талантъ Византизму... пользы живой, сердечной пользы, не будетъ.

Пусть-бы кто ни будь, на пр., передѣлалъ, или даже перевелъ просто, но изящно, на современный языкъ Житія Святыхъ, ту старую Четь-Минею Димитрія Ростовскаго, которую мы всѣ знаемъ, и всѣ не читаемъ, и этого было бы достаточно, чтобы убѣдиться, сколько въ Византизмѣ было искренности, теплоты, геройства и поэзіи.

Византія не Персія Зороастра; источники для нея есть; источники крайне близкіе намъ, но нѣтъ еще искусныхъ людей, кото-

рые съумѣли бы пріучить наше воображеніе и сердце къ образамъ этого міра, съ одной стороны столь далеко отошедшаго, а съ другой вполнѣ современнаго намъ и органически съ нашей духовной и государственной жизнью связаннаго.

Предисловіе къ одной изъ книгъ Амедея Тьерри (Derniers Temps de l' Empire d' Occident) содержитъ въ себѣ прекрасно выраженныя жалобы на пренебреженіе Западныхъ писателей къ Византійской исторіи. Онъ приписываетъ, между прочимъ, много важности пустой игрѣ словъ Bas-Empire (Нижняя Имперія, Имперія низкая, презрѣнная), и называетъ лѣтописца, который первый раздѣлилъ Римскую Исторію на Исторію Верхней (Италійской) и Нижней (Греческой) Имперіи, лѣтописцомъ неудачливымъ, неловкимъ, несчастнымъ (malencontreux).

«Не надо забывать, говоритъ Тьерри, что именно Византія дала человѣчеству совершеннѣйшій въ мірѣ религіозный законъ—Христіянство. Византія распространила Христіянство: она дала ему единство и силу.»

«И между гражданами Византійской Имперіи, говоритъ онъ далѣе, «были люди, которыми могли бы гордиться всѣ эпохи, всякое общество!»

ГЛАВА II.

Византизмъ въ Россіи.

Я сказалъ, что Римскій Кесаризмъ, оживленный Христіянствомъ, далъ возможность живому Риму (Византіи) пережить старый Италійскій Римъ на цѣлую государственную нормальную жизнь, цѣлое тысячелѣтіе.

Условія Русскаго Православнаго Царизма были еще вы[illegible]

[illegible]ренесенный на Русскую почву Византизмъ встрѣтилъ не [illegible] находилъ на берегахъ Средиземнаго моря, не племена [illegible]разованности и усталыя, не страны, стѣсненныя вра[illegible]набѣгомъ, нѣтъ! онъ нашелъ страну дикую, новую, [illegible]тую, обширную, онъ встрѣтилъ народъ простой, свѣ[illegible]почти не испытавшій, простодушный, прямой въ сво[illegible]

Вмѣсто избирательнаго, подвижнаго, пожизненнаго диктатора, Византизмъ нашелъ у насъ Великаго Князя Московскаго, патріархально и наслѣдственно управлявшаго Русью.

Въ Византизмѣ царила одна отвлеченная юрудическая идея: на Руси эта идея обрѣла себѣ плоть и кровь въ Царскихъ родахъ, священныхъ для народа.

Родовое монархическое чувство, этотъ Великорусскій легитимизмъ, былъ сперва обращенъ на домъ Рюрика, а потомъ на домъ Романовыхъ.

Родовое чувство, столь сильное на Западѣ въ аристократическомъ элементѣ общества, у насъ же въ этомъ элементѣ всегда гораздо слабѣйшее, нашло себѣ главное выраженіе въ монархизмѣ. Имѣя сначала вотчинный (родовой) характеръ, наше Государство этимъ самымъ развилось въ послѣдствіи такъ, что родовое чувство общества у насъ приняло Государственное направленіе. Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаннѣе не только аристократіи, но и самой семьи. Я, признаюсь, не понимаю тѣхъ, которые говорятъ о семейственности нашего народа. Я видѣлъ довольно много разныхъ народовъ на свѣтѣ, и читалъ, конечно, какъ читаютъ многіе. Въ Крыму, въ Малороссіи, въ Турціи, въ Австріи, въ Германіи, вездѣ я встрѣтилъ то же. Я нашелъ, что всѣ почти иностранные народы, не только Нѣмцы и Англичане (это уже слишкомъ извѣстно), но и столькіе другіе: Малороссы, Греки, Болгары, Сербы, вѣроятно (если вѣрить множеству книгъ и разсказовъ) и сельскіе или вообще провинціяльные Французы, даже Турки, гораздо семейственнѣе насъ, Великороссовъ.

Обыкновенно принято, что Турецкая семья—не семья. Это легко сказать и успокоиться. Другое дѣло сказать, что Христіанскій идеалъ семьи выше Мусульманскаго идеала. Это, конечно, такъ, и у тѣхъ Христіянскихъ народовъ, у которыхъ есть прирожденный, или выработанный ихъ исторіей, глубокій фамилизмъ, какъ, на прим., у Германскихъ націй, онъ и выразился такъ сильно, твердо и прекрасно, какъ не выражался дотолѣ ни у кого и нигдѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ нагляднѣе, надо, съ одной стороны, вспомнить несравненную ни съ чѣмъ другимъ прелесть семейныхъ картинъ Диккенса, или Вальтеръ-Скотта, и съ менѣе геніальной силой, у всѣхъ почти Англійскихъ писателей. А съ дру-

гой, Германскую нравственную философію, которая первая развила строго идею семейнаго дома для дома, даже внѣ религіозной заповѣди. Можно ли вообразить себѣ великаго Великорусскаго писателя, который догадался бы прежде Нѣмцевъ изложить такой взглядъ и положить его хорошо, оригинально, увлекательно? Будемъ искренни и скажемъ, что это, можетъ быть, грустная правда, но правда.

Что касается до художественныхъ изображеній, то пусть только сравнитъ кто ни будь самыхъ даровитыхъ писателей нашихъ съ Англійскими, и онъ увидитъ тотчасъ же, до чего я правъ. Развѣ можно сравнить семейныя картины Графа Л. Н. Толстого, съ картинами Вальтеръ-Скотта, и особенно Диккенса? Развѣ теплота «Дѣтства и Отрочества» можетъ сравниться съ теплотою, съ какимъ-то страстнымъ эпическимъ лиризмомъ Копперфильда? Развѣ семейная жизнь «Войны и Мира,» семейные (весьма немногосложные) идиллическіе оттѣнки въ произведеніяхъ Тургенева и Гончарова, равны обилію и силѣ идиллическихъ семейныхъ красокъ во всей Англійской литературѣ? Развѣ можно вообразить себѣ великаго Русскаго поэта, который написалъ бы Колоколъ Шиллера? Сильны ли семейныя чувства (сравнительно съ Германскимъ, конечно) у Пушкина, у Лермонтова, и у самого полумужика Кольцова?

Совсѣмъ ли былъ неправъ Бѣлинскій, когда надъ предисловіемъ своимъ къ стихамъ Кольцова поставилъ эпиграфомъ стихи Апол. Григорьева?

«Русскій быть—
Увы! совсѣмъ не такъ глядитъ,
Хоть о семейности его
Славянофилы намъ твердятъ
Уже давно, но, виноватъ,
Я въ немъ не вижу ничего
Семейнаго.»

Отъ чего широкіи на всѣ руки Питерщикъ Писемскаго и угрюмый, пострадавшій въ семьѣ, Бирюкъ Тургенева, всѣмъ показались въ свое время естественнѣе, правдивѣе всѣхъ à la G. Sand сельскихъ идиллій Григоровича? Григоровичъ зналъ хорошо языкъ крестьянъ, вѣрно изображалъ многіе типы, у него было чувство несомнѣнное, но онъ попалъ на ложную дорогу слишкомъ уже добраго и твердаго фамилизма, который... увы! въ удѣлъ Великоруссу не достался!

Я знаю, что многимъ высоконравственнымъ и благороднымъ людямъ больно слушать подобныя вещи; я знаю, что сознавать это правдой тяжело... Быть можетъ, мнѣ и самому это больно. Но развѣ мы поможемъ злу, скрывая его отъ себя и отъ другихъ?

Если это зло (и, конечно, зло большое), то лучше безпрестанно указывать на него, чтобы ему противодѣйствовать сколько есть силъ; а увѣрять самихъ себя, что мы семейственны, по тому только, что попадаются и у насъ, тамъ и сямъ, согласныя, строго нравственныя по убѣжденію, семьи, это было бы то же, что увѣрять: «Мы очень феодальны въ общественной организаціи, по тому что и у насъ есть древніе Княжескіе и Боярскіе многовѣковые роды, по тому что и у насъ было и есть еще отчасти богатое благовоспитанное дворянство, недавно еще привилегированное, сравнительно съ другими классами народа.» Это такъ; но, вѣдь, чтобы судить вѣрно общественный организмъ, необходимо сравнивать его съ другимъ такими же организмами; а рядомъ съ нами Германскіе народы развили, въ теченіе своей исторической жизни, такіе великіе образцы аристократичности съ одной стороны и фамилизма съ другой, что мы должны же сознаться: намъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи до нихъ далеко! Если мы найдемъ старинную чисто Великорусскую семью (т. е., въ которой ни отецъ, ни мать, не Нѣмецкой крови, ни даже Польской, или Малороссійской), крѣпкую и нравственную, то мы увидимъ, во первыхъ, что она держится больше всего Православіемъ, Церковью, Религіей, Византизмомъ, заповѣдію, грѣхомъ, а не внѣ Религіи стоящимъ и даже переживающимъ ее эѳическимъ чувствомъ, принципомъ отвлеченнаго долга, однимъ словомъ, чувствомъ, не признающимъ грѣха и заповѣди съ одной стороны, но и не допускающимъ либеральнаго, или эстетическаго, эвдемонизма съ другой, не допускающимъ той согласной взаимной терпимости, которую такъ любило дворянство Романскихъ странъ XVII и XVIII вѣка, и которое у насъ хотѣлъ проповѣдывать Чернышевскій, въ своемъ Романѣ: «Что дѣлать?» Романъ этотъ отвратительный художественно, грубый, дурно написанный, сдѣлалъ, однако, своего рода отрицательную пользу: онъ показалъ впервые ясно, чего именно хотятъ люди этого рода. И въ этихъ людяхъ сказался отчасти Великоруссизмъ, хотя на этотъ разъ своими вредными сторонами, своими разрушительными выводами.

Всякое начало, доведенное односторонней послѣдователь-

ностью до какихъ ни будь крайнихъ выводовъ, не только можетъ стать убійственнымъ, но даже, и *самоубійственнымъ*. Такъ, на примѣръ, если бы идею *личной свободы* довести до всѣхъ крайнихъ выводовъ, то она могла бы, черезъ посредство крайней анархіи, довести до крайне деспотическаго *коммунизма*, до юридическаго постояннаго насилія *всѣхъ надъ каждымъ*, или, съ другой стороны, до *личнаго рабства*. Дайте право людямъ вездѣ продавать, или *отдавать*, себя въ вѣчный пожизненный *наемъ* изъ за спокойствія, пропитанія, за долги и т. п., и вы увидите, сколько и въ наше время нашлось бы крѣпостныхъ рабовъ, или полурабовъ, по *волѣ*.

Слабосемейственность Великоруссизма сказалась ярко въ сочиненіяхъ нашихъ Нигилистовъ. Нигилисты старались повредить и Государству; но въ защиту государственности со всѣхъ сторонъ поднялись безчисленныя и *разнородныя силы*, а въ защиту семейственности раздавались больше даровитые и благородные голоса, чѣмъ поднимались силы реальныя, фактическія. Я прошу *только* посмотрѣть внимательно и безстрашно на жизнь нашу и нашу художественную литературу. [5]

Если, на примѣръ, нѣкоторымъ извѣстнымъ Славянофиламъ

---

[5] *Анархическій* и антитеическій, но крѣпко семейственый, Прудонизмъ мало имѣлъ успѣха въ средѣ нашей молодежи; ей нравились болѣе утопіи сладострастія, *Фурьеризмъ*, вольныя *сходки въ хрустальныхъ дворцахъ*, чѣмъ атеистическая рабочая *семья* Прудона. Прудонъ Французъ изъ *Безансона* Нѣмецкаго умственнаго воспитанія — Гегеліанецъ.

Вспомнимъ также о нашихъ *сектантахъ*, что у нихъ преобладаетъ: *семейственность*, или *общинность* (т. е., нѣчто въ родѣ государственности)? Въ собственно же половомъ отношеніи они всѣ колеблются между крайнимъ *аскетизмомъ* (скопчествомъ) и крайней распущенностью.

Возможенъ ли въ Россіи *соціалистъ*, подобный спокойному Нѣмцу *Струве* (см. у Герцена: «Былое и Думы»), который такъ дорожилъ вѣрностью и добродѣтелью своей будущей жены, что обращался къ *френологіи* для выбора себѣ подруги? Еще примѣръ: Разъ я прочелъ въ какой-то газетѣ, что одна молодая Англичанка, или Американка, объявила слѣдующее: «Если женщинамъ дадутъ равныя права, и у меня будетъ власть, я велю тотчасъ же *закрыть* всѣ игорные и кофейные дома, однимъ словомъ, всѣ заведенія, которыя отвлекаютъ мужчинъ отъ дома.» Русская дама и дѣвица, напротивъ того, прежде всего подумала бы, *какъ самой пойти скорѣе туда*, въ случаѣ пріобрѣтенія всѣхъ равныхъ съ мужчинами правъ.

посчастливилось вырости въ крѣпкихъ Великорусскихъ семьяхъ, то, во 1-хъ, всѣ эти семьи были крайне Православными, а во 2-хъ, имѣемъ ли мы логическое право всегда вѣрить въ то, что намъ нравится, въ то, что мы любимъ, находить и у другихъ то, что намъ въ самихъ насъ дорого?

Въ этомъ-то смыслѣ я, самъ Великороссъ вполнѣ, въ прошлой главѣ сказалъ: «Что такое семья безъ религіи? Что такое религія безъ Христіянства? Что такое Христіянство въ Россіи безъ Православныхъ формъ, правилъ и обычаевъ, т. е., безъ Византизма?»

Кто хочетъ укрѣпить нашу семью, тотъ долженъ дорожить всѣмъ, что касается Церкви нашей!

Дай Богъ, чтобы я былъ неправъ, утверждая, что семейное начало у насъ слабо! Я буду очень радъ, если какая ни будь точная статистика докажетъ мнѣ, что я ошибся, что я слишкомъ пессимистъ въ отношеніи нашего фамилизма. Но пока мнѣ этого не докажутъ, я буду стоять на своемъ, и находить, что не только у Германскихъ народовъ и у тѣхъ представителей Романскихъ, у которыхъ было больше случайнаго Германизма, но и у Малороссовъ, у Грековъ, Юго-Славянъ, у Турокъ даже, семейное начало глубже и крѣпче нашего.

Я говорю у Турокъ. Идеалъ Мусульманской семьи можетъ быть ниже Христіянскаго; но личный ли темпераментъ Турокъ, условія ли ихъ общественнаго развитія, сдѣлали то, что они очень любятъ свою семью, свое родство, свой родъ, свой очагъ. У нихъ есть большое расположеніе къ семейному идиллизму.

Итакъ родовое чувство, повторяю, выразилось сравнительно у насъ и въ семьѣ слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ; въ аристократическомъ началѣ то же самое; всю силу нашего родового чувства исторія перенесла на Государственную власть, на Монархію, Царизмъ.

Когда я употребляю выраженіе: «аристократическое начало,» надо понять, что я говорю въ самомъ обширномъ смыслѣ. Я понимаю очень хорошо, что хотятъ сказать тѣ, которые утверждаютъ, что у насъ никогда не было аристократіи; но нахожу, что этотъ оборотъ рѣчи не совсѣмъ правиленъ; онъ не исчерпываетъ явленія вполнѣ.

Аристократическое начало у насъ было (и даже есть), какъ

и вездѣ; [6] но родовой и личный характеръ у него былъ (и есть) выраженъ гораздо слабѣе, чѣмъ во всѣхъ Западныхъ феодальныхъ аристократіяхъ, или чѣмъ одинъ родовой въ муниципальной аристократіи Древне-Римскихъ Патриціевъ и Оптиматовъ.

Привилегированные люди, единоличная власть, семья, разныя ассоціяціи, общины, все это есть вездѣ, все это реальная сила, неизбѣжныя части всѣхъ общественныхъ организмовъ. Но они разнородно снаряжены и неравномѣрно сильны и ярки у разныхъ націй и въ разныя времена.

Такъ я не ошибусь, я думаю, если скажу, что въ началѣ развитія Государства всегда сильнѣе какое бы то ни было аристократическое начало. Къ серединѣ жизни Государственной является наклонность къ единоличной власти (хотя бы въ видѣ сильнаго президенства, временной диктатуры, единоличной демагогіи или тираніи какъ у Еллиновъ, въ ихъ цвѣтущемъ періодѣ), а къ старости и смерти воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное, начало.

Смотря по тому, какой оттѣнокъ, какая реальная сила, преобладала въ томъ, или другомъ, народѣ, и всѣ другія окрашиваются имъ, проникаются его элементами.

У насъ родовой наслѣдственный Царизмъ былъ такъ крѣпокъ, что и аристократическое начало у насъ приняло подъ его вліяніемъ служебный, полу-родовой, слабо-родовой, несравненно болѣе Государственный, чѣмъ лично феодальный, и уже ни сколько не муниципальный, характеръ. Извѣстно, что Мѣстничество носило въ себѣ глубоко-служебный Государственный, чиновничій характеръ. Гордились Бояре службой Царской своихъ отцовъ и дѣдовъ, а не древностью самого рода, не своей личностью, не городомъ, наконецъ, или замкомъ, съ которыми бы сопряжены были ихъ власть и племя.

Усилія Царей рода Романовыхъ и самыя рѣзкія преобразованія Петра измѣнили лишь частности, сущность не могла быть измѣнена.

Ранги, введенные Петромъ, казалось бы, демократизировали дворянство въ принципѣ. Всякій свободный человѣкъ могъ до-

---

[6] Оно было и въ Америкѣ, въ лицѣ Южныхъ Рабовладѣльцевъ, Южныхъ помѣщиковъ-демократовъ.

стичъ чиновъ, служа Царю (т. е., Государству). Но оказалось на дѣлѣ иное. Дворянство этимъ больше выдѣлилось изъ народа, фактически аристократизировалось, особенно въ высшихъ своихъ слояхъ.

До Петра было больше однообразія въ соціяльной, бытовой картинѣ нашей, больше сходства въ частяхъ; съ Петра началось болѣе ясное, рѣзкое разслоеніе нашего общества, явилось то разнообразіе, безъ котораго нѣтъ полной жизни, нѣтъ творчества у народовъ. Петръ, какъ извѣстно, утвердилъ еще болѣе и крѣпостничество... Дворянство наше, поставленное между активнымъ вліяніемъ Царизма и пассивнымъ вліяніемъ подвластныхъ крестьянскихъ міровъ (ассоціяцій), начало рости умомъ и властью, не смотря на подчиненіе Царизму.

Осталось только явиться Екатеринѣ II, чтобы обнаружился и досугъ, и вкусъ, и умственное творчество, и болѣе идеальныя чувства въ общественной жизни. Деспотизмъ Петра былъ прогрессивный и аристократическій, въ смыслѣ выше изложеннаго разслоенія общества. Либерализмъ Екатерины имѣлъ рѣшительно тотъ же характеръ. Она вела Россію къ цвѣту, къ творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вотъ въ чемъ главное дѣло. Она охраняла крѣпостное право (цѣлость міра, общины поземельной), [7] распространяла даже это право на Малороссію и, съ другой стороны, давала льготы дворянству, уменьшала въ немъ служебный смыслъ, и по тому возвышала собственно аристократическія его свойства—родъ и личность; съ ея времени дворянство стало нѣсколько независимѣе отъ Государства, но по прежнему оно преобладало и господствовало надъ другими классами націи. Оно еще болѣе выдѣлилось, выяснилось, индивидуализировало и вступило въ тотъ періодъ, когда изъ него постепенно вышли: Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь и т. п.

Людовикъ XIV и Петръ I-й были современниками. Но самодержавіе Людовика XIV значительно уравняло Францію: оно стерло послѣдніе слѣды могучей, прежней феодальной независи-

[7] Власть помѣщика была стѣснительной, т. е., крѣпкой охраной для цѣлости общины. Къ внутренней организаціи прививалось внѣшнее давленіе. Отсюда прочность міра крестьянскаго.

мости. Францiя слѣдующаго вѣка быстро пошла къ демократизацiи и политическому стѣсненiю.

Самодержавiе Петра, напротивъ того, расслоило крѣпче прежняго Россiю, приготовило болѣе прежняго аристократическiя, разнообразныя эпохи Екатерины и Александра I. Съ теченiемъ времени непрочное, малородовое дворянство наше, отжившее свой естественный вѣкъ, утратило свое исключительное положенiе, которое могло бы, сохраняясь, привести къ какому ни будь насильственному разгрому снизу. Аристократическая роль дворянства кончилась, не столько пониженiемъ его собственныхъ правъ и вольностей, сколько дарованiемъ правъ и вольностей другимъ. Уравненiе неизбѣжное все таки совершилось естественнымъ ходомъ развитiя.

Мирный же и благородный характеръ этого уравненiя произошелъ опять таки отъ силы и прочности нашего родового наслѣдственнаго Царизма, отъ его прекраснаго, такъ сказать, историческаго воспитанiя; ибо въ созиданiи его соединились три могущественныхъ начала: Римскiй Кесаризмъ, Христiанская дисциплина (ученiе покорности властямъ) и сосредоточившее всю силу свою на Царскомъ родѣ родовое начало наше, столь слабое (сравнительно) и въ семьѣ, и въ дворянствѣ нашемъ, и, можетъ быть, въ самой общинѣ нашей. [8]

Съ самаго начала исторiи нашей мы видимъ странныя комбинацiи реальныхъ общественныхъ силъ, вовсе не похожiя ни на Римско-Эллинскiя, ни на Византiйскiя, ни на Европейскiя. Удѣльная система наша соотвѣтствуетъ, съ одной стороны (если смо-

---

[8] Юго-Славянскiя сельскiя задруги имѣли гораздо болѣе семейный характеръ, чѣмъ наша община; въ Юго-Славянскихъ задругахъ замѣтнѣе родовой принципъ; въ нашихъ мiрахъ—какъ бы государственный, общинный.

Вообще у Юго-Славянъ и у Грековъ два начала, семейно-патрiархальное и юридическо-муниципальное, больше какъ-то бросаются въ глаза, чѣмъ у насъ.

Еще прибавлю: на какихъ идеалахъ, на семейныхъ ли собственно, или на религiозныхъ, сосредоточилась поэтическая дѣятельность нашего простого народа? У Малороссовъ, у Грековъ, у Сербовъ, у Болгаръ, нѣтъ мистическихъ стихотворенiй, а Великороссы простого званiя (у Раскольниковъ) весьма богаты мистическими стихотворенiями.

трѣть аналогически на начало всѣхъ Государствъ, извѣстныхъ исторіи), той первоначальной, простой по быту и понятіямъ, отличной отъ народа аристократіи, которую мы встрѣчаемъ при зарожденіи всѣхъ Государствъ, грубымъ Патриціямъ перваго Рима (и, вѣроятно, чему ни будь подобному и въ другихъ Итальянскихъ народахъ), Германскому первоначальному рыцарству, Спартіатамъ Лакедемоніи и т. д.

Подвижность относительно мѣста, неподвижность и крѣпость относительно рода, перевѣсъ родового начала и надъ личнымъ и надъ избирательно-муниципальнымъ, которое представляло народное вѣче городовъ.

Такова была наша удѣльная система, если ее разсмотрѣть, какъ первобытную аристократію. Она таила въ себѣ, однако, глубокія монархическія свойства, именно потому, вѣроятно, что внѣ одного рода Рюрика, внезапно столь размноженнаго, не было никакой другой сильной и организованной аристократіи. Самыя вѣчевыя конституціи наши были, вѣроятно, такъ эгалитарны по духу своему, что ихъ отпоръ централизующей власти не могъ быть силенъ, какъ только все-Боярство выразило вполнѣ ясно и разъ навсегда, что оно и не феодально (не слишкомъ лично), и не муниципально, а служебно и все-государственно. Аристократія наша приняла наконецъ чиновный характеръ; чиновничество же, съ своей стороны, родовой, наслѣдственный. Служба давала наслѣдственныя права. Изгнанное исторіей изъ дворянства, изъ аристократіи, начало рода разлилось по разлитымъ другимъ составнымъ частямъ общества, проникло въ купеческое сословіе, придало духовенству не бывшій въ Византіи наслѣдственный легитимизмъ.

Подъ вліяніемъ внѣшнихъ враговъ, и подъ вліяніемъ дружественнаго Византизма, кровная удѣльная аристократія пала и перешла, вмѣстѣ съ новыми родами, въ это простое служилое дворянство. При всѣхъ этихъ передвиженіяхъ и переходахъ, жизнь Россіи разнообразилась, развивалась; крѣпъ Царизмъ центральный, воспитанный Византизмомъ, и Русь все росла и все умнѣла.

Итакъ у насъ были всегда слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ, муниципальное начало, родовое, наслѣдственно-аристократическое, и даже семейное, какъ я старался это показать.

Сильны, могучи у насъ только три вещи: Византійское

Православiе, родовое и безграничное Самодержавiе наше и, можетъ быть, нашъ сельскiй поземельный мiръ (Такъ, по крайней мѣрѣ думаютъ многiе о нашей общинѣ; такъ думаютъ наши охранители Православiя и Самодержавiя, Славянофилы, и, съ другой стороны, человѣкъ совершенно противоположный имъ, соцiялистъ, Испанскiй Эмиль Кастеларъ. Объ общинѣ я разсуждать здѣсь не буду: цѣль моя иная).

Я хочу сказать, что Царизмъ нашъ, столь для насъ плодотворный и спасительный окрѣпъ подъ влiянiемъ Православiя, подъ влiянiемъ Византiйскихъ идей, Византiйской культуры.

Византiйскiя идеи и чувства сплотили въ одно тѣло полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу перенести Татарскiй погромъ и долгое данничество. Византiйскiй образъ Спаса осѣнялъ на Великокняжескомъ знамени вѣрующiя войска Димитрiя на томъ бранномъ полѣ, гдѣ мы впервые показали Татарамъ, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь!

Византизмъ далъ намъ всю силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, съ Шведами, съ Францiей и съ Турцiей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернацiональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости.

Г. Костомаровъ, несомнѣнно талантливый Малороссъ, но кто же считаетъ его особенно пристрастнымъ къ Великоруссизму? Однако стоитъ раскрыть его Исторiю Смутнаго Времени (не знаю, вѣрно ли я помню заглавiе этой книги?), чтобы убѣдиться, до чего важенъ для насъ Византизмъ съ тѣмъ двойственнымъ характеромъ Церкви и родового Самодержавiя, съ которымъ онъ утвердился у насъ на Руси. Поляки были въ Москвѣ. Царя или вовсе не было, или являлось нѣсколько Самозванцевъ въ разныхъ мѣстахъ, одинъ за другимъ. Войска были вездѣ разбиты. Бояре измѣняли, колебались или были безсильны и безмолвны; въ самыхъ сельскихъ общинахъ царствовалъ глубокiй раздоръ. Но стоило только Поляку войти въ шапкѣ въ церковь или оказать малѣйшее неуваженiе къ Православiю, какъ немедленно распалялся

Русскій патріотизмъ до страсти. «Одно Православіе объединяло тогда Русскихъ,» говоритъ Г. Костомаровъ.

Церковное же чувство и покорность властямъ (Византійская выправка) спасли насъ и въ 12 году. Извѣстно, что многіе крестьяне наши (конечно, всѣ, застигнутые въ расплохъ нашествіемъ), обрѣли въ себѣ мало чисто національнаго чувства въ первую минуту. Они грабили помѣщичьи усадьбы, бунтовали противъ дворянъ, брали отъ Французовъ деньги. Духовенство, дворянство и купечество вели себя иначе. Но и въ народѣ, какъ только увидали люди, что Французы обдираютъ иконы и ставятъ въ нашихъ храмахъ лошадей, такъ народъ ожесточился, и все приняло иной оборотъ.

Къ тому же и власти второстепенныя были тогда иныя: онѣ умѣли, не задумываясь, обуздывать неразумныя увлеченія.

А чему же служили эти власти, какъ не тому же полу-Византійскому Царизму нашему? Чѣмъ эти низшія власти были воспитаны и выдержаны, какъ недолгой Іерархической дисциплиной этой полу-Византійской Руси? Что, какъ не Православіе, скрѣпило насъ съ Малороссіей? Остальное все у Малороссовъ, въ преданіяхъ, въ воспитаніи историческомъ, было вовсе иное, на Московію не похожее.

Что, какъ не сохраненіе въ Христіянствѣ Восточно-Византійскаго оттѣнка народомъ Бѣлой и Южной Руси дало намъ ту вещественную силу и то внутреннее чувство права, которыя рѣшили въ послѣдній разъ участь Польскаго вопроса?

Развѣ не Византизмъ опредѣлилъ нашу роль въ великихъ, по всемирному значенію, Восточныхъ дѣлахъ?

Даже Расколъ нашъ Великорусскій носитъ на себѣ печать глубокаго Византизма. За мнимую порчу этого Византійскаго Православія осердилась часть народа на Церковь и Правительство, за новшества, за прогрессъ. Раскольники наши считаютъ себя болѣе Византійцами, чѣмъ членовъ господствующей Церкви. И сверхъ того (какъ явствуетъ изъ сознанія всѣхъ людей, изучавшихъ толково Расколъ нашъ), Раскольники не признаютъ за собою права политическаго бунта; знакомые довольно близко съ Церковной старой Словесностью, они въ ней, въ этой Византійской Словесности, находятъ постоянно ученіе о строгой покорности предержащимъ властямъ. Лучше всѣхъ объ этомъ пи-

салъ Кельсіевъ. Я самъ жилъ на Дунаѣ, и убѣдился, что онъ отлично понялъ это дѣло.

Если исключить изъ числа нашихъ разнообразныхъ сектантовъ малочисленныхъ Молоканъ и Духоборцевъ, въ которыхъ уже почти ничего Византійскаго не осталось, то главныя отрасли нестарообрядческаго раскола окажутся мистики: Хлысты и Скопцы.

Но и они не вполнѣ разрываютъ съ Православіемъ. Они даже большею частію чтутъ его, считая себя только передовыми людьми Вѣры, Иллюминатами, вдохновенными. Они, вовсе не Протестанты, Дервиши, почти въ томъ же духѣ относятся къ Мусульманству; они не совсѣмъ оторванные сектанты; они, кажется, что-то среднее между нашими мистиками—Христовыми и Божьими Людьми, и нашими Православными отшельниками.

Византійскій духъ, Византійскія начала и вліянія, какъ сложная ткань первой системы, проникаютъ насквозь весь Великорусскій общественный организмъ.

Даже всѣ почти большіе бунты наши никогда не имѣли ни Протестантскаго, ни либерально-демократическаго, характера, а носили на себѣ своеобразную печать лже-легитимизма, т. е., того же родового и религіознаго монархическаго начала, которое создало все наше Государственное величіе.

Бунтъ Стеньки Разина не устоялъ, какъ только его люди убѣдились, что Государь не согласенъ съ ихъ Атаманомъ. Къ тому же Разинъ постоянно старался показать, что онъ воюетъ не противу Крови Царской, а только противу Бояръ и согласнаго съ ними Духовенства.

Пугачовъ былъ умнѣе, чтобы бороться противъ Правительства Екатерины, котораго сила была несравненно больше силъ до-Петровской Руси; онъ обманулъ народъ, онъ воспользовался тѣмъ легитимизмомъ Великорусскимъ, о которомъ я говорилъ.

Нѣчто подобное же хотѣли пустить въ ходъ и наши молодые Европейскіе Якобинцы 20 годовъ.

Увѣряютъ многіе, что на подобныхъ же монархическихъ недоразумѣніяхъ держатся и политическіе взгляды нѣкоторыхъ сектантовъ.

Что же хотѣлъ я этимъ сказать? Монархическое начало является у насъ единственнымъ организующимъ началомъ, глав-

нымъ орудіемъ дисциплины, и это же самое начало служитъ знаменемъ бунтамъ? Да! Это такъ, и это еще не велико несчастіе. Безъ великихъ волненій не можетъ прожить ни одинъ великій народъ. Но есть разныя волненія. Есть волненія во время, раннія, и есть волненія не во время, позднія. Раннія способствуютъ созиданію, позднія ускоряютъ гибель народа и Государства. Послѣ волненій плебеевъ Римъ вступилъ въ свой героическій періодъ; послѣ преторіянскихъ вспышекъ и послѣ мирнаго движенія Христіянъ, Римъ разрушился.

Протестантская ранняя революція Англіи создала ея величіе, укрѣпила ея аристократическую конституцію. А Якобинская поздняя революція Французовъ стала залогомъ ихъ паденія.

Послѣ 30-лѣтняго религіознаго междоусобія въ Германіи явились Фридрихъ II, Гёте, Шиллеръ, Гумбольдтъ и т. д., а послѣ ничтожной и даже смѣшной борьбы 48 года Бюхнеры, Бюхнеры и Бюхнеры! Развѣ и это не упадокъ? Что касается до геніальнаго Бисмарка, еще не извѣстно, что онъ также для Германіи, дѣйствительный ли возродитель, или одно изъ тѣхъ шумныхъ и блестящихъ лицъ, которыя являются всегда у народовъ на канунѣ ихъ паденія, чтобы собрать воедино и израсходовать навсегда всѣ послѣднія запасныя силы общества. Мнѣ кажется, вопросъ можетъ быть спорнымъ только на какіе ни будь четверть вѣка, т. е., можно спрашивать себя, что такое эпоха Бисмарка? Эпоха Наполеона I, или Наполеона III? Послѣднее, я думаю, вѣрнѣе.

Германія не моложе Франціи, ни по годамъ, ни по духу, ни по строю; если же Пруссія была моложе, то гдѣ жь теперь эта Пруссія?

До сихъ поръ всѣ наши волненія пришлись во время, и съ ними именно по тому и можно было справиться, что въ душахъ бунтующихъ были глубокія консервативныя начала, по тому что всѣ наши бунты имѣли болѣе, или менѣе, самозванническій или мнимо-легитимный характеръ.

Это разъ. А съ другой стороны тутъ и неестественнаго ничего нѣтъ. Если какое ни будь начало такъ сильно, какъ у насъ Монархическое, если это начало такъ глубоко проникаетъ всю національную жизнь, то понятно, что оно должно, такъ сказать, разнообразно извиваться, изворачиваться и даже извращаться иногда, подъ вліяніемъ разнородныхъ и переходящихъ условій.

Русскіе Самозванническіе бунты наши доказываютъ только необычайную жизненность и силу нашего родового Царизма, столь тѣсно и неразрывно связаннаго съ Византійскимъ Православіемъ.

Я осмѣлюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое Польское возстаніе и никакая Пугачовщина не могутъ повредить Россіи такъ, какъ могла бы ей повредить очень мирная, очень законная, демократическая конституція.

О демократическихъ конституціяхъ я скажу подробнѣе позднѣе; здѣсь же остановлюсь еще немного на Мусульманахъ.

Любопытно, что съ тѣхъ поръ, какъ Мусульмане въ Турціи ближе ознакомились и съ Западомъ, и съ нами, мы, Русскіе, не смотря на столько войнъ и на старый политическій антагонизмъ нашъ съ Турціей, больше нравимся многимъ Туркамъ и личнымъ и государственнымъ характеромъ нашимъ, чѣмъ Западные Европейцы. Церковный характеръ нашей Имперіи внушаетъ имъ уваженіе; они находятъ въ этой чертѣ много сходнаго съ религіознымъ характеромъ ихъ собственной народности. Наша дисциплина, наша почтительность и покорность, плѣняютъ ихъ; они говорятъ, что это наша сила, завидуютъ намъ и указываютъ другъ другу на насъ, какъ на добрый примѣръ. Если бы завтра Турецкое Правительство ушло съ Босфора, а Турки бы ушли не всѣ за нимъ съ Балканскаго полуострова, то, конечно, они всегда бы надѣялись на насъ, какъ на защитниковъ противъ тѣхъ неизбѣжныхъ притѣсненій и оскорбленій, которымъ бы подвергались они отъ вчерашнихъ рабовъ своихъ, Юго-Славянъ и Грековъ, вообще довольно жестокихъ и грубыхъ.

Турки и теперь, по личному вкусу, предпочитаютъ насъ и Болгарамъ, и Сербамъ, и Грекамъ. Чиновники наши на Востокѣ, монахи Аѳонскіе и Раскольники Дунайскіе (Турецкіе подданные), вообще Туркамъ нравятся больше, чѣмъ Европейцы Западные и чѣмъ, подвластные имъ, Славяне и Греки.

Здѣсь нѣтъ мнѣ больше мѣста, но гдѣ ни будь, въ другой разъ, я опишу подробно любопытные разговоры, которые я очень недавно имѣлъ объ Россіи съ одимъ Пашею, знавшимъ довольно хорошо Русскихъ, и еще съ двумя простыми, но умными, Мало-Азіятскими Старообрядцами. Эти послѣдніе удивлялись Нечаевскому дѣлу и съ негодованіемъ говорили мнѣ о тѣхъ людяхъ, которые хотѣли бы въ Россіи Республику сдѣлать.

«Помилуйте!» сказали они мнѣ, съ силой во взглядѣ и голосѣ.

«Да это всѣ должны за Царя встать. Мы вотъ и въ Турціи живемъ, а и намъ скверно объ этомъ слышать.»

Два пріѣзжихъ изъ Россіи монаха были при этомъ.

— «Удивительно, сказали они, что съ этими молодыми Господами, двое, ни какъ изъ мѣщанъ, студенты попались. Другое дѣло, если господскіе дѣти сердятся на Государя за освобожденіе крестьянъ. А этимъ-то что!»

Что касается до умнаго Паши, то онъ, прочтя Гоголя во Французскомъ переводѣ, хотя и смѣялся много, но потомъ важно сталъ развивать ту мысль, что у всѣхъ этихъ комическихъ героевъ Гоголя одно хорошо и очень важно. Это ихъ почтенье къ высшимъ, по чину и званію, къ начальству и т. п. «Ваше Государство очень сильно, прибавилъ онъ. Если Чичиковъ таковъ, что же должны быть умные и хорошіе люди?»

— «Хорошіе люди, Паша мой, отвѣчалъ я, нерѣдко бываютъ хуже худыхъ. Это всегда случается. Легкая честность, вполнѣ свободная, самоопредѣляющаяся нравственность, могутъ лично же и нравиться и внушать уваженіе, но въ этихъ непрочныхъ вещахъ нѣтъ ничего полититическаго, организующаго. Очень хорошіе люди иногда ужасно вредятъ Государству, если политическое воспитаніе ихъ ложно, и Чичиковы, и Городничіе Гоголя несравненно иногда полезнѣе ихъ для цѣлаго («pour l'ensemble politique,» сказалъ я).»

Паша согласился. Онъ говорилъ мнѣ много еще поучительнаго и умнаго о Русскихъ, о Раскольникахъ, о Малороссахъ, которыхъ онъ звалъ: «Ces bons Hohols. Je les connais bien Hoholes», говорилъ онъ; «mais les Lipovanes [9] Russes sont encore mieux. Ils me plaisent davantage. Они отличные граждане, гораздо лучше Грековъ, и Болгаръ; и Малороссы, и Липовне ваши, заботятся лишь о Религіи своей. А у Грековъ и у Болгаръ только одно на умѣ обезьянство политическое, конституція и т. п. вздоръ. Вѣрьте мнѣ,— Россія будетъ до тѣхъ поръ сильна, пока у васъ нѣтъ конституціи. Я боюсь Россіи, не скрою этого отъ васъ и, съ точки зрѣнія моего Турецкаго патріотизма, отъ всего сердца желалъ бы, чтобы у васъ сдѣлали конституцію. Но боюсь, что у васъ Государственные люди всегда какъ-то очень умны. Пожалуй, никогда не будетъ конституціи, и это для насъ, Турокъ, довольно страшно!»

---

[9] Старообрядцы.

Ко мнѣнію Паши и Мало-Азійскихъ Раскольниковъ прибавлю еще мнѣніе глубокомысленнаго Карлейля о Русскомъ народѣ:

«Что касается до меня (писалъ онъ Герцену), я признаюсь, что никогда не считалъ, а теперь (если это возможно) еще меньше, чѣмъ прежде, надѣюсь на всеобщую подачу голосовъ, во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Если она можетъ принести что ни будь хорошее, то это такъ, какъ воспаленія въ нѣкоторыхъ смертныхъ болѣзняхъ. Я несравненно больше предпочитаю самый Царизмъ, или даже великій Туркизмъ, чистой анархіи (а я ее такой, по несчастію, считаю), развитой Парламентскимъ краснорѣчіемъ, свободой книгопечатанія и счетомъ голосовъ. Въ вашей обширной родинѣ (т. е., въ Россіи), которую я всегда уважалъ, какъ какое-то огромное, темное, неразгаданное дитя Провидѣнія, котораго внутренній смыслъ еще не извѣстенъ, но который очевидно не исполненъ въ наше время; она имѣетъ талантъ, въ которомъ она первенствуетъ и который даетъ мощь далеко превышающую другія страны, талантъ, необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ, и безпощадно требуемый отъ нихъ всѣхъ, подъ опасеніемъ наказанія—талантъ повиновенія, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды, особенно теперь?»

И не только покорность, но и другія высокія и добрыя чувства выработались въ народѣ нашемъ отъ долгой дисциплины, подъ которой онъ жилъ.

Недавно я случайно встрѣтилъ въ одномъ Православномъ журналѣ слѣдующее замѣчаніе:

«При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностью въ жизни духовной, самодѣятельностью въ области мысли и чувства» («Христіанское Чтеніе,» «О Русскомъ простонародномъ мистицизмѣ,» Н. И. Барсова).

Правда, это привело къ расколамъ и ересямъ, но за то привело, съ одной стороны, къ поэтическому творчеству, а съ другой къ равнодушію въ политическихъ внутреннихъ вопросахъ отъ слабости демагогическаго духа, именно къ тому, чего хотѣло всегда Христіянство: «Царство мое не отъ міра сего.»

Такое направленіе равно полезно и для практической мудрости народовъ въ политикѣ, и для развитія поэтическихъ наклонностей. Практическая мудрость народа состоитъ именно

въ томъ, чтобы не искать политической власти, чтобы какъ можно менѣе мѣшаться въ общегосударственныя дѣла. Чѣмъ ограниченнѣе кругъ людей, мѣшающихся въ политику, тѣмъ эта политика тверже, толковѣе, и тѣмъ самые люди пріятнѣе, умнѣе.

Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на Великорусскую жизнь и Государство, мы увидимъ, что Византизмъ, т. е., Церковь и Царь, прямо, или косвенно, но во всякомъ случаѣ глубоко проникаютъ въ самыя нѣдра нашего общественнаго организма.

Сила наша, дисциплина, исторія просвѣщенія, поэзія, однимъ словомъ, все живое у насъ сопряжено органически съ родовой Монархіей нашей, освященной Православіемъ, котораго мы естественные наслѣдники и представители во вселенной.

Византизмъ организовалъ насъ, система Византійскихъ идей создала величіе наше, сопрягаясь съ нашими патріархальными, простыми началами, съ нашимъ, еще сырымъ и грубымъ вначалѣ, Славянскимъ матеріаломъ.

Измѣняя, даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ этому Византизму, мы погубимъ Россію. Ибо тайные помыслы рано, или поздно, могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія.

Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тѣнью скучнаго всемірнаго блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можемъ неисцѣлимо и преждевременно разстроить организмъ нашего Царства, могучій, но все таки же способный, какъ и все на свѣтѣ, къ болѣзни и даже разложенію, хотя бы и медленному.

Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы,—самая холодная, прозаическая и въ добавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій.

Во всѣхъ положительныхъ религіяхъ, кромѣ огромной поэзіи ихъ, кромѣ ихъ необычайно организующей мощи, есть еще нѣчто реальное, осязательное. Въ идеѣ всеобщаго блага реальнаго нѣтъ ничего. Во всѣхъ мистическихъ религіяхъ люди согласны, по крайней мѣрѣ, въ исходномъ принципѣ: «Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель;» «Римъ вѣчный священный городъ Марса;» «Папа непогрѣшимъ;» «Одинъ Богъ, и Магометъ Пророкъ его» и т. д.

А общее благо, если только начать о немъ думать (чего, обыкновенно, говоря о благѣ и пользѣ, въ наше время и не дѣлаютъ), что̀ въ немъ окажется реальнаго, возможнаго?

Это самое сухое, ни къ чему хорошему, даже ни къ чему обязательному, не ведущее отвлеченіе, и больше ничего. Одинъ находитъ, что общее благо есть страдать и отдыхать попеременно, и потомъ молиться Богу; другой находитъ, что общее благо это—то работать, то наслаждаться, и ничему не вѣрить идеальному; а третій—только наслаждаться всегда.

Какъ это примирить, чтобы всѣмъ намъ было полезно (т. е., пріятно полезно, а не поучительно-полезно)?

Если космополитизмъ и всеобщая польза есть не что иное, какъ фраза, уже начинающая въ наше время наводить скуку и внушать презрѣніе, то про племенное чувство нельзя того же сказать.

Однообразно настроенное и блаженное человѣчество—это призракъ, и вовсе даже некрасивый и непривлекательный, но племя, разумѣется,—явленіе очень реальное. По этому племенныя чувства и сочувствія кажутся сразу довольно естественными и понятными. Но и въ нихъ много необдуманности, моднаго суевѣріи и фразы.

Что такое племя безъ системы своихъ религіозныхъ и государственныхъ идей? За что его любить? За кровь? Но кровь, вѣдь, съ одной стороны ни у кого не чиста, и Богъ знаетъ, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Безплодіе духовное! Всѣ великія націи изъ очень смѣшанной крови.

Языкъ? Но языкъ что такое? Условные знаки и условные звуки. Языкъ дорогъ особенно, какъ выраженіе родственныхъ и дорогихъ намъ идей и чувствъ.

Любить племя за племя—натяжка и ложь. Другое дѣло, если племя родственное хоть въ чемъ ни будь согласно съ нашими особыми идеями, съ нашими коренными чувствами.

Идея же національностей въ томъ видѣ, въ какомъ ее ввелъ въ политику Наполеонъ III, въ ея нынѣшнемъ модномъ видѣ, есть не что иное, какъ тотъ же либеральный демократизмъ, который давно уже трудится надъ разрушеніемъ великихъ культурныхъ міровъ Запада.

Равенство лицъ, равенство сословій, равенство, т. е., однообразіе провинцій, равенство націй, это все одинъ и тотъ же процессъ; въ сущности все то же всеобщее равенство,

всеобщая свобода, всеобщая пріятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархія, либо всеобщая мирная скука.

Идея національностей чисто племенныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ XIX вѣкѣ, есть идея въ сущности вполнѣ космополитическая, анти-государственная, противо-религіозная, имѣющая въ себѣ много разрушительной силы и ничего созидающаго, націй не обособляющая культурой; ибо культура есть не что иное, какъ своеобразіе; а своеобразіе нынѣ почти вездѣ гибнетъ отъ политической свободы.

Франція погубила себя окончательно этимъ принципомъ; подождемъ хоть немножко еще, что станется съ Германіей! Ея позднія лавры еще очень зелены, а организмъ едва ли моложе Французскаго.

Кто радикалъ отъявленный, то есть, разрушитель, тотъ пусть любитъ чистую племенную національную идею; ибо она есть лишь частное видоизмѣненіе космополитической, разрушительной, идеи.

Но тотъ, кто не радикалъ, тотъ пусть подумаетъ хоть немного о томъ, что я сказалъ!

ГЛАВА III.

Что такое Славизмъ?

Отвѣта нѣтъ!

Напрасно мы будемъ искать какія ни будь ясныя, рѣзкія черты, какія ни будь опредѣленныя и яркія историческія свойства, которыя были бы общи всѣмъ Славянамъ.

Славизмъ можно понимать только, какъ племенное этнографическое отвлеченіе, какъ идею общей крови (хоть и не совсѣмъ чистой) исходныхъ языковъ.

Идея Славизма не представляетъ отвлеченія историческаго, т. е., такого, подъ которымъ бы разумѣлись, какъ въ квинтъ-эссенціи, всѣ отличительные признаки религіозные, юридическіе, бытовые, художественные, составляющіе, въ совокупности своей, полную и живую историческую картину извѣстной культуры.

Скажите: Китаизмъ, Китайская культура, всякому болѣе, или менѣе ясно.

Скажите: Европеизмъ, и, не смотря на всю сложность Западно-Европейской исторіи, есть нѣкоторыя черты, общія всѣмъ эпохамъ, всѣмъ Государствамъ Запада, черты, которыхъ совокупность можетъ послужить для исторической классификаціи, для опредѣленія, чѣмъ именно Романо-Германская культура, взятая во всецѣлости, отличалась, и отличается теперь, отъ всѣхъ другихъ, погибшихъ и существующихъ, культуръ, отъ Японо-Китайской, отъ Исламизма, Древне-Египетской, Халдейской, Персидской, Еллинской, Римской и Византійской.

Частныя цивилизаціи: Англо-Саксонскую, Испанскую, Итальянскую, Германскую, также не трудно опредѣлить въ совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. У каждой изъ этихъ частныхъ цивилизацій была одна общая литература, одна государственная форма выяснилась при началѣ ихъ цвѣтенія, одна какая ни будь религія (Католическая, или Протестантская) была тѣсно связана съ ихъ историческими судьбами; школа живописи, архитектурные стили, музыкальныя мелодіи, философское направленіе, были у каждой свои болѣе, или менѣе, выработанныя, ясныя, наглядныя, доступныя изученію.

Такимъ обрузомъ не только Германизмъ, Англо-Саксонство, Французская культура, Старо-Испанская, Итальянская культура временъ Данта, Льва Х-го, Рафаэля и т. д., не только, я говорю, эти отвлеченныя идеи частныхъ Западныхъ культуръ, соотвѣтствуютъ яснымъ историческимъ картинамъ, но и болѣе общая идея Европеизма, противопоставленная Византизму, Еллинизму, Риму, и т. д., кажется отъ подобнаго сравненія ясной и опредѣленной.

Такъ, на пр., если бы на всю Европу, съ прошедшимъ ея и настоящимъ, смотрѣлъ какой ни будь вполнѣ безпристрастный и наиболѣе развитой человѣкъ не Христіянскаго исповѣданія, онъ бы сказалъ себѣ, что нигдѣ онъ не видалъ еще такого сильнаго развитія власти духовной (а въ слѣдствіе того и политическаго вліянія), какъ у одного старшаго жреца, живущаго въ одномъ изъ южныхъ городовъ, нигдѣ прежде не видѣлъ бы онъ, быть можетъ, такой пламенной, одушевленной религіозности у Царей и народовъ, нигдѣ такого нѣжнаго, кружевнаго, величественнаго и восторженнаго, такъ сказать, стиля въ постройкѣ храмовъ,

нигдѣ не видалъ бы онъ такого высокаго, преувеличеннаго понятія о достоинствѣ личности человѣческой, о личной чести, о самоуправляющейся нравственности, сперва въ одномъ сословіи, а потомъ и въ другихъ, нигдѣ такого уваженія и такой любезности съ женщинами и т. д.

Потомъ увидалъ бы онъ атеизмъ, какого еще нигдѣ не бывало, демагогію, страшнѣе Аѳинской, или Римской, демагогія, гоненія повсемѣстныя на прежде столь священнаго жреца, увидѣлъ бы, небывалыя нигдѣ дотолѣ, открытія реальной науки, машины и т. д.

Итакъ, даже и столь общая идея Европеизма ясна и соотвѣтствуетъ одной, такъ сказать, органически связной исторической картинѣ.

Гдѣ же подобная ясная, общая идея Славизма? Гдѣ соотвѣтственная этой идеи яркая и живая историческая картина?

Отдѣльныя историческія картины Славянскихъ Государствъ довольно ясны (хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все таки менѣе ярки и богаты своеобразнымъ содержаніемъ, чѣмъ отдѣльныя историческія картины Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи); но гдѣ же общая связь этихъ отдѣльныхъ, положимъ и живыхъ, при близкомъ разсмотрѣніи, картинъ? Она теряется въ баснословныхъ временахъ Гостомысловъ, Пястовъ, Аспаруховъ, Любушей и т. д.

Исторіи Древне-Болгарскаго и Древне-Сербскаго Царствъ очень безцвѣтны и ничего особеннаго, рѣзко характернаго, Славянскаго не представляютъ; они очень скоро вошли въ потокъ Византійской культуры, «не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда;» а съ паденіемъ Византійскаго Государства пресѣклась и ихъ недозрѣлая своеобразно-культурнаго періода Государственная жизнь.

Чехи? Чехи? О Чехахъ говорить у насъ очень трудно. У насъ принято за правило говорить имъ всякаго рода лестныя вещи; писатели наши считаютъ долгомъ ставить Чеховъ непремѣнно выше Русскихъ. По чему? Я не знаю. По тому ли, что народъ ихъ грамотнѣе нашего; по тому ли, что у нихъ когда-то былъ благородный Гусъ и страшный Жижка, а теперь есть только Ригеръ и Палацкій?

Конечно, Чехи—братья намъ; они вообще очень полезны, не говорю Славизму (ибо, какъ я сказалъ, Славизма нѣтъ), а Славянству, т. е., племенной совокупности Славянъ; они полезны,

какъ передовая баттарея Славянства, принимающая на себя первые удары Германизма.

Но, съ точки зрѣнія выше приведенныхъ культурныхъ отличій, нельзя ли Чеховъ вообще назвать прекраснымъ орудіемъ Нѣмецкой фабрики, которое Славяне отбили у Нѣмцевъ, выкрасили чуть, чуть другимъ цвѣтомъ и повернули противъ Германіи?

Нельзя ли ихъ назвать, въ отношеніи ихъ быта, привычекъ, даже нравственныхъ свойствъ, въ отношеніи ихъ внутренняго, юридическаго, воспитанія, Нѣмцами, переведенными на Славянскій языкъ?

Если они братья, то за чѣмъ же съ братьями эта вѣчная дипломатія, это гуманное церемонеймейстерство, которое мѣшаетъ называть вещи по имени? У нынѣшнихъ Чеховъ есть много самобытности, но вовсе нѣтъ своеобразія. Высшая ученость, на пр., есть большая сила, но ужь, конечно, эта сила не исключительно Славянская она могла только способствовать къ изученію, къ пониманію Древне-Славянскихъ, хоть и сколько ни будь своеобразныхъ, началъ; но отъ пониманія прошедшаго и преходящаго до творчества въ настоящемъ и даже до прочнаго охраненія, еще дѣлая бездна безсилія. Грамотность простого народа многіе считаютъ необычайнымъ и несомнѣннымъ благомъ; но, вѣдь, нельзя же сказать, что это благо есть открытіе Славянъ, или что пріобрѣтеніе его Славянамъ доступно болѣе, чѣмъ другимъ народамъ и племенамъ? Краледворская Рукопись, Судъ Любуши и т. п. прекрасныя вещи, но эти археологическія драгоцѣнности мало приложимы теперь къ странѣ, въ которой уже давно тѣсно, которая обработана по Европейски, гдѣ, за отсутствіемъ родовой аристократіи (она, какъ извѣстно, онѣмечилась, хотя и существуетъ), духомъ страны правитъ вполнѣ и до крайности современно, по Западному, правитъ ученая буржуазія. Гдѣ же Любушѣ найти себѣ тутъ живое мѣсто?

Даже нравственными, личными, свойствами своими Чехъ очень напоминаетъ Нѣмца, быть можетъ съ нѣсколько Южно-Германскимъ, болѣе пріятнымъ, оттѣнкомъ. Онъ скроменъ, стоекъ, терпѣливъ, въ семейной жизни расположенъ къ порядку, музыкантъ. [9]

---

[9] S.-Рене Gaillandier, человѣкъ умѣренно либеральный, и по тому, естественно, молящійся, но, такъ называемый, tiers-état, вездѣ, гдѣ онъ его встрѣчаетъ, или

Политическая исторія сдѣлала Чеховъ осторожными, искусными въ либеральной дипломатіи. Они вполнѣ по Европейски мастера собирать митинги, дѣлать демонстраціи во время и не рискуя открытыми возстаніями. Они не хотятъ принадлежать Россіи, но крайне дорожатъ ею для устрашенія Австріи. Однимъ словомъ, все у нихъ какъ-то на мѣстѣ, все въ порядкѣ, все по модному вполнѣ.

Прибавимъ, что они все таки Католики и воспоминанія о Гусѣ имѣютъ у нихъ, надо же согласиться, болѣе національный, чѣмъ религіозный, характеръ.

Я не говорю, что это все худо, или что это все невыгодное для Славянства. Напротивъ того, вѣроятно глубокая германизація не чувствъ и стремленій политическихъ, а ума и быта національнаго, была необходима Чехамъ для политической борьбы противу Германизма.

Вставленной въ Германское море малочисленной Славянской націи нужно было вооружиться jusqu'aux dents всѣми тѣми силами, которыми такъ богато было издавна это Германское море; сохраняя больше Древне-Славянскаго въ бытѣ и умѣ, она, можетъ быть, не устояла бы противъ болѣе зрѣлыхъ и сложныхъ Германскихъ ресурсовъ.

Такъ какъ здѣсь главная рѣчь идетъ не о томъ, что хорошо, или что худо, а лишь о томъ, что особенно свойственно Славянамъ, о томъ, что въ нихъ оригинально и характерно, то можно себѣ позволить такого рода разсужденіе: Если бы пораженіе Гуситовъ, Бѣлогорская битва и сдача Праги, не сокрушили Чешскую націю и не подчинили ее на столько вѣковъ Католицизму и Нѣмцамъ (т. е., Европѣ), то, изъ соединенія полу-Православныхъ, полу-Протестанскихъ стремленій Гуситства съ коммунизмомъ Таборитовъ и съ мощью мѣстной аристократіи, могло бы выработаться нѣчто крайне своеобразное и, пожалуй, Сла-

---

чуетъ, къ Чехамъ очень расположенъ и умоляетъ ихъ только быть подальше отъ этой деспотической, Византійской Россіи. «Вы не то, что Поляки, съ ихъ возвышенными неосторожностями (imprudences sublimes); вы выработали у себя, благодаря близости Нѣмцевъ, tiers-état; ваши добродѣтели болѣе буржуазны. За чѣмъ же вамъ необдуманные поступки и слова? Не нужно болѣе поѣздокъ въ Москву!» говорилъ Чехамъ этотъ Французъ въ 70-мъ году, въ «Revue des deux mondes.»

вянское, уже по тому одному Славянское, что такое оригинальное сочетаніе и примиреніе соціялизма съ Византизмомъ и феодальностью не было ни у кого выдано дотолѣ.

Но исторія судила иначе, и Чехи, войдя раньше всѣхъ Славянъ и на долго въ общій потокъ Романо-Германской цивилизаціи, раньше всѣхъ другихъ Славянъ пришли къ ученому сознанію племеннаго Славизма, но за то, вѣроятно, меньше всѣхъ другихъ Славянъ сохранили въ себѣ что либо безсознательно, наивно, реально и прочно существующее Славянское.

Они подобны человѣку, который утратилъ силы плодотворныя, но не утратилъ мужества и чувства. Они съ восторгомъ создали бы, вѣроятно, что ни будь, свое, если бы могли, если бы одной учености, если бы одного хорошаго знанія началъ и судебъ Славянскихъ, было достаточно для творчества, для организаціи.

Но, увы! Ученый Австрійскій Консулъ Ганъ, который, долго обитая въ Эпирѣ, записывалъ тамъ Греко-Албанскія старыя и недавно созданныя эпическія пѣсни Эпиротовъ, самъ не творилъ ихъ! А сочиняютъ ихъ и теперь еще, и во всей ихъ наивной свѣжести, горные паликары Греки, полуграмотные, или безграмотные, мужики въ старыхъ фустанелахъ.

Своеобразное народное творчество (какъ показываетъ намъ вся исторія) происходило совокупными дѣйствіями сознательныхъ умовъ и наивныхъ началъ, данныхъ жизнью: нуждами, страстями, вкусами, привязанностями, даже тѣмъ, что зовутъ обыкновенно невѣжествомъ. Въ этомъ смыслѣ можно позволить себѣ сказать, что знаніе и незнаніе были (до сихъ паръ, по крайней мѣрѣ) равносильными двигателями историческаго развитія. Ибо подъ развитіемъ, разумѣется, надо понимать не одну ученость, какъ думаютъ (опять таки по незнанію) многіе, а нѣкій, весьма сложный, процессъ народной жизни, процессъ въ значительной степени безсознательный и до сихъ поръ еще не ясно постигнутый соціяльной наукой. У Чеховъ, повторяю, очень сильно Славянское сознаніе, но гдѣ у нихъ, въ Чехіи и Моравіи, богатство и прочность древнихъ или, напротивъ того, вовсе новыхъ, Славянскихъ, Чешскихъ привычекъ, произведеній, вкусовъ и. т. д.?

Все Европейское! Итакъ я не знаю, кто можетъ отвергнуть то, что я выше сказалъ: Чехія есть прекрасное орудіе Нѣмецкой работы, обращенное нынѣ Славянами противъ Германизма.

Гдѣ же тутъ Славизмъ?

Теперь поговоримъ о Болгарахъ.

Болгары воспитаны Греками въ томъ смыслѣ, въ какомъ Чехи воспитаны Нѣмцами. Вѣра у Болгаръ съ Греками одна, привычки схожи; религіозныя понятія до послѣдняго времени были одинаковы. Въ сельскихъ обычаяхъ, въ повѣрьяхъ, постройкахъ и т. п. есть отличія, но эти отличія такъ невелики (кромѣ языка), что во многихъ отношеніяхъ между Грекомъ Критскимъ и Грекомъ Эпирскимъ, Грекомъ Кефалонитомъ и Грекомъ Ѳракійскимъ, есть больше разницы бытовой и психической (личной, то есть), чѣмъ между Грекомъ Ѳракійскимъ и Болгариномъ той же страны, или между Грекомъ и Македонскимъ Болгарашаемъ.

Это я говорю о сельскомъ населеніи, которое еще гораздо рѣзче отличается одно отъ другого, чѣмъ городское. Тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ на Востокъ умѣлъ я по физіономіи, по пріемамъ, по одеждѣ, отличать Ѳракійскаго Грека отъ Эпирота и Грека островитянина, а потомъ и по характеру. Ѳракійскій Грекъ, сравнительно съ островитяниномъ и Эпиротомъ (Албанцемъ), робокъ остороженъ и тяжелъ, вообще не слишкомъ красивъ, не особенно смуглъ, одѣтъ какъ Болгаринъ. Островитянинъ (Критянинъ, на пр.) изященъ, часто красивъ, отваженъ, гордъ, тонокъ и вмѣстѣ добродушенъ, ласковъ; онъ и по чувствамъ, не только по виду, романтичнѣе и Ѳракійскаго Грека и Албанца, онъ морякъ наконецъ. Албанецъ, или Эпиротъ, вообще некрасивъ, очень блѣденъ, худъ, но необыкновенно граціозенъ, самолюбивъ и подвиженъ до нельзя, воинственъ, романтизмъ его чисто военный; эротическаго романизма у него нѣтъ. Критянинъ влюбляется страстно и посягаетъ иногда даже на жизнь свою отъ любви, Эпиротъ никогда. Народныя пѣсни Крита исполнены эротизма; пѣсни Эпира сухи и строго-воинственны. Вотъ какая разница! Различать же Ѳракійскаго Грека отъ Ѳракійскаго Болгарина, я, сознаюсь, въ 10 лѣтъ не выучился. Кто виноватъ: я, или данныя самыя, не знаю.

Что касается до городскаго населенія, до лавочниковъ, ремесленниковъ, докторовъ, учителей и купцовъ, которые составляютъ, такъ называемую, интеллигенцію и у Грековъ, и у Болгаръ, то между ними нѣтъ никакой разницы. Тѣ же обычаи, тѣ же вкусы, тѣ же качества и тѣ же пороки. Крѣпкая, болѣе, или менѣе, строгая семейственность, удаленіе женщинъ на второй

планъ въ обществѣ, во время сборищъ и посѣщеній, религіозность вообще, болѣе обрядовая, чѣмъ романтическая и глубокосердечная, если она искренна, или просто насильственная, лицемѣрная, для поддержанія національной Церкви примѣромъ, чрезвычайное трудолюбіе, терпѣніе, економія, расположеніе даже къ скупости, почти совершенное отсутствіе рыцарскихъ чувствъ и вообще мало наклонности къ великодушію. Демагогическій и конституціонный духъ воспитанъ и въ Грекахъ и въ Болгарахъ, съ одной стороны безсословностію Турціи (или крайне слабою сословностью, несравненно слабѣе еще Русскаго выраженной, даже и въ старой Турціи), а съ другой тѣмъ подавленнымъ свободолюбіемъ, которое болѣзненно развивается въ народахъ завоеванныхъ, но не слившихся съ своими побѣдителями. Вообще и у Болгаръ и у Грековъ мы находимъ расположеніе къ, такъ называемому, прогрессу въ дѣлахъ Государственныхъ и сильный духъ охраненія во всемъ, что касается семьи.

Выходитъ, что въ политическомъ, Государственномъ отношеніи и Юго-Славяне и Греки своимъ демагогическимъ духомъ больше напоминаютъ Французовъ, а въ семейномъ отношеніи—Германскіе народы; въ этомъ отношеніи городскіе Болгары и Греки, очень схожіе между собою, составляютъ какъ бы антитезу психическую съ Великоруссами, которые въ Государственномъ отношеніи до сихъ поръ больше подходили, по здравому смыслу и по духу дисциплины, къ Старо-Германскому генію, а въ домашнихъ дѣлахъ, по пылкости и распущенности, къ Романцамъ, которымъ большинство изъ насъ и теперь продолжаетъ въ этомъ отношеніи сочувствовать, вопреки всѣмъ справедливымъ увѣщаніямъ и укорамъ строго-нравственныхъ людей.

Итакъ, Болгаринъ, психически похожій на самаго солиднаго, терпѣливаго, расчетливаго Нѣмца, и ни чуть не похожій на веселаго, живого, болѣе, быть можетъ, распущеннаго, но за то и болѣе добраго, болѣе великодушнаго, Великоросса, воспитанъ Греками и по Гречески. Онъ точно также орудіе Греческой работы, какъ Чехъ орудіе Нѣмецкой, и точно также обращенъ противъ Новогрецизма, какъ Чехъ направленъ противу Германизма. Сходство между Чехами и Болгарами есть еще и другое. Чехи Католики, но Католицизмъ у нихъ не представляетъ существеннаго цвѣта на народномъ политическомъ знамени, какъ, на пр., у Поляковъ. Онъ имѣетъ пока еще у многихъ лишь силу личныхъ

привычекъ совѣсти, онъ имѣетъ силу религіозную, безъ поддержки политической; напротивъ того даже Католицизмъ въ политическомъ отношеніи связанъ у Чеховъ съ воспоминаніями горькими для національной гордости, съ казнью Гуса, съ Бѣлогорской битвой, съ безпощадными распоряженіями Императора Фердинанда II-го въ 20 годахъ XVII вѣка. Демонстраціи въ честь Гуса, который боролся противу Католицизма, являются теперь въ Чехіи національными демонстраціями. И у новыхъ Болгаръ, какъ у нынѣшнихъ Чеховъ, религія личной совѣсти населенія не со всѣмъ совпадаетъ съ религіей національнаго интереса. Большинство Болгаръ этого еще, вѣроятно, не чувствуетъ, по незнанію, но вожди знаютъ это.

Подобно тому, какъ Чехи кончили свою средневѣковую жизнь подъ антикатолическими знаменами Протестанства и Гуситизма, и возобновляютъ нынѣшнюю свою жизнь опять подъ знаменемъ послѣдняго, Болгары начинаютъ свою новую исторію борьбой не только противу Грековъ, но и противу Православной Церкви, воспитавшей ихъ націю. Они борятся не только противу власти Константинопольской Патріярхіи, но и противу нерушимости церковныхъ, весьма существенныхъ, узаконеній.

Разсматривая же вопросъ съ Русской точки зрѣнія, мы найдемъ у нихъ съ Чехами ту разницу, что движеніе Чеховъ въ пользу Гуситизма приближаетъ ихъ нѣсколько къ, столь дорогому для насъ, Византизму Вселенскому, а движеніе Болгаръ можетъ грозить и намъ разрывомъ съ этимъ Византизмомъ, если мы не остережемся во время.

Конечно, изъ нѣсколькихъ народныхъ праздниковъ въ честь Гуса, изъ нѣсколькихъ личныхъ обращеній въ Православіе, нельзя еще заключать, чтобы Чехи склонялись къ общему переходу въ Церковь Восточную. Мы не имѣемъ права всегда слѣпо вѣровать въ то, что намъ было бы желательно. Другое дѣло желать, другое вѣрить. Но все таки мы видимъ въ этомъ старѣйшемъ по образованности Славянскомъ народѣ, хотя и легкую, а все же благопріятную нашимъ основнымъ началамъ, черту. Мы не лишены правъ надежды, по крайней мѣрѣ.

У Болгаръ же, напротивъ того, мы видимъ черту совершенно противоположную нашимъ Великорусскимъ основамъ. Самый отсталый, самый послѣдній изъ возродившихся Славянскихъ народовъ, является въ этомъ случаѣ самымъ опаснымъ для насъ;

ибо только въ его новой исторіи, а не въ Чешской, не въ Польской и не въ Сербской, вступили въ борьбу тѣ двѣ силы, которыми мы, Русскіе, живемъ и движемся — племенное Славянство и Византизмъ. Благодаря Болгарамъ, и мы стоимъ у какого-то Рубикона.

Чтобы судить о томъ, чего можетъ желать и до чего можетъ доходить въ данную пору нація, надо брать въ расчетъ именно людей крайнихъ, а не умѣренныхъ. Въ руки первыхъ попадаетъ всегда народъ въ рѣшительныя минуты. Умѣренные же бываютъ обыкновенно двухъ родовъ: такіе, которые въ самой теоріи не хотятъ крайностей, или такіе, которые лишь на дѣлѣ отступаютъ отъ нихъ. Мнѣ кажется, что всѣ умѣренные Болгарскіе вожди, умѣрены лишь на практикѣ, но въ идеалѣ они всѣ почти крайніе, когда дѣло коснется Грековъ и Патріархіи.

Народъ Болгарскій простъ (не то, чтобы очень простодушенъ, или добродушенъ, какъ думаютъ у насъ, и не то, чтобы глупъ, какъ ошибочно думаютъ иные Греки, а именно простъ, т. е., еще неразвитъ). Въ добавокъ онъ вовсе не такъ пылко и горячо религіозенъ, какъ простой Русскій народъ, который вообще гораздо впечатлительнѣе Болгарскаго. Народъ Болгарскій, особенно по селамъ, я говорю, простъ. Напротивъ того малочисленная интеллигенція Болгарская лукава, тверда, по видимому, довольно согласна и образована Греками же, Русскими, Европейцами и отчасти Турками, именно на столько, на сколько нужно для успѣшной національно-дипломатической борьбы. Этого рода борьба, пока дѣло не дошло до оружія, имѣетъ въ наше время какой-то механико-юридическій характеръ, и по тому не требуетъ ни философскаго ума, ни высокаго свѣтскаго образованія, ни даже обыкновенной дюженной учености, ни воображенія, ни возвышенныхъ, героическихъ, вкусовъ и чуствъ. Хотя по всѣмъ этимъ перечисленнымъ пунктамъ и Ново-Греческая интеллигенція (за исключеніемъ патріотическаго героизма) занимаетъ далеко не первостепенное мѣсто во вселенной, но Болгарская, конечно, по незрѣлости своей и сравнительной малочисленности, стоитъ еще много ниже ея; но это равенство борьбы не слишкомъ мѣшаетъ; это имѣемъ свои выгоды и свои невыгоды. Простота же Болгарскихъ селянъ, я думаю, очень выгодна теперь для Болгарскаго дѣла. [10] Дѣло въ

[10] Нѣкоторыя изъ этихъ сравнительныхъ выгодъ и невыгодъ я пере числялъ

томъ, повторяю, что народъ Болгарскій и простъ и политически неопытенъ, и вовсе не такъ религіозенъ, какъ, на пр., Русскій простой народъ. Это сознаютъ всѣ и на Востокѣ. Интеллигенція же его терпѣлива, ловка, честолюбива, осторожна и рѣшительна. На примѣръ: замѣтивши зимою 71 года, что стараніями Русской дипломатіи (такъ говорятъ здѣсь многіе, и даже иные болѣе умѣренные Болгары), дѣло между Патріархіей и Болгарами идетъ ко взаимнымъ уступкамъ, увидавши на Вселенскомъ престолѣ Анѳима, который прослылъ до извѣстной степени за человѣка, расположеннаго къ Болгарамъ, или къ примиренію, вожди крайняго Болгаризма, Докторъ Чомаковъ (вѣроятно, матеріялистъ), какой-то Славейковъ и, вѣроятно, еще другія лица изъ тѣхъ солидныхъ и богатыхъ старшинъ, которые и у Грековъ и у Юго-Славянъ такъ вліятельны, благодаря отсутствію родовой и чиновной аристократіи, и т. п. люди, уговорили и принудили извѣстныхъ Болгарскихъ Архіереевъ, Иларіона, Панарета и друг., стать открыто противу Вселенскаго Патріярха и прервать съ нимъ всякую связь. Они

въ статьѣ моей «Панславизмъ и Греки.» Скажу здѣсь еще вотъ что:

1. Болгары всѣ вмѣстѣ подъ Турціей; Греки раздѣлены между двумя центрами, Аѳинами и Царьградомъ, которые не всегда согласны.

2. Болгары противъ Султана не бунтовали никогда; у нихъ есть партія, мечтающая о Султанѣ, какъ о Царѣ Болгарскомъ, о Турко-Болгарскомъ дуализмѣ. Загнанность народа послужила ему въ пользу; онъ былъ непредпріимчивъ и робокъ, а вожди обратили эту слабость очень ловко въ силу. Пока Греки рыцарски проливали кровь въ Критѣ, Болгары лукаво подавали адресъ Султану. Это вдругъ двинуло ихъ дѣла.

3. Простолюдины Болгарскіе менѣе развиты умомъ, чѣмъ Греческіе, при ловкости старшинъ, и это оказалось силой. Ихъ легче обмануть, увѣрить, что расколъ не расколъ, что Россія сочувствуетъ имъ безусловно, что весь міръ за нихъ и т. п. У Грековъ каждый больше мѣшается и шумитъ, у Болгаръ меньше.

4. Греки образованы и гораздо богаче, но за Болгаръ мода этнографическаго либерализма, за нихъ должны быть всѣ прогрессисты, атеисты, демагоги, всѣ ненавидящіе авторитетъ Церкви, наконецъ всѣ, не знакомые съ узаконеніями Вселенской Церкви, или не вникающіе въ ея духъ (а сколько этихъ не вникающихъ!).

5. Оружіе? Но оружія Грековъ Болгары не боятся: противъ этого есть Турки, въ крайности нашлись бы и другіе. Страхъ Болгаръ отчасти притворный страхъ, отчасти ошибочный... Можно было бы сказать и больше, но я пока воздержусь.

рѣшились просить, ни съ того, ни съ сего, позволенія у Патріярха, ночью, подъ 6-е Генваря, разрѣшенія отслужить на Крещенье по утру свою особую Болгарскую Литургію, въ видѣ ознаменованія своей церковной независимости. Они предвидѣли, что Патріярху Греки не дадутъ согласиться на это, и что, наконецъ, и трудно вдругъ, въ нѣсколько часовъ, ночью, второпяхъ, рѣшиться на такой важной шагъ, дать позволеніе служить Архіереямъ, которые были низложены Церковью и находятся теперь въ рукахъ людей, Церкви враждебныхъ.

Чомаковъ и К° знали, что будетъ отказъ, и требовали настойчиво разрѣшенія, чтобы, въ глазахъ несвѣдующихъ людей, сложить всю вину на Грековъ: «Греки намъ не даютъ воли: чѣмъ же мы виноваты?»

Чомаковъ и К° знали, что они поставятъ этимъ поспѣшнымъ требованіемъ Патріярха между Сцилой и Харибдой. Если, паче чаянія, Патріярхъ благословитъ, то этимъ самымъ вопросъ разрѣшенъ, фирманъ Султанскій въ пользу Болгаръ признанъ Церковью, хотя въ немъ и есть вещи, дающія поводъ къ новымъ распрямъ. Если же Патріярхъ откажетъ: «coup d'état» народный, и Богъ дастъ и расколъ!

И Патріярхъ отказалъ.

Этого только и желала крайняя Болгарская партія.

Она понимала многое; она знала, на пр., что прямо на опытную Русскую дипломатію повлiять ей не удастся.

Она знала, съ другой стороны, до чего заблуждаются многіе Греки, воображая, что Болгары ни придумать ничего не умѣютъ, ни сдѣлать ничего не рѣшатся безъ указанія Русскихъ. Она предвидѣла, что Греки все это припишутъ Русскимъ.

Болгарская крайняя партія предвидѣла, какое бѣшенство противъ Русскихъ возбудитъ въ Грекахъ поступокъ Болгаръ 6-го Генваря, и какіе препирательства начнутся послѣ этого между Греками и Русскими.

Агитаторы Болгарскіе предвидѣли, въ какое затрудненіе поставятъ они и Синодъ, и дипломатію Русскую. Они думали, сверхъ того, что для Турціи выгодны и пріятны будутъ эти распри.

Къ тому же у Грековъ кто въ Россіи? Купцы, или монахи, за сборомъ денегъ, люди не популярные. У Болгаръ въ Россіи Студенты, Профессоры, и т. п. люди, которые стоятъ ближе Гре-

ковъ къ печати Русской, къ влiятельнымъ лицамъ общества мыслящаго, къ прогрессу, къ модѣ.

Студенты плачутъ о бѣдствiяхъ угнетеннаго, робкаго, будто бы простодушнѣйшаго въ свѣтѣ, народа. Они и подобные имъ пишутъ не особенно умно, но кстати и осторожно...

Греки объявляютъ схизму.

Греки въ изступленiи бранятъ Русскихъ, и Русскiе отвѣчаютъ имъ тѣмъ же...

Турки, улыбаясь, склоняются то въ ту, то въ другую, сторону... Это и нужно было Болгарамъ.

«На Русскую дипломатiю, на Русскiй Синодъ, мы прямо дѣйствовать не въ силахъ (сказали себѣ Болгары): мы подѣйствуемъ лучше на общество, менѣе опытное, менѣе понимающее, менѣе связанное осторожностью, а общество Русское повлiяетъ, можетъ быть, потомъ косвенно и на Дворъ, и на Синодъ, и на здѣшнюю дипломатiю... Когда нѣтъ силъ поднять тяжесть руками, употребимъ какой ни будь болѣе сложный, посредствующiй, снарядъ!.»

Такъ думали, такъ еще думаютъ, конечно, Болгарскiе демогоги. И будущее лишь покажетъ, вполнѣ ли они все предвидѣли, или успѣхъ ихъ былъ только временный.

Болгарскiе демагоги не ошиблись, однако, во многомъ. Многое они предвидѣли вѣрно и знали обстоятельства хорошо. На пр., они знали очень хорошо вотъ что: Во 1-хъ, что нацiональная идея нынѣ больше въ модѣ, чѣмъ строгость религiозныхъ чувствъ; что въ Россiи, на пр., всякой глупецъ легче напишетъ и легче пойметъ газетную статью, которая будетъ начинаться такъ: «Долголѣтнiя страданiя нашихъ братьевъ, Славянъ, подъ игомъ Фанарiотскаго духовенства,» чѣмъ статья, которая будетъ развивать такую мысль: «Желанiе Болгаръ вездѣ, гдѣ только есть нѣсколько Болгарскихъ семействъ, зависитъ не отъ мѣстнаго ближайшаго Греческаго Архiерея, а непремѣнно отъ Болгарскаго.» По тому только, что онъ Болгарскiй, есть, само по себѣ, желанiе схизмы, раскола, совершенное подчиненiе церковныхъ правилъ придирчивому нацiональному фанатизму. Это желанiе—поставить себя между Греками въ положенiе столь же особое, какъ положенiе Армянъ, Католиковъ, Протестантовъ, Русскихъ Старообрядцевъ и т. п. Въ Солунѣ, Битолiи, Адрiанополѣ и другихъ городахъ, по древнимъ Христiанскимъ Правиламъ, не могутъ

быть два Православныхъ Епископа вмѣстѣ, а могутъ быть Армянскій и Греческій (т. е., Православный), Католическій, и т. д.

Эти люди (Чомаковъ и К°) очень хорошо знаютъ всѣ эти правила; они мудры, какъ зміи; но имъ дѣла нѣтъ до незыблемости Православія. Если они дорожатъ имъ нѣсколько, такъ развѣ только по тому, что оно нашлось подъ рукою, въ народѣ, а не другая религія. Мѣнять же явно религію неудобно, по тому что въ средѣ простого народа можетъ произойти разрывъ, а народа всего не очень много, около 5 милліоновъ, положимъ. И больше ничего!

Итакъ Болгарскій народъ, увлекаемый и отчасти обманутый своими вождями, начинаетъ свою новую исторію борьбой не только противу Грековъ, но, по случайному совпаденію, и противу Церкви и ея каноновъ.

У Грека всѣ національныя воспоминанія соединены съ Православіемъ. Византизмъ, какъ продуктъ историческій, принадлежитъ Греку, и онъ, сознавая, что въ первоначальномъ созиданіи Церкви принимали участіе люди разныхъ племенъ: Итальянцы, Испанцы, Славяне, уроженцы Сиріи, Египта, Африки, помнить, однако, что преимущественно на Еллинскомъ языкѣ, съ помощью Еллинской цивилизаціи, строилось сложное и великое зданіе догмата, обряда и канона Христіянскихъ, и что безъ сложности этой, удовлетворяющей разнообразнымъ требованіямъ, не возможно было бы и объединить въ одной религіи столь разнородные элементы: племенные, сословные, умственные, и на столь огромномъ пространствѣ! Послѣднее возрожденіе Грецизма и революція 20-хъ годовъ совершились также подъ знаменемъ Православія; ребенокъ Греческій слышитъ объ этомъ въ пѣсняхъ съ дѣтства.

«Діà ту Христу̀ тинъ пистúнъ тинъ агíанъ!» поетъ Грекъ. А Христіянство, «Святая Христова Вѣра» (Пистú агíа ту Христу̀) для Грека не значитъ голая и сухая утилитарная нравственность, польза ближняго, или, такъ называемаго, человѣчества. Христіанство для Грека значитъ Православіе, догматы, канонъ и обрядъ, взятые во всецѣлости.

Невѣрующій Грекъ и тотъ за все это держится, какъ за народное знамя.

У Болгарина, напротивъ того, половина воспоминаній, по крайней мѣрѣ, связана съ борьбой противъ Византизма, противу

этихъ Православныхъ Грековъ. У Болгарскаго патріота въ комнатѣ, рядомъ съ иконой Православныхъ Кирилла и Меѳодія, обучившихъ Болгаръ Славянской національной грамотѣ (это главное, а не крещеніе), вы видите обыкновенно язычника Царя Крума, которому подносятъ на мечѣ голову Православнаго Греческаго Царя.

Ликургъ, Епископъ Сирскій, посѣщая, въ 73-мъ году, Аѳонъ, заѣхалъ и въ богатый Болгарскій монастырь, Зографъ, котораго монахи съ Патріархіей связь прерывать не желали, а вели себя очень осторожно между своими Болгарскими Комитетами и Цареградской Іерархіей. Однако, и у нихъ, въ пріемной, Ликургъ увидалъ портреты отверженныхъ Церковью Болгарскихъ Епископовъ. На его вопросъ: «По чему они держатъ ихъ въ почетѣ?»—«Они имѣютъ для насъ національное значеніе,» отвѣтили ему сухо Болгарскіе монахи.

Такова историческая противоположность Грековъ и Болгаръ съ точки зрѣнія Православія. У Грековъ вся исторія ихъ величія, ихъ паденія, ихъ страданій, ихъ возрожденія, связана съ воспоминаніемъ о Православіи, о Византизмѣ. У Болгаръ, напротивъ того, только часть; а другая часть, и самая новѣйшая, горячая, модная часть воспоминаній, въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ связана со скептическимъ воспитаніемъ, съ племеннымъ возрожденіемъ, купленнымъ ожесточенной борьбой противу Церкви, противу того Византійскаго авторитета, который, если присмотрѣться ближе, составляетъ почти единственную, хоть сколько ни будь солидную, охранительную силу во всей Восточной Европѣ и въ значительной части Азіи.

Если сравнить другъ съ другомъ всѣ эти удачно возраждающіеся, либо неудачно возстающіе въ XIX вѣкѣ, мелкіе или второстепенные народы, то окажется, что ни у одного изъ нихъ, ни у Чеховъ, ни у Сербовъ, ни у Поляковъ, ни у Грековъ, ни у Мадьяръ, нѣтъ такого отрицательнаго, такого прогрессивнаго, знамени, какъ у этихъ отсталыхъ, невинныхъ и скромныхъ, Болгаръ.

Начало исторіи кладетъ всегда неизгладимую печать на всю дальнѣйшую роль народа; и черта, по видимому, не важная, не рѣзкая въ началѣ, разростаясь мало по малу, принимаетъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе грозный видъ.

Для насъ же, Русскихъ, эта черта, эта органическая осо-

бенность Ново-Болгарской исторіи, тѣмъ болѣе важна, что Болгары случайнымъ и, отчасти для большинства ихъ самихъ неожиданнымъ, поворотомъ дѣла, вступили въ борьбу не съ авторитетомъ какимъ бы то ни было, а именно съ тѣмъ авторитетомъ, который для Россіи такъ дорогъ, именно, съ той Вселенской Церковью, которой правила и духъ создали всю нашу Великорусскую силу, все наше величіе, весь нашъ народно-Государственный геній.

Дѣло не въ томъ, сознательно ли всѣ Болгары вступили на этотъ отрицательный, разрушительный, путь, или нѣтъ. Горсть людей, руководящихъ сознательно, сказала себѣ, и говоритъ и теперь во всеуслышаніе: «Пока не объединимъ весь народъ отъ Дуная до послѣдняго Македонскаго села, нѣтъ уступокъ никому, нѣтъ примиренія. Намъ никто не нуженъ, кромѣ Султана. И мы будемъ сектантами скорѣе, чѣмъ уступимъ хотя что бы то ни было!» Но большинство, конечно, обмануто, увлечено и не можетъ даже представить себѣ всѣхъ послѣдствій подобнаго насильственнаго разрыва съ Восточными Церквами.

Положимъ такъ, большинство не виновато; но дѣло идетъ здѣсь не о нравственной свободной вмѣняемости, а о полуневольномъ, трудно-исправимомъ политическомъ направленіи народной жизни.

Народъ послушался своихъ вождей, по этому и онъ отвѣтственъ; иначе нельзя было бы и войнъ вести, и возстанія усмирять. Вотъ въ чемъ дѣло!

У Болгаръ по этому мы не видимъ до сихъ поръ ничего Славянскаго въ смыслѣ зиждительномъ, творческомъ; мы видимъ только отрицаніе, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе.

Повторимъ еще разъ, что отрицаніе Болгарское относится именно къ тому авторитету, который правитъ уже нѣсколько вѣковъ самой великой силой Славянства—Русскимъ Государствомъ.

Что бы сталось со всѣми этими учеными и либеральными Славянами, со всѣми этими ораторами и профессорами, Ригерами, Палацкими, Сербскими Омладинами, Болгарскими докторами, если бы, на заднемъ фонѣ картины, не виднѣлись въ загадочной дали, Великорусскіе снѣга, Казацкія пики и топоръ Православнаго мужика бородатаго, которымъ спокойно и нетерпѣливо правитъ полу-Византійскій Царь-Государь нашъ!? Хоро-

ши бы они были безъ этой пики и этого топора, либералы эти и мудрецы мѣщанскаго прогресса!

Для существованія Славянъ необходима мощь Россіи.

Для силы Россіи необходимъ Византизмъ.

Тотъ, кто потрясаетъ авторитетъ Византизма, подкапывается, самъ, быть можетъ, и не понимая того, подъ основы Русскаго Государства.

Тотъ, кто воюетъ противъ Византизма, воюетъ, самъ не зная того, косвенно и противу всего Славянства; ибо что такое племенное Славянство безъ отвлеченнаго Славизма?...

Неорганическая масса, легко расторгаемая въ дребезги, легко сливающаяся съ республиканской Всеевропой!

А Славизмъ отвлеченный, такъ, или иначе, но съ Византизмомъ долженъ сопрячься. Другого крѣпкаго дисциплинирующаго начала у Славянъ разбросанныхъ мы не видимъ. Нравится ли намъ это, или нѣтъ, худо ли это Византійское начало, или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь нашего, не только Русскаго, но и Вселенскаго, охраненія.

ГЛАВА IV.

Что такое Славянство? (Продолженіе).

Я сказалъ о Чехахъ и о Болгарахъ, остаются еще Словаки, Сербы, Поляки, Русскіе.

Словаковъ этнографически причисляютъ обыкновенно къ Чешской націи, но исторически они связаны съ Мадьярами, съ судьбами Угорскаго Царства, и культурно, конечно, такъ проникнуты Мадьярскими бытовыми началами, что ихъ, въ отношеніи быта и привычекъ, можно назвать Мадьярами, переведенными на Славянскій языкъ, [11] точно также, какъ Чехи, по всей организаціи

---

[11] Я разумѣю здѣсь не политическія симпатіи, или антипатіи, Словаковъ, а только ихъ культурно-бытовыя привычки. Многіе смѣшиваютъ это, и напрасно. Малороссы, на примѣръ, доказали, что они предпочитаютъ соединеніе съ Великороссіей Польскому союзу, но нельзя не согласиться, что въ

своей, переведены съ Нѣмецкаго, а Болгары, по воспитанію своему до послѣдняго времени, переведены съ Греческаго языка на Славянское нарѣчіе.

Теперь о Сербахъ.

Ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ не раздробленъ такъ и политически и культурно, какъ Сербскій народъ.

Болгары всѣ райя Султана, всѣ считаютъ себя и теперь Православными; всѣ до послѣдняго времени были воспитаны Греками и по Гречески. Поляки всѣ Католики, всѣ дѣти собственной падшей Польской цивилизаціи, Польской государственности. Хотя они политически и раздѣлены между тремя Государствами, но всѣ тѣ изъ нихъ, которые не онѣмечились и не обрусѣли (т. е., большинство), схожи между собою по историческому воспитанію, и вельможа, и шляхта, и крестьяне; шляхта и крестьяне могутъ мало походить другъ на друга; но я говорю о томъ, что шляхта въ Россіи похожа на шляхту въ Австріи, что крестьяне Польскіе, по всему пространству прежней собственной Польши, тоже болѣе, или менѣе, схожи между собою.

Чехи съ Моравами тоже довольно однороднаго историческаго воспитанія.

Что касается до Сербовъ, то они раздѣлены, въ Государственномъ отношеніи, во 1-хъ, на 4 части: 1. Независимое Княжество; 2. Черногорія. 3. Турецкія владѣнія (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія), и 4. Австрійскія владѣнія (Словинцы, Хорваты, Далматы и т. д.)

Они раздѣлены еще и на три половины по религіи: на Православную, Католическую и Мусульманскую.

У Православныхъ Сербовъ двѣ царствующія династіи, въ Бѣлградѣ и Цетинѣ.

Племя ихъ довольно равномѣрно раздѣлено пополамъ еще и географически Дунаемъ и большими горами: на Сѣверо-Западѣ — Австрійскіе Сербы, на Юго-Востокѣ — Турецкіе.

быту ихъ, въ культурныхъ привычкахъ, было всегда довольно много Польскаго, съ Московскимъ вовсе не схожаго. Такихъ примѣровъ много.—Но и у Великороссіянъ развѣ мало такого, привитаго имъ отъинуду? Стало быть, у каждаго найдется то же въ большей, меньшей, мѣрѣ. И изъ за этого не ужъ-то слѣдуетъ каждаго характеризовать переведенцемъ? Какъ въ этомъ, такъ и вообще во всемъ, необходимо соблюдать мѣру, мѣру и мѣру. О. Б.

Австрійскіе Сербы, сверхъ того, раздѣлены между собою исторіей, Хорваты соединены политически съ Угріей, и теперь болѣе еще, чѣмъ прежде, по причинѣ дуализма.

Словинцы и Далматы находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Залитавскихъ Нѣмцевъ. Это въ административномъ отношеніи. По воспитанію вообще Хорваты естественно имѣютъ въ себѣ много Мадьярскаго, хотя ихъ роль и характеръ менѣе аристократическіе, чѣмъ у настоящихъ Мадьяръ. Далматы долго были подъ культурнымъ вліяніемъ Италіи, да и теперь еще подъ нимъ находятся.

Граничары имѣютъ въ привычкахъ своихъ и въ организаціи много Казацкаго. У нихъ до нашего времени хранилась своеобразная община (Сербская задруга).

При такой, несоразмѣрной съ численностью народа, разнородности историческаго воспитанія, Сербы не только не могли выработать у себя какихъ ни будь новыхъ характерныхъ и особенныхъ культурныхъ признаковъ Славизма (юридическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и т. д.), но стали утрачивать въ послѣднее время и тѣ Славянскія особенности, которыя у нихъ существовали издревле. Они до сихъ поръ не только не явились творцами чего либо Ново-Славянскаго, но и слабыми охранителями Древне-Сербскаго, своего. Они не довольствуются въ Княжествѣ старой скупщиной въ одну палату, а стремятся утвердить у себя двѣ законодательныя камеры, по демократическимъ Западнымъ образцамъ. Они бросаютъ вовсе свои живописныя одежды и пляски: военные одѣваются почти по Австрійски, штатскіе и женщины по обще-Европейскимъ образцамъ. Убичини уже давно писалъ, что сельская коммунистическая задруга у Турецкихъ Славянъ распадается постепенно, подъ вліяніемъ того демократическаго индивидуализма, того безграничнаго освобожденія лица отъ всѣхъ стѣсняющихъ узъ, къ которому стремится, съ половины прошлаго вѣка, образованный по Европейски міръ.

Въ Австріи Славянскій охранительный коммунизмъ Граничаръ поддерживался до послѣдняго времени преимущественно интересами Нѣмецкаго Монархическаго Правительства.

По мѣрѣ большаго увлеченія самой оффиціяльной Австріи на путь либеральнаго всерасторженія и всесмѣшенія, стала больше и больше расшатываться и эта знаменитая Славянская

коммуна. Нѣмцы, изъ собственныхъ выгодъ, были долго лучшими хранителями Древне-Славянскихъ особенностей.

Я здѣсь, точно также, какъ по дѣлу Чеховъ, не убѣждаю никого находить, что это худо; можетъ быть оставить все національное въ своемъ быту полезно, и даже необходимо, хотя бы Европейскіе образцы и лучше. Я только заявляю данное, чтобы подтвердить ими ту общую мысль мою, что есть Славянство, но что Славизма, какъ культурнаго зданія, или нѣтъ уже, или еще нѣтъ: или Славизмъ погибъ навсегда, растаялъ, въ слѣдствіе первобытной простоты и слабости своей, подъ совокупными дѣйствіями Католичества, Византизма, Германизма, Ислама, Мадьяровъ, Италіи и т. п., или, напротивъ того, Славизмъ не сказалъ еще своего слова и таится, какъ огонь подъ пепломъ, скрытъ незримо въ аморфической массѣ племеннаго Славянства, какъ зародышь живого архитектурнаго организма въ сплошномъ желткѣ, и не доступенъ ещв простому глазу.

Быть можетъ, все быть можетъ!

Но кто угадаетъ теперь особою форму этого организованнаго, проникнутаго общими идеями, своими міровыми идеями, Славянства? До сихъ поръ мы этихъ общихъ и своихъ всеміpно-оригинальныхъ идей, которыми Славяне бы отличались рѣзко отъ другихъ націй, и культурныхъ міровъ, не видимъ. Мы видимъ вообще что-то отрицательное, очень сходное съ Романо-Германскимъ, но какъ-то жиже, слабѣе все, бѣднѣе.

Это горько и обидно! Но развѣ это неправда?

Мы видимъ только общія стремленія, отчасти общіе племенные интересы и дѣйствія, но не видимъ общихъ своеобразныхъ идей, стоящихъ выше племеннаго чувства, порожденныхъ имъ, но послѣ вознесшихся надъ племенемъ, для вящшаго всенароднаго, яснаго руководства и себѣ и чужимъ (человѣчеству).

Славянство есть, и оно численностью очень сильно; Славизма нѣтъ, или онъ еще очень слабъ и неясенъ.

Мнѣ возразятъ, что племенное чувство Славянства, сближая Славянъ письменно и политически между собою, можетъ способствовать выработкѣ этого культурнаго Славизма, этой органической системы своеобразныхъ идей, стоящихъ внѣ частныхъ, мѣстныхъ и личныхъ, интересовъ и надъ ними, но глубоко, тысячами корней связанныхъ съ этими интересами.

Я отвѣчу, что это возможно, и даже крайне желательно; ибо вовсе нелестно быть тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ были всѣ Славяне, не исключая даже Русскихъ и Поляковъ: чѣмъ-то средне-пропорціональнымъ, отрицательнымъ, во всемъ уступающимъ духовно другимъ, во всемъ второстепеннымъ.

Бываютъ примѣры, что подобная отрицательность становится залогомъ чего либо крайне положительнаго въ суммѣ, именно по тому, что оно было не совсѣмъ то, не совсѣмъ такъ характерно и рѣзко, какъ у другихъ. Дай Богъ!

Но вопросъ здѣсь, во 1-хъ, именно въ томъ, что такое будетъ этотъ, надъ Славянствомъ взвинченный, Славизмъ? Какія особыя юридическія, Государственныя, идеи послужатъ къ политическому сближенію и приблизительному объединенію Славянъ? А во 2-хъ, въ томъ, выгодны ли будутъ эти обще-Славянскія идеи для Русскаго Государства, усилятъ ли онѣ его мощь, или будутъ способствовать его паденію? Укрѣпятъ ли они его вѣковое зданіе, купленное нашими трудами, кровью и слезами? Или растворятъ онѣ его почти безслѣдно въ этой блѣдной и несолидной пестротѣ современнаго неорганическаго Славянства?

Вотъ два вопроса! И въ сущности эти два вопроса лишь двѣ стороны одного и того же.

Если Славяне призваны къ чему либо творческому, положительному, какъ особый ли міръ исторіи, или только какъ своеобразная часть Европейской цивилизаціи, и въ томъ и въ другомъ случаѣ имъ нужна сила.

Сила государственная выпала въ удѣлъ Великоруссамъ. Эту силу Великоруссы должны хранить, какъ священный залогъ исторіи, не только для себя, но и для Всеславянской независимости.

Быть можетъ, со временемъ, для пособія самой Европѣ, противъ пожирающей ея медленной анархіи.

И такимъ образомъ для всего человѣчества.

ГЛАВА V.

Продолженіе о Славянахъ.

О Польшѣ и Россіи можно и не говорить здѣсь подробно.

О противоположностяхъ ихъ исторіи, объ относительномъ своеобразіи ихъ Государственныхъ организацій, объ ихъ долгомъ, естественномъ и неотвратимомъ, антагонизмѣ, у насъ такъ много судили и писали въ послѣднее время, что всѣ Русскіе люди, и не занимавшіеся особенно политикой, знакомы теперь съ этими вопросами недурно, въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ.

Изъ всѣхъ Славянъ только Поляки и Русскіе жили долго независимой Государственной жизнью, и по тому у нихъ и накопилось, такъ сказать, и удержалось больше своего собственнаго, чѣмъ у всѣхъ другихъ Славянъ (Повторяю еще разъ, что я не настаиваю здѣсь, худо ли, или хорошо, это собственное: я только заявляю, напоминаю, реальныя данныя).

Уже одно существованіе своего національнаго дворянства и у Поляковъ и у Русскихъ отличаетъ ихъ рѣзко отъ всѣхъ другихъ Славянъ. Русское служилое сословіе и Польская шляхта очень несходны своей исторіей; они лишены теперь почти всѣхъ своихъ существенныхъ привилегій, но впечатлѣнія историческаго воспитанія въ дѣтяхъ этихъ двухъ сословій проживутъ еще долго. Аристократіи истинно феодальной, на подобіе Западно-Европейской, не было ни у Поляковъ, ни у Русскихъ; аристократіи въ смыслѣ какого бы то ни было рѣзко привилегированнаго класса у нихъ теперь вовсе нѣтъ, ни у Русскихъ, ни у Поляковъ; есть нѣчто общее, не смотря на всѣ ихъ противоположности и несогласія: это сословное воспитаніе націи, котораго слѣды слабѣе у Австрійскихъ Славянъ, и котораго вовсе нѣтъ въ нравахъ у Славянъ Турецкихъ. Это будетъ яснѣе изъ сравненія.

Польское дворянское сословіе, вельможи и шляхта, остаются до сихъ поръ представителями своей націи: они свершаютъ всѣ національныя движенія Полонизма. Въ Россіи дворянство было гораздо слабѣе: оно зависѣло отъ Монархіи на столько, на сколько въ Польшѣ Монархія зависѣла отъ дворянства. Народъ въ Россіи чтитъ дворянство только, какъ сословіе Царскихъ слугъ, а не само по себѣ. Мы привыкли зря шутить надъ бюрократіей, а народъ нашъ смотритъ на нее серьезно, не комически, а трагически, или героически. За границей мундиръ чиновника Русскаго глубоко радуетъ Русскаго простолюдина. Это я на себѣ и на другихъ испыталъ. Но руководиться во всемъ дворянствомъ нашъ народъ не привыкъ; на прим., въ религіозныхъ вопросахъ

онъ уже по тому не послушаетъ насъ никогда, что мы господа, люди другого класса, другого воспитанія. Бѣднаго дворянина Базарова Русскіе крестьяне не признавали своимъ, а ученаго Инсарова простые Болгары слушались; ибо онъ былъ кость отъ костей ихъ, такой же Болгарскій мужикъ, какъ и они, но болѣе мудрый. То же и у Сербовъ. Чешская аристократія не связала своихъ именъ съ народнымъ дѣломъ нашего времени. Она дѣлаетъ оппозицію Вѣнѣ тогда, когда замѣчаетъ въ ней демократическія наклонности. Знамя Чешской знати болѣе Австро-феодальное, чѣмъ собственно Чешское во что бы то ни стало. Вожди Неочехизма выходятъ изъ народа.

Вообще Юго-Славяне очень легко переходятъ, въ быту и общихъ понятіяхъ своихъ, изъ простоты эпической въ самую крайнюю простоту современной либеральной буржуазности. Всѣ они, между прочимъ, выростаютъ въ слѣпомъ поклоненіи демократической либеральной конституціи. Австрійскіе Славяне привыкли дѣйствовать безъ помощи аристократіи, или какого бы то ни было дворянства; ибо въ одномъ мѣстѣ господами у нихъ были Нѣмцы, въ другомъ Мадьяры, въ третьемъ онѣмеченные, или омадьяренные, Славяне, въ четвертомъ враждебные Поляки (какъ на пр., у Малороссовъ въ Галиціи).

Они, особенно въ дѣлахъ чисто Славянскихъ, привыкли руководиться національной буржуазіей, профессорами, учителями, купцами, докторами и отчасти священниками, которые, впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ вопросахъ мало чѣмъ отличаются отъ людей свѣтскихъ.

У Турецкихъ Славянъ отсутствіе сословнаго воспитанія еще замѣтнѣе; ибо привилегированное сословіе представляли, и представляютъ еще до сихъ поръ, въ Турецкой Имперіи Мусульмане, люди вовсе другой Вѣры, которые не слились съ завоеванными Христіанами.

Уравненіе, конечно, въ Турціи сравнительно съ прежнимъ, огромное: у Мусульманъ противу прежняго осталось очень мало привилегій, и тѣ скоро падутъ; но реформы нынѣшнія состоятъ не въ томъ, чтобы часть Христіанъ возвысить до положенія Турокъ, и дать имъ привилегіи относительно другихъ соотчичей ихъ, но въ томъ, чтобы Турокъ приравнять къ Христіанамъ, въ томъ, чтобы прежнюю, все таки болѣе аристократическую, Монархію, въ которой всѣ Турки, равные между собою, составляли одинъ

классъ высшій, а всѣ Христіане составляли классъ зависимый, низшій, чтобы эту аристократическую и весьма децентрализованную прежнюю Монархію превратить въ эгалитарную и централизованную, въ томъ, чтобы какую-то Персію Кира и Ксеркса, полную разнообразныхъ Сатрапій, обратить въ гладкую Францію Наполеонидовъ. Таковъ идеалъ современной Турціи, къ которому она иногда и противъ воли стремится, въ слѣдствіе давленія внѣшнихъ обязательствъ. Итакъ у Славянъ Турецкихъ нѣтъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ (ни въ будущемъ, вѣроятно), никакихъ ни воспоминаній, ни слѣдовъ, ни залоговъ, ни аристократическаго, ни общаго монархическаго, воспитанія. Гораздо менѣе еще чѣмъ у Австрійскихъ. У Болгаръ дѣлами правитъ: докторъ, купецъ, адвокатъ, обучавшійся въ Парижѣ, учители. Епископы же Болгарскіе совершенно въ рукахъ этой буржуазіи. Буржуазія эта, вышедшая отчасти изъ городскаго, отчасти изъ сельскаго, народа Болгаріи Дунайской, Ѳракіи и Македоніи, пользуется, какъ видно, полнымъ довѣріемъ народа. Эти люди: доктора, купцы и т. п., конечно, лично сами отъ деспотизма Греческихъ Епископовъ не страдали; они дѣйствуютъ изъ побужденій патріотическихъ, національныхъ, но ихъ патріотическія идеи, ихъ національный фанатизмъ, ихъ желаніе играть роль въ Имперіи, въ Европѣ, быть можетъ, и въ Исторіи, совпали какъ нельзя лучше съ тѣмъ неудовольствіемъ, которое справедливо могъ имѣть простой Болгарскій народъ противу прежнихъ Греческихъ Іерарховъ, сурово, по духу времени, обращавшихся съ народомъ. [12]

---

[12] Хотя и тутъ надобно замѣтить нѣчто, если не въ оправданіе Греческаго духовенства, то, по крайней мѣрѣ, для болѣе яснаго пониманія Болгарскаго вопроса. Старые Восточные Епископы могли имѣть свои пороки, будучи не только духовными пастырями, но и свѣтскими начальниками надъ всѣми Православными людьми Турціи; они были поставлены въ положеніе трудное, часто опасное; за почетъ и вещественное вознагражденіе, которымъ они пользовались, они платили тяжкой отвѣтственностью. Иные заплатили и жизнью, и нерѣдко безъ вины. Такъ, на пр., знаменитый Патріархъ Григорій былъ повѣшенъ Турками въ 20 годахъ, не смотря на всѣ увѣщанія не бунтовать, съ которыми онъ обращался къ Грекамъ. Понятно, что такое положеніе, развивая въ Епископахъ извѣстнаго рода качества: силу воли, выдержку, административный и дипломатическій умъ развивало и соотвѣтственные пороки: властолюбіе, корысть (иногда для самосохраненія, въ случаѣ бѣды), жестокость. Но жестокость обращенія направлена была у нихъ столько же и на Грековъ, сколько на Болгаръ. На-

Лѣтъ 20 — 15 подъ рядъ Болгарскіе доктора, учителя, купцы, твердили ежедневно народу своему одно и то же противъ Грековъ; молодое поколѣніе все взросло въ этомъ искуственно раздутомъ чувствѣ; народъ привыкъ, проснулся, повѣрилъ, что ему будетъ лучше безъ Грековъ; свое духовенство, избранное буржуазіей и руководимое ею, оказалось, конечно, во многомъ для народа лучше Греческаго. Лучшимъ оно оказалось не по тому, чтобы, по нравственому воспитанію, оно было выше, или по какимъ ни будь Славянскимъ душевнымъ качествамъ, особенно мягкимъ и хорошимъ. Вовсе нѣтъ. Воспитаніе нравственное у Болгаръ и у Грековъ, въ глазахъ свѣжаго, искренняго съ самимъ собою, человѣка, почти одно и то же (и это почти вовсе не въ пользу Болгаръ; у Грековъ нѣсколько болѣе романтизма, теплоты); а психически не надо воображать себѣ упорнаго, тяжелаго, хитраго Болгарина похожимъ на добродушнаго, легкомысленнаго Великоросса: они также мало похожи другъ на друга въ этомъ отношеніи, какъ южный Итальянецъ и сѣверный Нѣмецъ, какъ поэтъ и механикъ, какъ Байронъ и Адамъ Смитъ.

Болгарское духовенство вело и ведетъ себя противу народа лучше, чѣмъ вело себя Греческое, лишь по тому, что оно своевольно создано самимъ этимъ народомъ, что у него внѣ народа нѣтъ никакой точки опоры.

У Русскаго духовенства есть внѣ народа могучее Правительство. Греческое духовенство Турціи болѣе нашего, быть можетъ, свободное со стороны административнаго вліянія, менѣе нашего за то свободно отъ увлеченій и страстей демагогіи, отъ тѣхъ носпѣшныхъ и неисправимыхъ ошибокъ, къ которымъ такъ склонны, особенно въ наше время, толпы, считающія себя просвѣщенными и умными. Это такъ. Но все таки Греческое духовенство привыкло издавна къ власти, имѣетъ древнія, строгія преданія Вселенской Церкви, за которыя крѣпко

ціональной идеи при этой прежней жестокости и въ поминѣ не было. Невѣжество, въ которомъ они оставляли Болгаръ, ни какъ нельзя считать плодомъ національнаго разсчета. Напротивъ, это была ошибка, или скорѣе безсиліе, недостатокъ средствъ. Если бы 50 лѣтъ тому назадъ большинство Болгаръ было обучено Греческой грамотѣ (о Болгарской тогда никто и не думалъ), то Болгарскаго вопроса не было бы вовсе. Большинство Болгаръ было бы погречено, по чувствамъ и убѣжденіямъ.

держится и, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ можетъ найти оффиціальную поддержку то въ Турецкомъ, то въ Еллинскомъ, Правительствахъ, какъ нѣчто давно признанное и крѣпко организованное.

Новое же Болгарское духовенство, не имѣя около себя могучаго единовѣрнаго права, и начиная свою жизнь прямо борьбой противъ преданій, находится по этому вполнѣ въ рукахъ Болгарскаго народа. И въ слѣдствіе этой полной зависимости отъ толпы, оно ведетъ себя не то, чтобы лучше (это, смотря по точкѣ зрѣнія), а угоднѣе народу, нѣсколько пріятнѣе для мужика и выгоднѣе для честолюбія Архонта Болгарскаго, чѣмъ вела себя, внѣ Болгарской націи стоявшая, Греческая Іерархія.

Что касается до лучшаго и до худшаго, то примѣры на глазахъ. Болгарская буржуазія могла заставить своихъ Епископовъ быть помягче, чѣмъ были нерѣдко Греческіе, съ селянами. Это, быть можетъ, лучше; но Болгарская же буржуазія принудила своихъ Епископовъ отслужить литургію 6 Генваря и отложиться отъ Патріарха, вопреки основнымъ, Апостольскимъ, уставамъ Церкви. Это худшее.

Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что хотя Болгарская нація не сложилась еще ни въ отдѣльное Государство, ни даже въ полугосударственную область, съ опредѣленной какой ни будь автономіей, но политическіе и соціальные контуры этой новой націи видны уже и теперь. Физіономія ея—крайне демократическая; привычки, идеалы крайне эмансипаціонные.

Рѣшись завтра Султанъ на тотъ дуализмъ, котораго бы желали иные пылкіе Болгары, объяви онъ себя Султаномъ Турецкимъ и «Царемъ Болгарскимъ,» вся область, отъ южныхъ границъ до Дуная, устроилась бы скоро и легко съ какимъ ни будь совѣтомъ во главѣ крайне демократическаго характера и происхожденія.

Подобно Соединеннымъ Штатамъ и Швейцаріи, никто и ни что не будетъ стоять внѣ народа, кромѣ идеальнаго и спасительнаго отъ сосѣдей Султанскаго верховенства.

«Это избавило бы насъ отъ всякой иноземной династіи, и такъ какъ Республика есть наилучшая форма правленія, къ которой стремится вся образованная Европа, то даже на очень долгое время легкая подручная зависимость отъ Султана для насъ была бы лучше всего: можно будетъ народъ пріучить до поры до времени даже сражаться охотно за Султана. Мы же съ Турками

несомнѣнно одной почти крови. Это не велика бѣда! а на религію кто черезъ 10 — 20 лѣтъ будетъ смотрѣть? Религія—удѣлъ невѣжества; обучимъ народъ, и онъ все пойметъ. Подъ охраной безвреднаго Султанскаго знамени нація созрѣетъ прямо для Республики, и изъ самой отсталой станетъ самой передовой націей Востока!»

Вотъ что говорятъ себѣ, не всѣ, конечно, но, быть можетъ, самые смѣлые, даровитые и энергическіе, Болгары.

Быть можетъ и воспитанники нашихъ Русскихъ училищъ не прочь отъ этого.

Я, впрочемъ, говорю, быть можетъ... Вообще, надо глубоко различать то, что говорятъ Болгаре въ Россіи и при Русскихъ, и то, что они думаютъ и говорятъ въ Турціи.

Прибавимъ же вотъ что о Турціи: хотя за послѣднее время обстоятельства внѣшней и внутренней политики были довольно благопріятны ей, но она все таки очень разстроена и слаба.

Предположимъ же, что, паче чаянія, Турецкое владычество въ Европѣ пало скорѣе, чѣмъ мы ждемъ, и даже желаемъ того, и допустимъ, что сосѣди Болгарамъ устроить Республику не позволили, въ такомъ случаѣ они не желаютъ имѣть Монархію съ самымъ свободнымъ устройствомъ, съ самой ничтожной номинальной властью. Такова, по крайней мѣрѣ, теперь ихъ политическая физіономія.

Сербы, нечего и говорить, всѣ демократы: и у нихъ эпическая патріярхальность переходитъ какъ нельзя легче въ самую простую буржуазную утилитарность. У нихъ есть военные и чиновники, сверхъ докторовъ, купцовъ и т. д. Но чиновники и военные нигдѣ не составляютъ родового сословія, которое воспитывало бы своихъ членовъ въ опредѣленныхъ впечатлѣніяхъ; они набираются гдѣ попало, и между ними могутъ быть люди всякаго образа мыслей. Вчерашній чиновникъ, или военный, завтра свободный гражданинъ и членъ оппозиціи, или даже явный предводитель бунта. Какъ воспитана вся интеллигенція Сербская, такъ воспитаны и служащіе Правительству люди. Залоговъ для неограниченной Монархіи мы въ Сербіи не видимъ. Сербы не съумѣли вытерпѣть даже и того самовластія, съ которымъ патріярхально хотѣлъ управлять ими ихъ освободитель и національный герой, старый Милошъ. Еще при высшей степени патріярхальности народной жизни они уже захотѣли конституціи, и взбунтовались.

Исторія показываетъ даже, что революціи, которыя низвергли, сперва Милоша, возвели на престолъ Александра Кара-Георгіевича, а потомъ низвергли этого послѣдняго опять въ пользу Обреновичей, были революціями чиновничьими. Это была борьба бюрократическихъ партій за преобладаніе и власть.

Итакъ, повторяю, у Сербовъ нѣтъ, по видимому, залоговъ для крѣпкой Монархіи. Что касается до какой бы то ни было аристократіи родовой, до какого бы то ни было дворянства, то въ Сербіи нѣтъ и слѣдовъ ничего подобнаго. «Всякій Сербъ — дворянинъ!» говоритъ съ гордостью Сербъ. Это шляхетское чувство собственнаго достоинства, распространенное на весь народъ. И дѣйствительно, хотя Сербы простодушнѣе и симпатичнѣе, прямѣе Болгаръ, но они очень горды и заносчивы.

Въ Турецкихъ провинціяхъ Сербскаго племени было до послѣдняго времени мѣстное Мусульманское дворянство Славянской крови; но оно численностью ничтожно, и обстоятельства ведутъ Турцію все больше и больше ко всеобщему уравненію правъ, и сами эти Беи Босанскіе, начиная нѣсколько болѣе противу прежняго сознавать свое Славянское происхожденіе, скоро впадутъ въ совершенное безсиліе отъ внутренняго разрыва, отъ противоположныхъ вліяній народности и Мусульманізма на ихъ совѣсть и на ихъ интересы.

Вообще этотъ дворянскій элементъ Мусульманства Славянскаго не важенъ.

Черногорія, можетъ быть, очень важна въ стратегическомъ отношеніи для Славянъ, въ случаѣ борьбы съ Турціей, или съ Австріей, но политически она такъ мала и государственно такъ проста и патріархальна, что о ней можно бы здѣсь и вовсе не ...ть.

...ческаго элемента здѣсь тоже нѣтъ; воспитанія аристо...ю и тѣмъ болѣе; власть Князя очень ограничена. Чер...выкли къ самоуправству, которому также не трудно ...демократическое самоуправленіе, какъ воинственному ...ному горцу стать въ наше время горцомъ утилитар...куазнымъ, изъ юнака, или паликара, сдѣлаться и не ...ничего, самоувѣреннымъ демагогомъ-бюргеромъ.

...чтѣздо Черногорія очень легко можетъ стать какимъ ...скимъ Граубиндеромъ, или Цюрихомъ.

Итакъ мы видимъ: 1. что ни у Чеховъ, ни у Хорватовъ и Далматовъ, ни у Русскихъ Галиціи, ни у Сербовъ Православныхъ, ни у Болгаръ, ни у Черногорцевъ, нѣтъ теперь никакого прочнаго и національнаго привилегированнаго класса. 2. Что у всѣхъ у нихъ почти нѣтъ вовсе ни аристократическихъ преданій, ни сословнаго воспитанія. 3. Что Австрійскіе Славяне во всѣхъ дѣлахъ собственно Славянскихъ руководятся національной буржуазіей, купцами, учителями, докторами, писателями и т. д.; ибо у Чеховъ старые дворянскіе роды не соединили, подобно Польскимъ вельможамъ, своихъ именъ и своихъ интересовъ съ дѣломъ національной оппозиціи; оппозиція Чешской знати, какъ я уже сказалъ выше, имѣетъ феодальную цѣль. Словаки смѣшаны съ Мадьярами, трудно отдѣлимы отъ нихъ даже умственно; если же и отдѣлимы умственно отъ обще Угорской жизни, то развѣ въ видѣ элемента, болѣе демократическаго, чѣмъ элементъ Мадьярскій; у Русскихъ Галиціи аристократія—враждебные имъ Поляки и т. д. 4. Что у Турецкихъ Славянъ слѣды аристократическаго начала и сословнаго воспитанія еще гораздо слабѣе, чѣмъ у Австрійскихъ, и что вообще въ Турціи всѣ Христіяне, и Славяне, и Греки, очень легко переходятъ изъ патріярхальнаго быта въ буржуазно-либеральный, изъ героевъ Гомера и Купера въ героевъ Теккерея, Поль де Кока и Гоголя. 5. Ни у Чеховъ, ни у Хорватовъ, ни у Сербовъ, ни у Болгаръ, нѣтъ въ характерѣ той долгой Государственной выправки, которую даетъ прочное существованіе національной, популярной Монархіи. Они и безъ Парламента всѣ привыкли къ парламентарной дипломатіи, къ игрѣ разныхъ демонстрацій и т. п. У всѣхъ у нихъ уже крѣпко всосались въ кровь привычки и предразсудки, такъ называемаго, равенства и, такъ называемой, свободы.

Однимъ словомъ, общій выводъ тотъ, что, не смотря на всю разнородность ихъ прежней исторіи, не смотря на всю запутанность и противоположность ихъ интересовъ, не смотря на раздробленность свою и на довольно большое хотя и блѣдное, разнообразіе тѣхъ уставовъ и обычаевъ, подъ которыми они живутъ еще и теперь въ Австріи и Турціи (включая сюда, по ихъ малости, и оба Княжества Сербію и Черногорію), всѣ Юго-Западные Славяне безъ исключенія демократы и конституціоналисты.

Черта общая всѣмъ, при всей ихъ кажущейся блѣдной разнородности, это—расположеніе къ равенству и свободѣ, т. е., къ идеаламъ или Американскому, или Французскому, но ни какъ не Византійскому и не Великобританскому.

Раздѣлять ихъ можетъ очень многое: 1. религія (Католичество, Православіе, Мусульманство въ Босніи, быть можетъ расколъ у Болгаръ, если онъ устоитъ; ибо не только Греки, но и Сербы, не слишкомъ хвалятъ Болгаръ за ихъ эксцессы. 2. Географическое положеніе, и черезъ это торговые и другіе економическіе интересы; такъ, на примѣръ, въ настоящее время Австрійскимъ подданнымъ выгодна свобода торговли въ Турціи и свободный ввозъ Австрійскихъ мануфактурныхъ контрафакцій. А Турецкіе подданные, и Славяне, и Греки, постоянно на это жалуются и желали бы системы покровительственной, для укрѣпленія и развитія мѣстной промышленности. 3. Нѣкоторыя историческія и военныя преданія. Такъ, на примѣръ, у Сербовъ вся ненависть въ народѣ сосредоточена на Туркахъ и Нѣмцахъ; противу Грековъ они почти ничего не имѣютъ, а съ Болгарами и говорить даже разумно о Грекахъ нельзя. Православные Сербы Турціи привыкли смотрѣть на Нѣмцовъ (Австріи), какъ на самыхъ опасныхъ враговъ, а Католическіе Сербы Австріи (Хорваты, Далматы и др.) привыкли сражаться подъ знаменами Австійскаго Государства. 4. Интересы чисто племеннаго преобладанія. На примѣръ, Болгары, пользуясь тѣмъ, что они Турецкіе подданные, пытаются уже и теперь, посредствомъ своего духовенства и своихъ учителей, оболгарить Старую Сербію (провинцію Турецкую, лежащую къ югу отъ Княжества). Сербы Княжества хотятъ отстаивать свою націю въ этой странѣ противу Болгаръ, но имъ не такъ удобно дѣйствовать, какъ Болгарамъ; ибо послѣднимъ помогаетъ, какъ своимъ людямъ, Турецкая власть. Сербамъ, сверхъ того, не можетъ слишкомъ нравиться быстрое политическое созрѣваніе Болгарской націи. Въ статьѣ моей: «Панславизмъ и Греки,» я старался доказать, что сохраненіе Турціи можетъ казаться одинаково выгоднымъ, какъ для крайнихъ Грековъ, такъ и для крайнихъ Болгаръ; ибо Болгаре хотятъ еще укрѣпиться подъ духовно-безвредной для нихъ властью Турокъ, а крайніе Греки хотѣли бы соединиться съ Турками на Босфорѣ противу Панславизма.

Сербы въ другомъ положеніи. Церковной распри у нихъ съ

Греками нѣтъ; а Болгаръ имъ бы удобнѣе было застать врасплохъ, безъ войска, безъ столицы, безъ опытныхъ Министровъ, безъ династіи, безъ сильнаго народнаго совѣта и т. д. Сербамъ Турки и Турція менѣе нужны, чѣмъ Болгарамъ и Грекамъ. Понятно, что крайній Грекъ и крайній Болгаринъ, оба для пользы, для охраны своей національности, могутъ считать полезнымъ продленіе Турецкаго владычества. Но крайній, пылкій Сербъ воздерживается отъ нападенія на Турцію лишь изъ осторожности, изъ соображеній, скорѣе военныхъ, чѣмъ собственно политическихъ.

Не охрана національности, а сознаніе сравнительно военнаго безсилія своего, вотъ что удерживаетъ Сербію постоянно отъ несвоевременной войны съ Турціей. Сербіи очень было бы желательно стать Славянскимъ Піемонтомъ, какъ для Австрійскихъ, такъ и для Турецкихъ, Славянъ. И правда, что положеніе Сербіи очень похоже во многихъ отношеніяхъ на положеніе прежняго Піемонта. Малые размѣры ничего не значатъ сами по себѣ: и Римъ былъ малъ, и Бранденбургъ былъ малъ, и Московское Княжество было невелико. Нужна лишь благопріятная перестановка обстоятельствъ, счастливое сочетаніе политическихъ силъ. Вотъ однимъ-то изъ такихъ счастливыхъ сочетаній Сербы основательно могутъ считать (съ точки зрѣнія Сербизма своего) военное безсиліе и государственную неприготовленность сосѣдней, столь родственной, столь удобной для поглощенія и такъ великолѣпно у Босфора и при устьяхъ Дуная стоящей, Болгарской націи.

Болгары это чувствуютъ, и Сербамъ не довѣряютъ; точно также, какъ мало довѣряютъ ихъ крайніе и вліятельные дѣятели и намъ, Русскимъ, не смотря на все, доказанное дѣлами, безкорыстіе нашей политики на Востокѣ.[13]

---

[13] Я боюсь, чтобы какой ни будь тонкій мудрецъ не принялъ моихъ словъ о безкорыстіи Россіи за фразу, за придворную штуку, и не потерялъ бы довѣрія къ моей искренности. Разумѣется, безкорыстной политики нѣтъ, и не должно быть. Государство не имѣетъ права, какъ лицо, на самопожертвованіе. Но дѣло въ томъ, что на востокѣ Европы корысть наша должна быть безкорыстна въ томъ смыслѣ, что въ настоящее время мы должны бояться присоединеній и завоеваній въ Европѣ, не столько изъ человѣчности, сколько для собственной внутренней силы нашей. И чѣмъ ближе къ намъ націи по крови и языку, тѣмъ болѣе

Такихъ противоположныхъ интересовъ мы найдемъ много и у Австрійскихъ Славянъ. 5. У Православныхъ Сербовъ въ Турціи есть двѣ національныя династіи—Черногорская и Сербская. И хотя и у Сербовъ, и у Черногорцевъ, не замѣтно той сознательной привычки къ безусловной покорности роднымъ династіямъ, какая видна у Русскихъ, у Турокъ, и была видна до послѣдняго времени у Прусаковъ, но привязанность, уваженіе къ этимъ династіямъ, все таки есть. Мы видимъ, что въ настоящее время и Черногорцы и Сербы свои династіи чтутъ. По этому самому очень трудно рѣшить, который изъ двухъ домовъ, Нѣгошей ли домъ, или домъ Обреновичей, рѣшились бы принести въ жертву. Православные и независимые Сербы Задунайскіе? Оказывается, что даже и монархическія, лояльныя чувства, объединяющія народъ въ другихъ мѣстахъ, у Юго-Славянъ способствуютъ нѣкоторому сепаратизму.

Кажется, я перечелъ всѣ тѣ главныя черты или историческія свойства, которыя могутъ препятствовать объединенію Юго-Западныхъ единоплеменниковъ нашихъ.

Мы видимъ, что все у нихъ разное, иногда противоположное, даже враждебное, все можетъ служить у нихъ разъединенію, все: религія, племенное честолюбіе, преданія древней славы, память вчерашняго рабства, интересы економическіе, даже монархическія чувства направлены у однихъ на Князей Черногорскихъ, у другихъ на потомство Милоша, у третьихъ на мечты о коронѣ Вячеслава и Юрія Подѣбрадскаго, у иныхъ, наконецъ, это чувство состоитъ просто въ привычной, хотя и много остывшей уже, преданности Габсбургскому Дому, или оно направлено на временное охраненіе власти Султана.

Что же есть у нихъ у всѣхъ общаго, историческаго, кромѣ племени и сходныхъ языковъ? Общее имъ всѣмъ въ наше время, это—крайне демократическое устройство общества и очень значительная привычка къ конституціонной дипло-

---

мы должны держать ихъ въ мудромъ отдаленіи, не разрывая связи съ ними. Идеаломъ надо ставить на сліяніе, а тяготѣніе, на разсчитанныхъ разстояніяхъ. Это я надѣюсь объяснить дальше гораздо подробнѣе. Сліяніе и смѣшеніе съ Азіатцами по этому, или, съ иновѣрными и иноплеменными, гораздо выгоднѣе, уже по одному тому, что они еще не пропитались Европеизмомъ.

матіи, къ искуственнымъ агитаціямъ, къ заказнымъ демонстраціямъ и ко всему тому, что происходитъ нынѣ изъ смѣси Старо-Британскаго, личнаго и корпоративнаго, свободолюбія съ плоской равноправностью, которую выдумали въ 89 году Французы, прежде всего на гибель самимъ себѣ.

Раздѣлять Юго-Славянъ можетъ многое, объединить же ихъ и согласить безъ вмѣшательства Россіи можетъ только нѣчто общее имъ всѣмъ, нѣчто такое, что стояло бы на почвѣ неутральной, внѣ Православія, внѣ Византизма, внѣ Сербизма, внѣ Католичества, внѣ Гуситскихъ воспоминаній, внѣ Юрія Подѣбрадскаго, внѣ Крума, Любуши и Марка Кралевича, внѣ крайне-Болгарскихъ надеждъ. Это внѣ всего этого стоящее можетъ быть только нѣчто крайне демократическое, индифферентное, отрицательное, Якобински, а не Старо-Британски конституціяльное, быть можетъ даже федеративная Республика. Замѣтимъ еще въ добавокъ, что если бы такая Республика создалась по распаденіи Австріи и по удаленіи Турокъ за Босфоръ, то она вышла бы не изъ тѣхъ побужденій, изъ коихъ вышли Соединенные Штаты Америки, а изъ другихъ, въ охранительномъ смыслѣ гораздо худшихъ началъ.

Люди, которые изъ старой Англіи полагали основы Штатамъ Америки, были все люди крайне религіозные, которые уступать своей горячей личной вѣры не хотѣли и не подчинялись Государственной Англиканской Епископской Церкви не изъ прогрессивнаго равнодушія, а изъ набожности.

Католики, Пуритане, Квакеры, всѣ были согласны въ одномъ—во взаимной терпимости, не по холодности, а по необходимости. И по тому Государство, созданное ими, для примиренія всѣхъ этихъ горячихъ религіозныхъ крайностей, нашло центръ тяжести своей внѣ религіи. Была вынужденная обстоятельствами терпимость, не было внутренняго индефферентизма.

Славяне, вступая въ подобную федерацію, не внесли бы въ нее тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя на просторѣ Новаго Свѣта одушевляли прежнихъ Европейскихъ переселенцевъ Сѣверной Америки. Они вступили бы въ эту федерацію при иныхъ условіяхъ. Тамъ, въ Америкѣ, чтобы жить согласно, нужно было помнить о недавнихъ гоненіяхъ за личную вѣру. Здѣсь, и въ Австріи, и въ Турціи, никто уже не гонитъ серьезно ни Католичества Чеховъ и

Хорватовъ, ни Православія Сербовъ и Болгаръ. Напротивъ того, въ послѣднее время даже Турецкіе Министры, на пр., такъ изучили нашъ церковный вопросъ, что дѣлаютъ нерѣдко Болгарамъ очень основательныя каноническія возраженія, когда тѣ слишкомъ спѣшатъ. Туркамъ иногда, для спокойствія Имперіи, приходится защищать Православіе отъ увлеченія Славянскихъ агитаторовъ.

Итакъ не религіозныя же гоненія, не общія страданія могутъ объединить въ демократической федераціи нынѣшнихъ Юго-Славянъ, а только общеплеменное сознаніе, лишенное всякаго положительнаго организующаго содержанія, лишенное всякой сложной системы особо Славянскихъ идей. [*]

Въ наше время легче всего помириться на Бюхнерѣ, Дарвинѣ и Молешотѣ. Передовые люди, зная штуку, но держась черни, по незабвенному выраженію Третьяковскаго, могутъ, для назиданія тѣхъ соотчичей своихъ, которые къ тому времени будутъ еще вѣрить въ ту, или въ другую, Церковь, всегда притвориться, сходить къ обѣднѣ, причаститься, похвалить старину, даже изрѣдка и съ трудомъ великимъ недѣлю попоститься.

Такъ дѣлаютъ давно уже и теперь многіе вліятельные люди на Востокѣ. И Греки, и Славяне одинаково. Есть такіе, которые на 1-й недѣлѣ Великаго Поста и на Страстной дома, для дѣтей и слугъ, ѣдятъ и постное, а потихоньку потомъ заходятъ въ го-

---

[*] Не лишнимъ, можетъ быть, окажется здѣсь слѣдующій разсказъ, дошедшій до меня изъ вѣрныхъ источниковъ. Одинъ именитый Русскій человѣкъ, къ тому же и весьма ученый, имя котораго извѣстно и у насъ, и на Востокѣ, и въ Европѣ, имѣлъ не такъ давно разговоръ съ однимъ изъ главныхъ народныхъ Чешскихъ вождей (также, какъ нельзя лучше, извѣстнымъ и у насъ, и вездѣ).

Чешскій дѣятель разсыпался въ разговорѣ съ этимъ Русскимъ сановникомъ въ похвалахъ народу Русскому, особенно Правительству нашему: онъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ намъ, о глубокомъ уваженіи къ нашей Монархіи.

«Но, разумѣется, прибавилъ онъ съ увѣренностью, монархическая форма есть временное состояніе; монархическая власть нигдѣ въ наше время не имѣетъ будущности.»

Удивительно! Откуда у людей мыслящихъ и даровитыхъ это ослѣпленіе, вѣра въ демократическій прогрессъ, какъ во что-то несомнѣнно хорошее? Какъ же не похвалить при этомъ Герцена, за его насмѣшки надъ республиканской ортодоксіей! Противорѣчія Герцена самому себѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ ему великую честь.

стинницу и подкрѣпляютъ мясомъ свои просвѣщенные и прогрессивные купеческіе, учительскіе и лѣкарскіе, желудки.

То же по своему могутъ дѣлать и Католики, пока народъ простъ, и то, если это занадобится для чего ни будь.

Но строго говоря... за чѣмъ и лицемѣрить долго? Въ наше время, «при быстротѣ сообщеній, при благодѣтельной гласности, при обученіи народа, при благородномъ, возвышенномъ, стремленіи къ полной равноправности всѣхъ людей и народовъ.

Увы! патріархальная и гомерическая поэзія Православнаго Востока угасаетъ быстро... Юнаки и паликары доживаютъ свой вѣкъ, разбойничая въ горахъ безъ идей. Христіянскими общинами самодержавно правитъ уже не безстрашный айдукъ Кара-Георгій, не мудрый и стойкій свинопасъ Милошъ, не безграмотные герои Канарисъ и Боцарисъ, не Митрополиты Черногорскіе, которые умѣли сражаться и съ Турками и съ Французами.

Нынѣшній Христіянскій Востокъ вообще есть не что иное, какъ Царство, не скажу даже скептическихъ, а просто невѣрующихъ épiciers, для которыхъ религія ихъ сооттичей низшаго класса есть лишь удобное орудіе агитаціи, орудіе племеннаго политическаго фанатизма въ ту, или другую, сторону. Это истина, и я не знаю, какое право имѣемъ мы, Русскіе, главные представители Православія во Вселенной, скрывать другъ отъ драга эту истину, или стараться искуственно забывать ее!

Двадцать лѣтъ тому назадъ еще можно было надѣяться, что эѳическія части народа у Славянъ дадуть свою окраску прогрессивнымъ, но теперь нельзя обманывать себя болѣе!

Космополитическія, разрушительныя и отрицательныя идеи, воплощенныя въ коекакъ по Европейски обученной интеллигенціи, ведутъ всѣ эти близкіе намъ народы съ начала къ политической независимости, вѣроятно, а потомъ? Потомъ, когда всѣ обособляющіе отъ космополитизма признаки блѣдны? Что будетъ потомъ? Чисто же племенная идея, я уже прежде сказалъ, не имѣетъ въ себѣ ничего организующаго, творческаго; она есть не что иное, какъ частное перерожденіе космополитической идеи всеравенства и безплоднаго всеблага. Равенство классовъ, лицъ, равенство (т. е., однообразіе) областей, равенство всѣхъ народовъ. Расторженіе всѣхъ преградъ, бурное низверженіе, или мирное, осторожное подкапываніе всѣхъ авторитетовъ— религіи, власти, сословій, препятствующихъ этому равенству, это

все одна и та же идея, выражается ли она въ широкихъ и обманчивыхъ претензіяхъ Парижской демагогіи, или въ Уѣздныхъ желаніяхъ какого ни будь мелкаго народа пріобрѣсти себѣ, во что бы то ни стало, равныя со всѣми другими націями Государственныя права.

Для насъ знаніе подобныхъ данныхъ важно. Хотимъ ли и мы предаться теченію, или желаемъ мы ревниво, жадно, фанатически, сберегать все старое, для органическаго сопряженія съ неизбѣжно новымъ, для исполненія призванія нашего въ мірѣ, призванія еще не выясненнаго намъ самимъ; во всякомъ случаѣ мы должны знать и понимать, что такое эти Славяне, внѣ насъ стоящіе.

Хотимъ ли мы, по идеалу нашихъ нигилистовъ, найти наше призваніе въ передовой разрушительной роли, опередить всѣхъ и все на поприщѣ варварскаго, животнаго космополитизма; или мы предпочитаемъ по человѣчески служить идеямъ организующимъ, дисциплинирующимъ, идеямъ внѣ нашего, субъективнаго удовольствія стоящимъ, объективнымъ идеямъ Государства, Церкви, живаго добра и поэзіи; предпочитаемъ ли мы, наконецъ, нашу собственную цѣлость и силу, чтобы обратить эту силу, когда ударитъ, понятный всѣмъ, страшный и великій часъ, на службу лучшимъ и благороднѣйшимъ началамъ Европейской жизни, на службу этой самой великой, старой Европѣ, каторой мы столько обязаны и которой хорошо бы заплатить добромъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ надо понять хорошо все, окружающее насъ.

Не льстить надо Славянамъ, не обращаться къ нимъ съ вѣчной улыбкой любезности; нѣтъ! надо изучать ихъ и если можно, если удастся, учить ихъ даже, какъ людей отсталыхъ по уму, не смотря на кажущуюся ихъ прогрессивность, и даже на ученость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Ученость сама по себѣ, одна, еще не есть спасеніе.

Прежде же всего не надо обманывать свое Русское общество; не надо оставлять его въ пріятномъ туманѣ, изъ за какой-то, вовсе не обязательной въ литературѣ, льстивой политики!

ГЛАВА VI.

ЧТО ТАКОЕ ПРОЦЕССЪ РАЗВИТІЯ?

Теперь мнѣ предстоитъ оставить на время и Славянъ и наше Русское Византійство и отвлечься отъ главнаго моего предмета очень далеко.

Я постараюсь, однако, на сколько есть у меня умѣнья, быть краткимъ.

Я спрошу себя прежде всего, что значитъ слово «развитіе» вообще? Его недаромъ употребляютъ безпрестанно въ наше время. Человѣческій умъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, на хорошей дорогѣ; онъ прилагаетъ, можетъ быть, очень вѣрно идею, выработанную реальными, естественными, науками къ жизни психической, къ исторической жизни отдѣльныхъ людей и обществъ.

Говорятъ безпрестанно: «Развитіе ума, науки, развивающійся народъ, развитый человѣкъ, развитіе грамотности, законы развитія историческаго, дальнѣйшее развитіе нашихъ учрежденій и т. д.

Все это хорошо. Однако есть при этомъ и ошибки; именно, при внимательномъ разборѣ, видимъ, что слово развитіе иногда употребляется для обозначенія вовсе разнородныхъ процессовъ, или состояній. Такъ, на пр., развитый человекъ часто употребляется въ смыслѣ ученый, начитанный, или образованный человѣкъ. Но это совсѣмъ не одно и то же. Образованный, сформированный, выработанный разнообразно человѣкъ, и человѣкъ ученый—понятія разныя. Фаустъ—вотъ развитый человѣкъ, а Вагнеръ у Гёте—ученый, но вовсе не развитый.

Еще примѣръ. Развитіе грамотности въ народѣ мнѣ кажется вовсе не подходящее выраженіе.

Распространеніе, разлитіе грамотности—дѣло другое. Распространеніе грамотности, распространеніе пьянства, распространеніе холеры, распространеніе благонравія, трезвости, бережливости, распространеніе желѣзныхъ путей и. т. д. Всѣ эти явленія представляютъ намъ разлитіе чего-то однороднаго, общаго, простаго.

Идея же развитія собственно соотвѣтствуетъ въ тѣхъ реальныхъ, точныхъ наукахъ, изъ которыхъ она перенесена въ исто-

рическую область, нѣкоему сложному процессу и, замѣтимъ, нерѣдко вовсе противоположному съ процессомъ распространенія, разлитія, процессу, какъ бы враждебному этому послѣднему процессу.

Присматриваясь ближе къ явленіямъ органической жизни, изъ наблюденій которой именно и взялась эта идея развитія, мы видимъ, что процессъ развитія въ этой органической жизни значить вотъ что:

Постепенное восхожденіе отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему, постепенная индивидуализація, обособленіе, съ одной стороны, отъ окружающаго міра, а съ другой отъ сходныхъ и родственныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій.

Постипенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ простоты, къ оригинальности и сложности.

Постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, богатство внутренняго и въ то же время постепенное укрѣпленіе единства.

Такъ что высшая точка развитія не только въ органическихъ тѣлахъ, но и вообще въ органическихъ явленіяхъ, есть высшая степень сложности, объединенная нѣкіимъ внутреннимъ деспотическимъ единствомъ.

Самый ростъ травы, дерева, животнаго и т. д., есть уже осложненіе; только говоря ростъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно количественную сторону, а не качественную, не столько измѣненіе формы, сколько измѣненіе размѣровъ.

Содержаніе при ростѣ количественно осложняется. Трава, положимъ, еще не дала ни цвѣтовъ, ни плода, но она поднялась, выросла; значитъ, если намъ незамѣтно было никакого въ ней ни внутренняго (микроскопическаго), но внѣшняго, видимаго глазу, морфологическаго измѣненія, обогащенія, но мы имѣемъ все таки право сказать, что трава стала сложнѣе; ибо количество ячеекъ и волоконъ у нея умножилось.

Къ тому же ближайшее наблюденіе показываетъ, что всегда при процессѣ развитія есть непрестанное, хоть какое ни будь, измѣненіе и формы, какъ въ частностяхъ (на пр., въ величинѣ, видѣ самихъ ячеекъ и волоконъ), такъ и въ общемъ (т. е., что появляются новыя вовсе черты, дотолѣ не бывалыя въ картинѣ всецѣлаго организма).

То же и въ развитіи животнаго тѣла, и въ развитіи человѣческаго организма, и даже въ развитіи духа человѣческаго, характера.

Я сказалъ: не только цѣлые организмы, но и всѣ органическіе процессы, и всѣ части организмовъ, однимъ словомъ, всѣ органическія явленія, подчинены тому же закону.

Возмемъ, на пр., картину какой ни будь болѣзни. [13] Положимъ, вотъ воспаленіе легкихъ (Pneumonia). Начинается оно большею частью просто, такъ просто, что его нельзя строго отличить въ началѣ отъ простой простуды, отъ Branchitis, отъ Pleuritis и отъ множество другихъ и опасныхъ, и ничтожныхъ, болѣзней. Недомоганіе, жаръ, боль въ груди, или въ боку, кашель. Если бы въ эту минуту человѣкъ умеръ отъ чего ни будь другого (на пр., если бы его застрѣлили), то и въ легкихъ нашли бы мы очень мало измѣненій, очень мало отличій отъ другихъ легкихъ. Болѣзнь не развита, не сложна еще, и по тому и не индивидуализирована и не сильна (еще не опасна, не смертоносна, еще мало вліятельна). Чѣмъ сложнѣе становится картина, тѣмъ въ ней больше разнообразныхъ отличительныхъ признаковъ, тѣмъ она легче индивидуализируется, классифируется, отдѣляется, и съ другой стороны, тѣмъ и на все сильнѣе, вселіятельнѣе. Прежніе признаки еще остаются, жаръ, боль,

---

[13] Я опасаюсь здѣсь упрека за длинноту и подробность того, что иные готовы счесть обыкновеннымъ уподобленіемъ.

Уподобленіе простое не только красить рѣчь, но даже дѣлаетъ главный предметъ болѣе доступнымъ и яснымъ, если оно умѣстно и кратко. Длинныя же, утомительныя, уподобленія только путаютъ и отвлекаютъ мысль.

Но я спѣшу сознаться, что я имѣю здѣсь (быть можетъ и неосновательную) претензію на нѣчто гораздо большее, чѣмъ уподобленіе: я имѣю претензію предложить нѣчто въ родѣ гипотезы для спеціяльной, исторической, науки.

Правъ ли я, или нѣтъ, хорошо ли я выразилъ мою мысль, или худо, это другой вопросъ. Я хочу только предупредить, что дѣло здѣсь не въ уподобленіяхъ, а въ желаніи указать на то, что законы развитія и паденія Государствъ по видимому, въ общихъ чертахъ однородны не только съ законами органическаго міра, но и вообще съ законами возникновенія, существованія и гибели (Entstehen, Daseyn und Vergehen) всего того сущаго, что намъ доступно.

горячка, слабость, кашель, удушье и т. д., но есть еще и новые, мокрота окрашенная, смотря по случаю, отъ кирпичнаго до лимоннаго цвѣта. Выслушиваніе даетъ, наконецъ, специфическій ronchus crepitans. Потомъ приходитъ минута, когда картина наиболѣе сложна: въ одной части легкихъ простой ronchus subcrepitans, свойственный и другимъ процессамъ, въ другой ronchus crepitans (подобный нѣжному треску волосъ, которые мы будемъ растирать медленно около уха), въ третьемъ мѣстѣ выслушиваніе груди даетъ бронхіяльное дыханіе souffle tubaire, на подобіе дуновенія въ какую ни будь трубку: это, опеченіе легкихъ, воздухъ приходитъ вовсе. Наконецъ можетъ случиться, что рядомъ съ этимъ будетъ и нарывъ, пещера, и тогда мы услышимъ и увидимъ еще новыя явленія, встрѣтимъ еще болѣе сложную картину. То же самое намъ дадутъ и вскрытія— силу, сложность, индивидуализацію. Далѣе, если дѣло идетъ къ выздоровленію организма, то картина болѣзни упрощается.

Если же дѣло къ побѣдѣ болѣзни, то, напротивъ, упрощается, или вдругъ, или постепенно, картина самого организма.

Если дѣло идетъ къ выздоровленію, то сложность и разнообразіе признаковъ, составлявшихъ картину болѣзни, мало по малу уменьшаются. Мокрота становится обыкновеннѣе (менѣе индивидуализирована); хрипы переходятъ въ болѣе обыкновенные, сходіе съ хрипами другихъ кашлей; жаръ спадаетъ, опеченіе разрѣшается, т. е., легкія становятся опять однороднѣе, однообразнѣе.

Если дѣло идетъ къ смерти, начинается упрощеніе организма. Предсмертные, послѣдніе часы у всѣхъ умирающихъ сходнѣе, проще, чѣмъ середина болѣзни. Потомъ слѣдуетъ смерть, которая, сказано давно, всѣхъ равняетъ. Картина трупа малосложнѣе картины живого организма; въ трупѣ все мало по малу сливается, просачивается, жидкости застываютъ, плотныя ткани рыхлѣютъ, всѣ цвѣта тѣла сливаются въ ...цъ зеленовато-бурый. Скоро уже трупъ будетъ очень трудно ...тличить отъ другого трупа. Потомъ упрощеніе и смѣшеніе ...ныхъ частей, продолжаясь, переходитъ все болѣе и болѣе ...процессъ разложенія, распаденія, расторженія, разлитія ...ужающемъ. Мягкія части трупа распадаясь, разлагаясь ...химическія составныя части, доходятъ до крайней

неорганической простоты углерода, азота, водорода и кислорода, разливаются въ окружающемъ мірѣ, распространяются. Кости, благодаря большей силѣ внутренняго сцѣпленія извести, составляющей ихъ основу, переживаютъ все остальное, но и онѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, скоро распадаются, сперва на части, а потомъ и въ вовсе неорганическій и безличный прахъ.

Итакъ, что бы развитое мы ни взяли, болѣзни ли (органическій сложный и единый процессъ), или живое, цвѣтущее тѣло (сложный и единый организмъ), мы увидимъ одно: что разложенію и смерти второго (организма) и уничтоженію первой (процесса) предшествуютъ явленія: упрощеніе составныхъ частей, уменьшеніе числа признаковъ, ослабленіе единства, силы и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніе. Все постепенно понижается, мѣшается, сливается, а потомъ уже распадается и гибнетъ, переходя въ нѣчто общее, не собой уже и не для себя существующее.

Передъ окончательной гибелью индивидуализація, какъ частей, такъ и цѣлаго, слабѣетъ. Гибнущее становится и однообразнѣе внутренно, и ближе къ окружающему міру, и сходнѣе съ родственными, близкими ему, явленіями.

Такъ, яички всѣхъ, самокъ и внутренно малосложны и ближе къ организму матери, чѣмъ будутъ близки зародыши, и сходнѣе со всякими другими животными и растительными первоначальными ячейками.

Разные животные зародыши отдѣльнѣе яичекъ, имѣютъ уже больше ихъ микроскопическихъ отличій другъ отъ друга, они уже менѣе сходны. Утробные зрѣлые плоды еще разнороднѣе и еще болѣе отдѣльны. Это отъ того, что они и единѣе, т. е., развитѣе.

Младенцы, дѣти, еще сложнѣе и разнороднѣе; юноши, взрослые люди, до впаденія въ дряхлость, еще и еще развитѣе. Въ нихъ все больше и больше (по мѣрѣ и степени развитія) сложности и внутренняго единства, и по тому больше отличительныхъ признаковъ, больше отдѣльности, независимости отъ окружающаго, больше своеобразія, самобытности.

И это, повторяемъ, относится не только къ организмамъ, но и къ частямъ ихъ, къ системамъ (нервной, кровеносной и т. д.), къ аппаратамъ (пищеварительному, дыхательному и т. д.);

относится и къ процессамъ нормальнымъ и патологическимъ, даже и къ тѣмъ идеальнымъ, научнымъ, собирательнымъ единицамъ, которые зовутся видъ, родъ, классъ и т д. Чѣмъ выше, чѣмъ развитѣе видъ, родъ, классъ, тѣмъ разнообразнѣе отдѣлы (части, ихъ составляющія), а собирательное цѣлое все таки весьма едино и естественно. Такъ собака домашняя животное весьма развитое; по этому то, отдѣленіе млекопитающихъ, которое извѣстно подъ названіемъ домашняя собака—отдѣленіе весьма полное, имѣющее чрезвычайно много разнообразныхъ представителей. Родъ кошекъ (въ широкомъ смыслѣ), четверорукія (обезьяны), позвоночныя, представляютъ, при всемъ своемъ необычайномъ разнообразіи, чрезвычайное единство общаго плана. Это все отдѣленія весьма развитыхъ животныхъ, весьма богатыхъ зоологическимъ содержаніемъ, индивидуализированныхъ, богатыхъ признаками.

То же самое мы можемъ наблюдать и въ растительныхъ организмахъ, процессахъ, органахъ, и въ растительной классификаціи по отдѣламъ, по собирательнымъ единицамъ.

Все въ началѣ просто, потомъ сложно, потомъ вторично упрощается, сперва уравниваясь и смѣшиваясь внутренно, а потомъ еще болѣе упрощаясь отпаденіемъ частей и общимъ разложеніемъ, до перехода въ неорганическую «Нирвану.»

При дальнѣйшемъ размышленіи мы видимъ, что этотъ тріединый процессъ свойственъ не только тому міру, который зовется собственно органическимъ, но, можетъ быть, и всему, существующему въ пространствѣ и времени. Можетъ быть онъ свойственъ и небеснымъ тѣламъ, и исторіи развитія ихъ минеральной коры, и характерамъ человѣческимъ; онъ ясенъ въ ходѣ развитія искуствъ, школъ живописи, музыкальныхъ и архитектурныхъ стилей, въ философскихъ системахъ, въ исторіи религій, и наконецъ въ жизни племенъ, государственныхъ организмовъ и цѣлыхъ культурныхъ міровъ.

Я не могу распространяться здѣсь долго и развивать подробно мою мысль. Я ограничусь только нѣсколькими краткими примѣрами и объясненіями. На примѣръ, для небеснаго тѣла: а) періодъ первоначальной простоты: расплавленное небесное тѣло, однообразно жидкое; б) періодъ срединный, то состояніе, которое можно назвать вообще цвѣтущей слож-

ностью: планета, покрытая корою, водою, материками, растительностью, обитаемая пестрая; в) періодъ вторичной простоты, остывшее, или вновь, въ слѣдствіе катастрофы, расплавленное тѣло и т. д.

Мы замѣтимъ то же и въ исторіи искуствъ: а) періодъ первоначальной простоты: циклопическія постройки, конусообразныя могилы Этрусковъ (послужившія, вѣроятно, исходнымъ образцомъ для куполовъ и вообще для круглыхъ линій развитой Римской архитектуры), избы Русскихъ крестьянъ, Дорическій орденъ и т. д., эпическія пѣсни первобытныхъ племенъ, лирика дикихъ, первоначальная иконопись, лубочныя картины и т. д. б) періодъ цвѣтущей сложности: Пареенонъ, храмъ Ефесской Діаны (въ которомъ даже на колонцахъ были изваянія, Страсбургскій, Реймскій, Миланскій Соборы, Св. Петра, Св. Марка, Римскія великія зданія, Софоклъ, Шекспиръ, Дантъ, Байронъ Рафаэль, Микель-Анджело, и т. д. в) періодъ смѣшенія, перехода во вторичное упрощеніе, упадка, замѣны другимъ: всѣ зданія переходныхъ эпохъ, Романскій стиль (до начала Готическаго и отъ паденія Римскаго), всѣ нынѣшнія утилитарныя постройки, казармы, больницы, училища, станціи желѣзныхъ дорогъ и т. д. Въ архитектурѣ единство есть то, что зовутъ стиль. Въ цвѣтущія эпохи постройки разнообразны въ предѣлахъ стиля; нѣтъ ни эклектическаго смѣшенія, ни бездарной старческой простоты. Въ поэзіи тоже: Эсхилъ и Еврипидъ — всѣ одного стиля; въ послѣдствіи все, съ одной стороны, смѣшивается эклектически и холодно, понижается и падаетъ.

Примѣромъ вторичнаго упрощенія всѣхъ прежнихъ Европейскихъ стилей можетъ служить современный реализмъ литературнаго искуства. Въ немъ есть нѣчто и эклектическое, смѣшанное, и приниженное, количественно павшее, плоское. Типическіе представители великихъ стилей поэзіи всѣ чрезвычайно несходны между собою: у нихъ чрезвычайно много внутренняго содержанія, много отличительныхъ признаковъ, много индивидуальности. Въ нихъ много и того, что принадлежитъ вѣку (содержаніе), и того, что принадлежитъ имъ самимъ, ихъ личности, тому единству духа личнаго, которое они влагали въ разнообразіе содержанія. Таковъ Дантъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Гёте, Шиллеръ.

Въ настоящее время, особливо послѣ 48 года, все смѣшаннѣе и сходнѣе между собою: общій стиль, отсутствіе стиля, и отсутствіе субъективнаго духа, любви, чувства. Диккенсъ въ Англіи и Жоржъ Сандъ во Франціи (я говорю про старыя ея вещи), какъ они ни различны другъ отъ друга, но были оба послѣдними представителями сложнаго единства, силы богатства, теплоты. Реализмъ простой наблюдательности уже по тому бѣднѣе, проще, что въ немъ уже нѣтъ автора, нѣтъ личности, вдохновенія, по этому онъ пошлѣе, демократичнѣе, доступнѣе всякому бездарному человѣку, и пишущему и читающему.

Нынѣшній объективный безличный реализмъ есть вторичное упрощеніе, послѣдовавшее за теплой объективностью Гёте, Вальтеръ-Скотта, Диккенса и прежняго Жоржъ-Санда, больше ничего.

Пошлыя общедоступныя оды, мадригалы и эпопеи прошлаго вѣка, были подобнымъ же упрощеніемъ, пониженіемъ предыдущаго Французскаго классицизма, высокаго классицизма Корнелей, Расиновъ и Мольеровъ.

Въ исторіи философіи то же: а) первобытная простота: простыя изреченія народной мудрости, простыя начальныя системы (Өалесъ, средневѣковые схоластики и т. п.); б) цвѣтущая сложность: Сократъ, Платонъ, Стоики, Эпикурейцы, Пиөагоръ, Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель; в) вторичное упрощеніе, смѣшеніе и исчезновеніе, переходъ въ совершенно иное: эклектики, безличные смѣсители всѣхъ временъ (Кузенъ); потомъ Реализмъ феноменальный, отвергающій отвлеченную философію, метафизику: матеріялисты, деисты, атеисты. Реализмъ очень простъ; ибо онъ даже и не система, а только методъ, способъ: онъ есть смерть предыдущихъ системъ. Матеріялизмъ же есть безспорно система, но, конечно, самая простая; ибо ничего не можетъ быть проще и грубѣе, малосложнѣе, какъ сказать, что все, вещество и что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія души; ибо мы этого не видимъ и не трогаемъ руками. Въ наше время это вторичное упрощеніе философіи доступно не только образованнымъ юношамъ, стоящимъ еще, по лѣтамъ своимъ, на степени первобытной простоты, на степени незрѣлыхъ яблокъ, или семинаристамъ циклопической постройки, но даже Парижскимъ работникамъ, трактирнымъ лакеямъ и т. п. Матеріялизмъ всегда почти

сопровождаетъ реализмъ. Хотя реализмъ самъ по себѣ еще не требуетъ этого, не даетъ права ни на атеизмъ, ни на матеріялизмъ; реализмъ только отвергаетъ всякую систему, всякую метафизику; реализмъ есть отчаяніе, самооскопленіе, вотъ почему онъ упрощеніе.

Но матеріялизмъ, съ своей стороны, есть послѣдняя изъ системъ послѣдней эпохи: онъ царствуетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ же реализмъ не съумѣетъ и ему твердо сказать свое скептическое слово. За скептицизмомъ и реализмомъ обыкновенно слѣдѣетъ возрожденіе: одни люди переходятъ къ новымъ идеальнымъ системамъ, у другихъ является пламенный поворотъ къ религіи. Такъ было въ древности; такъ было въ началѣ нашего вѣка, послѣ реализма и матеріялизма XVIII столѣтія.

И метафизика и религія остаются реальными силами, дѣйствительными, несокрушимыми, потребностями человѣчества.

Тому же закону подчинены и государственные организмы, и цѣлые культуры міра. И у нихъ очень ясны эти три періода: первичной простоты, цвѣтущей сложности и вторичнаго смѣсительнаго упрощенія. Объ нихъ я повторю особо, дальше.

ГЛАВА VII.

О государственной формѣ.

Я кончилъ предыдущую главу слѣдующей мыслью.

«Тріединый процессъ: 1) первоначальной простоты, 2) цвѣтущаго объединенія и сложности, и 3) вторичнаго смѣсительнаго укрощенія, свойственъ, точно также, какъ и всему существующему, и жизни человѣческихъ обществъ, государствамъ и цѣлымъ культурнымъ мірамъ.»

Развитіе Государства сопровождается постоянно выясненіемъ, обособленіемъ, свойственной ему, политической формы; паденіе выражается разстройствомъ этой формы, большей общностью съ окружающимъ.

Прежде всего спрошу себя: «Что такое форма?»

Форма вообще есть выраженіе идеи, заключенной въ ма-

теріи (содержаніи). Она есть отрицательный моментъ явленія, матерія—положительный. Въ какомъ это смыслѣ? Матерія, на пр., данная намъ, есть стекло, форма явленія—стаканъ, цилиндрическія сосудъ, полый внутри; тамъ, гдѣ кончается стекло, тамъ, гдѣ его уже нѣтъ, начинается воздухъ вокругъ, или жидкость внутри, сосуда; дальше матерія стекла не можетъ идти, не смѣетъ, если хочетъ остаться вѣрна основной идеѣ своей полаго цилиндра, если не хочетъ перестать быть стаканомъ.

Форма есть деспотизмъ внутренней идеи, не дающій матеріи разбѣгаться. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибнетъ.

Шарообразная, или эллиптическая, форма, которую принимаетъ жидкость при нѣкоторыхъ условіяхъ, есть форма, есть деспотизмъ внутренней идеи.

Кристаллизація есть деспотизмъ внутренней идеи. Одно вещество должно, при извѣстныхъ условіяхъ, оставаясь само собою, кристаллизоваться призмами, другое октоэдрами и т. п.

Иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются.

Растительная и животная морфологія есть также не что иное, какъ наука о томъ, какъ оливка не смѣетъ стать дубомъ, какъ дубъ не смѣетъ стать пальмой и т. д.; имъ съ зерна предуставлено имѣть такія, а не другія, листья, такіе, а не другіе, цвѣты и плоды.

Человѣкъ, высѣкая изъ камня, или выливая изъ бронзы (изъ матеріи), статую, человѣкъ, вытачивая изъ слоновой кости шаръ, склеивая и сшивая изъ лоскутковъ искуственный цвѣтокъ, влагаетъ извнѣ въ матерію свою идею, подкарауленную имъ у природы.

Устроивая машину, онъ дѣлаетъ то же. Машина рабски повинуется, отчасти идеи, вложенной въ нее извнѣ человѣческой мыслью, отчасти своему внутреннему закону, своему физико-химическому строю, своей физико-химической основной идеѣ. Нельзя, на пр., изъ льда сдѣлать такую прочную машину, какъ изъ мѣди и желѣза.

Съ другой стороны изъ камня нельзя сдѣлать такой естественный цвѣтокъ, какъ изъ бархата, или кисеи.

Тотъ, кто хочетъ быть истиннымъ реалистомъ именно тамъ, гдѣ нужно, тотъ долженъ бы разсматривать и общества чело-

вѣческія съ подобной точки зрѣнія. Но обыкновенно дѣлается не такъ. Свобода, равенство, права, благоденствіе (особенно это благоденствіе!), принимаются какими-то догматами вѣры, и увѣряютъ, что это очень раціонально и научно!

Да кто же сказалъ, что это правда?

Соціяльная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытомъ вѣковъ и примѣрами той же простой вещи, что между эгалитарно-либеральнымъ поступательнымъ движеніемъ и идеей развитія нѣтъ ничего логически родственнаго, даже болѣе: эгалитарно-либеральный процессъ есть антитеза процессу развитія. При послѣднемъ внутренняя идея держитъ крѣпко общественный матеріялъ въ своихъ организующихъ, деспотическихъ объятіяхъ, и ограничиваетъ его разбѣгающіяся, расторгающія, стремленія.

Прогрессъ же, борющійся противу всякаго деспотизма: сословій, цеховъ, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, какъ процессъ разложенія, процессъ того вторичнаго укрощенія цѣлаго и смѣшенія составныхъ частей, о которомъ я говорилъ выше, процессъ сглаживанія морфологическихъ очертаній, процессъ уничтоженія тѣхъ особенностей, которыя были органически (т. е., деспотически) свойственны общественному тѣлу.

Явленія эгалитарно-либеральнаго прогресса схожи съ явленіями горѣнія, гніенія, таянія льда, менѣе воды свободнаго, ограниченнаго кристаллизаціей; они сходны съ явленіями, на пр., холернаго процесса, который постепенно обращаетъ весьма различныхъ людей, сперва въ болѣе однообразные трупы (равенство), потомъ въ совершенно почти схожіе (равенство), еще большіе, остовы, и наконецъ, въ свободные (относительно, конечно): азотъ, водородъ, кислородъ и т. д.

(On est debordé, говорятъ многіе, это дѣло другое. On est debordé и холерой. Но по чему же холеру не назвать по имени? За чѣмъ ее звать молодостью, возрожденіемъ, развитіемъ, организаціей?).

При всѣхъ этихъ процессахъ гніенія, горѣнія, таянія, холернаго поступательнаго движенія, замѣтны однѣ и тѣ же общія явленія:

а. Утрата особенностей, отличавшихъ дотолѣ деспоти-

чески сформированнаго цѣлаго дерева, животнаго, цѣлой ткани, цѣлаго кристалла и т. д.

б. Большее, противу прежняго, сходство составныхъ частей, большее внутреннее равенство, большее однообразіе состава и т. п.

в. Утрата прежнихъ строгихъ морфологическихъ очертаній: все сливается, все свободнѣе и ровнѣе.

Итакъ, какое дѣло честной, исторической реальной наукѣ до неудобствъ, до потребностей, до деспотизма, до страданій?

Къ чему эти не научныя сентиментальности, столь выдохшіяся въ наше время, столь прозаическія въ добабокъ, столь бездарныя? Что мнѣ за дѣло въ подобномъ вопросѣ до самихъ стоновъ человѣчества?

Какое научное право я имѣю думать о конечныхъ причинахъ, о цѣляхъ, о благоденствіи, на пр., прежде серьезнаго, долгаго и бестрастнаго, изслѣдованія?

Гдѣ эти не догматическія, безстрастныя, скажу даже, въ прогрессивномъ отношеніи, безнравственныя изслѣдованія? Гдѣ они? Они существуютъ, положимъ, хотя и весьма не совершенныя еще, но только именно не для демократовъ, не для прогрессистовъ.

Какое мнѣ дѣло, въ болѣе, или менѣе, отвлеченномъ изслѣдованіи не только до чужихъ, но и до моихъ собственныхъ неудобствъ, до моихъ собственныхъ стоновъ и страданій?

Государство есть, съ одной стороны, какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоему таинственному, независящему отъ насъ, деспотическому повелѣнію внутренней, вложенной въ него, идеи. Съ другой стороны, оно есть машина и, сдѣланная людьми полусознательно, и содержащая людей, какъ части, какъ колеса, рычаги, винты, атомы, и наконецъ, машина, выработывающая, образующая, людей. Человѣкъ въ Государствѣ есть въ одно и то же время и механикъ, и колеса, или винтъ, и продуктъ общественнаго организма.

На которое бы изъ Государствъ древнихъ и новыхъ мы ни взглянули, у всѣхъ найдемъ одно и то же общее: простоту и однообразованіе въ началѣ, больше равенства и больше сво-

боды (по крайней мѣрѣ фактической, если не юридической, свободы), чѣмъ будетъ послѣ. Закрывши книгу на второй, или третьей, главѣ, мы находимъ, что всѣ начала довольно схожи, хоть и не совсѣмъ.

Взглянувъ на растеніе, выходящее изъ земли, мы еще не знаемъ хорошо, что изъ него будетъ. Различіе слишкомъ мало. Потомъ мы видимъ большее, или меньшее, укрѣпленіе власти, болѣе глубокое, или менѣе рѣзкое (смотря по задаткамъ первоначальнаго строенія), раздѣленіе сословій, большее разнообразіе быта и разнохарактерность областей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается, съ одной стороны, богатство, съ другой бѣдность, съ одной стороны рессурсы наслажденія разрообразятся, съ другой разнообразіе и тонкость (развитость) ощущеній и потребностей порождаютъ больше страданій, больше грусти, больше ошибокъ и больше великихъ дѣлъ, больше поэзіи и больше комизма, подвиги образованныхъ.—Ѳемистокла, Ксенофонта, Александра, крупнѣе и симпатичнѣе простыхъ и грубыхъ подвиговъ Одиссеевъ и Ахилловъ. Являются Софоклы, появляются и Аристофаны являются вопли Корнелей и смѣхъ Мольеровъ. У иныхъ Софоклъ и Аристофанъ, Корнель и Мольеръ, сливаются въ одного Шекспира, или Гёте.

Вообще въ эти сложныя цвѣтущія эпохи есть какая бы то ни было аристократія, политическая, съ правами и положеніемъ, или только бытовая (т. е.) только съ положеніемъ безъ рѣзкихъ правъ или еще чаще стоящая на грани политической и бытовой. Эвпатриды Аѳинъ, феодальные Сатрапы Персіи, Оптиматы Рима, Маркизы Франціи, Лорды Англіи, Воины Египта, Спартіяты Лаконіи, знатные Дворяне Россіи, Паны Польши, Беи Турціи.

Въ то же время, по внутренней потребности единства, есть наклонность и къ единоличной власти, которая по праву, или только по факту, но всегда крѣпнетъ въ эпоху цвѣтущей сложности. Являются великіе замѣчательные Диктаторы, Императоры, Короли, даже хоть геніальные Демагоги и Тираны (въ Древне-Еллинскомъ смыслѣ): Периклы, Ѳемистоклы и т. п.

Между Перикломъ диктакторомъ, фактическимъ и законнымъ самодержцемъ по наслѣдству и религіи, помѣщается цѣлая лѣстница разнообразныхъ единоличныхъ властительствъ, въ которыхъ ощущается потребность вездѣ въ сложныя и цвѣту-

щія эпохи, для объединенія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ общественно-реальныхъ силъ, полныхъ жизни и броженія.

Провинціи въ это время также всегда разнообразны по быту, правамъ и законамъ. Дерево выразило вполнѣ свою внутреннюю морфологическую идею...

А страданія? Страданія сопровождаютъ одинаково и процессъ роста и развитія, и процессъ разложенія.

Все болитъ у древа жизни людской...

Болитъ начальное прозябаніе зерна. Болятъ первые всходы; болитъ ростъ стебля и ствола, развитіе листьевъ и распусканіе пышныхъ цвѣтовъ; аристократіи и искуства сопровождаются стонами и слезами. Болятъ одинаково эгалитарный быстрый процессъ гніенія и процессъ медленнаго высыханія, застоя, нерѣдко предшествующій эгалитарному процессу. Боль для соціяльной науки, это самый послѣдній изъ признаковъ, самый неуловимый; ибо онъ субъективенъ, и вѣрная статистика страданій, точная статистика чувствъ, не возможна будетъ до тѣхъ поръ, пока для чувствъ радости, равнодушія и горя, не изобрѣтутъ какое ни будь графическое изображеніе, какое ни будь объективное мѣрило, подобно тому, какъ, вовсе неожиданно, открыли, что спектральный анализъ можетъ обнаружить просто, въ моей комнатѣ, химическій составъ небесныхъ тѣлъ, отдаленныхъ на безконечныя отъ меня пространства!

Раскройте медицинскія книги, о друзья реалистовъ, и вы въ нихъ найдете, до чего музыкальное, субъективное мѣрило боли считается маловажнѣе суммы всѣхъ другихъ, пластическихъ, объективныхъ, признаковъ; картина организма, являющаяся передъ очами врача-физіолога, вотъ что важно, а не чувство не понимающаго и подкупленнаго больного! Ужасныя невралгіи, приводящія больныхъ въ отчаяніе, не мѣшаютъ имъ жить долго и совершать дѣла, а тихая, почти безболѣзненная, гангрена сводитъ ихъ въ гробъ въ нѣсколько дней.

Вмѣсто того, чтобы, или наивно, или нечестно, становиться въ виду какого-то конечнаго блага, на разныя предвзятыя точки зрѣнія, коммунистическую, демократическую, либеральную, консервативную и т. д., научнѣе было бы подвергать всѣ одинаковой, безстрастной, безжалостной, оцѣнкѣ, и если бы итогъ вышелъ либо либеральный, либо охранительный, либо сословный, либо

безсословный, то не мы, такъ сказать, были бы виноваты, а сама наука.

Статистики нѣтъ ни какой для субъективнаго блаженства отдѣльныхъ лицъ; никто не знаетъ, при какомъ правленіи люди живутъ пріятнѣе. Бунты и революціи мало доказываютъ въ этомъ случаѣ. Многіе веселятся бунтомъ. Современные намъ Критяне, на пр., жили положительно лучше хоть бы Ѳракійскихъ Болгаръ и Грековъ, и несравненно веселѣе и пріятнѣе небогатыхъ жителей какихъ бы то ни было большихъ городовъ. Человѣкъ добросовѣстный, живой, неподкупленный политикой, не слѣпой, наконецъ, былъ пораженъ цвѣтущимъ видомъ Критянъ, ихъ красотой, здоровьемъ, скромной чистотою ихъ жилищъ, ихъ прелестной, честной, семейной жизнью, пріятной самоувѣренностью и достоинствомъ ихъ походки и пріемовъ... И вотъ они, прежде другихъ Турецкихъ подданныхъ, возстали, воображая себя самыми несчастными, тогда какъ Ѳракійскіе Болгары и Греки жили гораздо хуже и, терпя тогда несравненно больше личныхъ обидъ и притѣсненій, и отъ дурной полиціи, и отъ собственныхъ лукавыхъ старшинъ, однако они не возставали, а Болгарскіе старшины, тѣ даже подавали Султану адресы, и хотѣли оружіемъ поддерживать его противу Критянъ.

Никакой нѣтъ Статистики для опредѣленія, что въ республикѣ жить лучше частнымъ лицамъ, чѣмъ въ монархіи, въ ограниченной монархіи лучше, чѣмъ въ неограниченной, въ эгалитарномъ государствѣ лучше, чѣмъ въ сословномъ, въ богатомъ лучше, чѣмъ въ бѣдномъ. По этому, отстраняя мѣрило благоденствія, какъ недоступное еще современной соціяльной наукѣ (быть можетъ, какъ и всегда, невѣрное и малопригодное), гораздо безошибочнѣе будетъ обратиться къ объективности, къ картинамъ, и спрашивать себя, нѣтъ ли какихъ ни будь всеобщихъ и весьма простыхъ законовъ для развитія и разложенія человѣческихъ обществъ?

И если мы не знаемъ, возможно ли всеобщее царство блага, то, по крайней мѣрѣ, постараемся дружными усиліями постичь, по мѣрѣ нашихъ средствъ, что пригодно для блага того, или другого, частнаго Государства. Чтобы узнать, что организму пригодно, надо, прежде всего, ясно понять самый организмъ. Для гигіены и лѣченія нужна прежде всего физіологія.

Форма (сказалъ я выше) есть выраженіе внутренней идеи

на поверхности содержанія. Идея шара, на пр., есть равное разстояніе всѣхъ точекъ поверхности отъ центра. Развѣ не выражается эта идея на поверхности шара, развѣ не она придаетъ кости, дереву, каплѣ, расплавленному небесному тѣлу и т. д., вообще содержанію, матеріи, эту форму?

Разумѣется, въ такомъ простомъ явленіи, какъ шаръ, это ясно; а въ такомъ сложномъ явленіи, какъ человѣческое общество, оно не такъ ясно.

Но тѣмъ не менѣе основа метафизическая одна и та же и для маленькаго шара и для великаго Государства.

Государственная форма у каждой націи, у каждаго общества, своя; она въ главной основѣ неизмѣнна до гроба историческаго, но мѣняется быстрѣе, или медленнѣе, въ частностяхъ, отъ начала до конца.

Вырабатывается она не вдругъ и не сознательно сначала; не вдругъ понятна; она выясняется лишь хорошо въ ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшаго единства, за которой постоянно слѣдуетъ, рано, или поздно, частная порча этой формы, и за тѣмъ разложеніе и смерть.

Такъ государственная форма древняго Египта была рѣзко-сословная монархія, вѣроятно, глубоко ограниченная Греческой аристократіей и вообще религіозными законами.

Персія была, по видимому, болѣе феодальнаго, рыцарскаго происхожденія; но феодальность ея сдерживалась безграничнымъ въ принципѣ Паризмомъ, земнымъ выраженіемъ добра, Ормузда.

Исторія Греціи и Рима больше обработана, и по тому на нихъ все это еще яснѣе.

Аѳины именно въ цвѣтущій періодъ выработали свойственную имъ государственную форму.

Это—демократическая республика, однако съ привилегіями, съ Эвпатридами, съ денежнымъ цензомъ, съ рабами и, наконецъ, съ наклонностью къ фактической, неузаконенной, непрочной диктатурѣ Перикловъ, Пизистратовъ, Ѳемистокловъ и т. д.

Форма эта, которой естественные залоги хранились, конечно, въ самихъ нравахъ и обстоятельствахъ, выработалась именно въ цвѣтущій сложный періодъ, отъ Солона до Пелопоннизской войны. Во время этой войны началась порча, начался эгалитарный прогрессъ.

Свободы было и безъ того много: захотѣлось больше равенства.

Спарта, отъ эпохи Ликурга до униженія Спарты Ѳиванцами, выработала также свою, чрезвычайно оригинальную, стѣснительную и деспотическую, форму аристократическаго республиканскаго коммунизма съ двумя наслѣдственными президентами.

Форма эта была несравненно стѣснительнѣе, деспотичнѣе Аѳинской, и по этому жизни и творчества въ Аѳинахъ было больше, а въ Спартѣ меньше, но за то Спарта была сильнѣе и долговѣчнѣе.

Всѣ остальныя Государства Греческаго міра колебались, вѣроятно, между Дорической формой Спарты и Іонійской формой Аѳинъ. Потребность формы, стѣсненія, деспотизма, дисциплины, исходящей изъ нуждъ самосохраненія, была и въ этомъ распущенномъ и раздробленномъ Еллинскомъ мірѣ, такъ велика, что во многихъ Государствахъ демократическаго характера (т. е., вѣроятно, тамъ, гдѣ выразился слабѣе деспотизмъ сословный) вырабатывалась тиранія, т. е., дисциплина единоличной власти. (Поликратъ, Пеліандръ, Діонисій Сиракузскій и др.).

Феодализмъ сельскій, помѣщичій или рыцарскій, былъ, по видимому, всегда ничтоженъ въ Елладѣ, почти такъ же, какъ и въ Римѣ; всѣ аристократіи Еллады и Рима имѣли городской характеръ; всѣ онѣ были, такъ сказать, муниципальнаго происхожденія.

Исторія Македоніи очень бѣдна и свѣдѣній о первоначальной организаціи Македонскаго Царства у насъ сравнительно мало. Но нѣкоторые историки полагаютъ, что у Македонянъ былъ феодализмъ выраженъ сильнѣе муниципальности (и дѣйствительно о городахъ Македонскихъ почти нѣтъ и рѣчи, а все слышно лишь о Царяхъ и ихъ дружинѣ и Генералахъ Александра).

Ослабѣвшій Еллинскій муниципальный міръ, соединившись потомъ съ другой неясной, не развитой, вѣроятно, феодальностью Македонянъ, дошелъ до мгновеннаго государственнаго единства при Филиппѣ и Александрѣ, и только тогда сталъ въ силахъ распространять свою цивилизацію до самой Индіи и внутренней Африки. Опять таки значитъ, для наибольшаго величія и силы оказалась нужной большая сложность формы—сопряженіе аристократіи съ монархіей.

Цвѣтущій періодъ Рима надо считать, я полагаю, со временъ Пуническихъ войнъ до Антониновъ приблизительно.

Именно въ это время выработалась та муниципальная, избирательная, диктатура, императорство, которое такъ долго дисциплинировало Римъ и послужило еще потомъ и Византіи.

То же самое мы видимъ и въ Европейскихъ Государствахъ.

Италія, возросшая на развалинахъ Рима, около эпохи возрожденія, и раньше всѣхъ другихъ Европейскихъ Государствъ, выработала свою государственную форму, въ видѣ двухъ самыхъ крайнихъ антитезъ—съ одной стороны высшую централизацію, въ видѣ государственнаго папства, объединявшаго весь Католическій міръ далеко внѣ предѣловъ Италіи, съ другой же, для самой себя, для Италіи собственно, форму крайне децентрилисованную, муниципально-аристократическихъ малыхъ Государствъ, которыя постоянно колебались между олигархіей (Венеція и Генуя) и монархіей (Неаполь, Тоскана и т. д.).

Государственная форма, прирожденная Испаніи, стала ясна нѣсколько позднѣе. Это была монархія самодержавная и аристократическая, но провинціяльно мало сосредоточенная, снабженная мѣстными и отчасти сословными вольностями и привилегіями. Нѣчто среднее между Италіей и Франціей. Эпоха Карла V и Филиппа II есть эпоха цвѣта.

Государственная форма, свойственная Франціи, была въ высшей степени централизованная, крайне сословная, но самодержавная монархія. Эта форма выяснилась постепенно отъ Людовика XI, Франциска I, Решилье и Людовика XIV, исказилась она въ 89 году.

Государственная форма Англіи была (и отчасти есть до сихъ поръ) ограниченная, менѣе Франціи, въ началѣ сословная, децентрализованная, монархія или, какъ другіе говорятъ, аристократическая республика съ наслѣдственнымъ президентомъ. Эта форма выразилась почти одновременно съ Французской при Генрихѣ VIII, Елисаветѣ и Вильгельмѣ Оранскомъ.

Государственная форма Германіи была (до Наполеона I-го и до годовъ 48 и 71) слѣдующая: союзъ Государствъ небольшихъ, отдѣльныхъ, сословныхъ, болѣе, или менѣе, самодержавныхъ, съ избраннымъ Императоромъ, сюзереномъ (не муниципальнаго, а феодальнаго, происхожденія).

Всѣ эти, уже выработанные ясно, формы начали постепенно мѣняться, у однихъ съ XVIII столѣтія, у другихъ въ XIX вѣкѣ. Во всѣхъ открылся эгалитарный и либеральный процессъ.

Можно вѣрить, что польза есть отъ этого какая ни будь общая для Вселенной, но уже ни какъ не для сохраненія долгаго самихъ, этихъ отдѣльныхъ государственныхъ, міровъ.

Реакція не по тому неправа, что она не видитъ истины, нѣтъ! Реакція вездѣ чуетъ эмпирически истину: отдѣльныя ячейки, волокна, ткани и члены организма, стали сильнѣе въ своихъ эгалитарныхъ порывахъ, чѣмъ власть внутренней организующей, деспотической идеи.

Атомы шара не хотятъ болѣе составлять шаръ. Ячейки в волокна надрубленнаго и высыхающаго дерева—здѣсь горятъ, тамъ сохнутъ, тамъ гніютъ—восхваляя простоту новой организаціи и не замѣчая, что это упрощеніе есть ужасный моментъ перехода къ неорганической простотѣ, свободной воды, безжизненнаго праха, не кристаллизованной, растаявшей, или растолченной, соли.

До временъ Цезаря, Августа, Св. Константина, Франциска I, Людовика XIV, Вильгельма Оранскаго, Питта, Фридриха II, Перикла, до Кира, или Дарія Гистаспа и т. п., всѣ прогрессисты правы, всѣ охранители неправы. Прогресситы тогда ведутъ націю и государство къ цвѣтенію и росту. Охранители тогда ошибочно не вѣрятъ ни въ ростъ, ни въ цвѣтеніе, или не любятъ этого цвѣтенія и роста, не понимаютъ ихъ.

Послѣ цвѣтущей и сложной эпохи, какъ только начинается процессъ вторичнаго упрощенія и смѣшенія контуровъ, т. е., большее однообразіе областей, смѣшеніе сословій, подвижность и шаткость властей, приниженіе религіи, сходство воспитанія и т. п., какъ только деспотизмъ морфологическаго процесса слабѣетъ, такъ, въ смыслѣ государственнаго блага, всѣ прогрессисты становятся неправы въ теоріи, хотя и торжествуютъ на практикѣ. Они неправы въ теоріи; ибо, думая исправлять, они разрушаютъ; они торжествуютъ на практикѣ; ибо идутъ легко по теченію, стремятся по наклонной плоскости. Они торжествуютъ, они имѣютъ громкій успѣхъ.

Всѣ охранители и друзья реакціи правы въ теоріи, когда начнется процессъ вторичнаго упрощенія; ибо они хотятъ лѣчить и укрѣплять организмъ. Не ихъ вина, что они не надолго

торжествуютъ; не ихъ вина, что нація не умѣетъ уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой въ нѣдрахъ ея.

Они все таки дѣлаютъ свой долгъ и, сколько могутъ, замедляютъ разложеніе, возвращая націю, иногда и насильственно, къ культу создавшей ее государственности.

До дня цвѣтенія лучше быть парусомъ, или паровымъ котломъ; послѣ этого невозвратнаго дня достойнѣе быть якоремъ, или тормазомъ, для народовъ, стремящихся внизъ подъ крутую гору, стремящихся нерѣдко наивно, добросовѣстно, при кликахъ торжества и съ распущенными знаменами надеждъ, до тѣхъ поръ, пока какой ни будь Седанъ, Херонея, Арбеллы, какой ни будь Аларихъ, Магометъ II, или зажженный петролеемъ Парижъ не откроетъ имъ глаза на настоящее положеніе дѣлъ. [16]

---

[16] Я предвижу еще одно возраженіе: я знаю, мнѣ могутъ сказать, что предъ концомъ культурной жизни и предъ политическимъ паденіемъ государствъ замѣтнѣе смѣшеніе, чѣмъ упрощеніе. И въ древности, и теперь. Но, во первыхъ, самое смѣшеніе есть уже своего рода упрощеніе картины, упрощеніе юридической ткани и бытовой узорности. Смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ ведетъ къ сѣрому, или бѣлому. А главное основаніе вотъ гдѣ. Я спрашиваю: просты ли нынѣшніе Копты, потомки Египтянъ, Арабы Сиріи? просты ли были pagani, сельскіе идолопоклонники, которые держались еще, послѣ паденія и исчезновенія, Еллины Римской религіозности и культуры въ высшихъ слояхъ общества? Просты ли были Христіане Греки подъ Турецкимъ игомъ до возстанія 20 годовъ? Просты ли Гебры, остатки огнепоклонниковъ культурнаго Персо-Мидійскаго міра?

Конечно, всѣ перечисленные люди, общины и народные остатки, несравненно проще, чѣмъ были люди, общины, націи, въ эпоху цвѣта Египта, Калифата, Греко-Римской цивилизаціи, чѣмъ Персы во времена Дарія Гистаспа, или Византійцы во времена Іоанна Златоуста. Люди проще лично, по мыслямъ, вкусамъ, по несложности сознанія и потребностей; общины и цѣлые національные, или религіозные, остатки проще по тому, что люди въ ихъ средѣ всѣ очень сходны и равны между собою. Итакъ прежде смѣшеніе и нѣкоторая степень вторичнаго упрощенія, потомъ смерть своеобразной культуры въ высшихъ слояхъ, или гибель государства, и наконецъ переживающая государственность, вторичная простота національныхъ и религіозныхъ остатковъ.

ГЛАВА VIII.

О долговѣчности государствъ.

Возвращусь теперь къ тому, о чемъ я говорилъ мимоходомъ въ 1-й главѣ: о долговѣчности государствъ и культуръ.

Я сказалъ тогда, что найбольшая долговѣчность государдарственныхъ организмовъ, это 1000 или много 1200 съ небольшимъ лѣтъ.

Культуры же, соединенныя съ государствами, большею частію переживаютъ ихъ. Такъ, на пр., Еллинская образованность и Еллинская религія боролись съ Христіянствомъ еще долго при Византійскихъ Императорахъ, тогда какъ послѣднія черты Еллинской государственности стерлись еще до Р. Х., отчасти во времена Римскаго Тріумвирата, отчасти еще прежде.

Религія Индусовъ и связанный съ ней бытъ живутъ давно безъ государства и въ наше время, не поддаваясь Англичанамъ.

Византіи, какъ государства, нѣтъ давно, а нѣкоторые Византійскіе уставы, понятія, вкусы и обычаи даже подъ Турецкимъ владычествомъ отстаиваютъ себя до сихъ поръ отъ натиска космополитическаго Европеизма. Въ семейной жизни, въ разговорахъ, въ литературѣ, въ постройкахъ, въ одеждахъ, во взглядахъ на приличія, на Востокѣ еще много Византійскаго. Уваженіе къ званію, къ должности, къ положенію, здѣсь гораздо замѣтнѣе, чѣмъ уваженіе къ роду, и у Турокъ, и у Грековъ, и у Славянъ, и у Армянъ, почти одинаково. Только у однихъ Албанцевъ феодальное чувство личности и рода чуть, чуть замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ.

Въ самомъ церковномъ вопросѣ, если забыть объ интересахъ и увлеченіяхъ, а смотрѣть, для ясности, на людей и націи, какъ на орудія идей и началъ, увидимъ, что Греки олицетворяютъ собою въ этой борьбѣ Византійское начало, Византійскія идеи, подчиненія народа въ церковныхъ дѣлахъ духовенству, а Болгары—ново-Еврейское демократическое начало личныхъ и собирательныхъ правъ. Греки олицетворяютъ въ этой борьбѣ авторитетъ организованной, а не личной и своевольной, религіи, а Болгары суверенитетъ самоопредѣляющагося народа. (Я думаю, что ни другъ, ни врагъ Болгаръ, не можетъ оспаривать этого даннаго или, лучше сказать, этого объясненія).

Итакъ, дѣло теперь не о культурахъ вообще, а лишь о государствахъ, о долговѣчности юридическихъ организмовъ, производящихъ, отдѣляющихъ эти культуры, или отчасти производимыхъ ими.

Начнемъ съ древняго Юго-Востока, и мы найдемъ то, что намъ нужно, даже во всякомъ учебникѣ:

I. Египетъ.

а. Государство Мемфиское, 900 лѣтъ.

(Отъ 3000 до Р. Х. до 2100, т. е., отъ Менеса до вторженія Гиксовъ).

б. Государство Гиксовъ, 510 лѣтъ.

(Отъ 2100 до 1580, т. е., до изгнанія Гиксовъ Тутмизисомъ).

в. Государство Өивское, 900 лѣтъ.

(Отъ 1580 или отъ Тутмизиса до Псамметиха, т. е., до 670 года; при этомъ я не беру еще въ разсчетъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя имѣетъ исторія о временномъ подчиненіи Өивъ Еѳіоптянамъ (Царь Тиррака около 700 годовъ и т. п.), изгнаннымъ въ 600 годахъ Додекархами. При такомъ разсчетѣ долговѣчность Өивскаго Государства сокращается еще болѣе и доходитъ лишь до какихъ ни будь 8 вѣковъ).

г. Государство Саисское, всего только 145 лѣтъ.

(Отъ Псамметиха (670 г.) до покоренія Персами Египта, т. е., до 525 года). Всего 145 лѣтъ!!! Что же такое случилось? Вѣроятно, кончилось развитіе, формація, и начался процессъ разложенія. Мы это увидимъ позднѣе. [7]

---

[7] Древній Египетъ и Китай могутъ, по видимому, своимъ примѣромъ опровергать ту мысль, что Государство живетъ вообще не болѣе 12 вѣковъ. Египту иные писатели приписываютъ огромную долговѣчность, около 40 вѣковъ, напр. У меня теперь подъ рукою статья Бюрнуфа (La science des religions) и еще книга Бюхнера: «L'homme selon la science,» въ которой тоже говорится о древности Египта и приводятся ссылки изъ многихъ ученыхъ. Бюрнуфъ говоритъ о Египтѣ вотъ что: «D'après des documens hiéroglyphiques, les croyances de l'Egypte ne semblent pas avoir été fixcés et systematisées avant la fin de la IV-e dynastie; elles durèrent jusqu' à la conquete de ce pays par Cambyse et à partir de ce temps elles tombèrent dans une decadance rapide.» О 40 вѣкахъ вѣроятныхъ онъ говоритъ дальше, Но, во 1-хъ, я не знаю, на сколько эта продолжительность принята всѣ-

II. Халдейскія и вообще Симитическія Государства:

а. Древній Вавилонъ вмѣстѣ съ Ассиріей (ибо исторія обыкновенно принимаетъ, что если полумиѳическій Немвродъ и существовалъ около 2100 до Р. Х., то все таки черезъ 100 лѣтъ послѣ него Нинъ (около 2000 лѣтъ до Р. Х.) соединилъ Ассирію и Вавилонъ въ одно Государство, которое существовало до смерти Сарданапала (т. е., до 606), 1394 года.

Разумѣется, не слѣдуетъ забывать, что лѣтосчисленіе это можетъ быть, по сравнительной бѣдности источниковъ, и неточно. Что значитъ, на пр., Нинъ около 2000 лѣтъ? Отнимите 190 лѣтъ, на пр., или 200, останется 1800 до Р. Х., и на долю этой первой Ассиро-Вавилонской государственности выпадетъ какъ разъ 12 вѣковъ, тѣ 12 вѣковъ, которые прожилъ классическій Римъ— вѣчный образецъ государственности.

б. Новѣйшій Вавилонъ всего 68 лѣтъ (отъ распаденія Ниневійскаго Царства въ 606 году до взятія Вавилона Киромъ въ 538 г. до Р. Х.).

в. Карѳагенъ, 734 года.

(Отъ Дидоны (880) до разрушенія города Римлянами, т. е., до 146 г. до Р. Х.).

г. Еврейское Государство.

Исходъ изъ Египта около 1500 лѣтъ до Р. Х.

Но я полагаю, что государственную жизнь Евреевъ надо

ии; во 2-хъ эти 4000 лѣтъ относятся къ цѣлой религіозной культурѣ, а не къ государственнымъ отдѣльнымъ единицамъ; въ 3-хъ, примѣръ Египетской государственности, принимая даже, что всѣ отдѣльныя, смѣнявшія другъ друга въ этой странѣ государства были очень сходны по строю, по формѣ, не можетъ служить опроверженіемъ тому, что вообще государства живутъ не болѣе 12 вѣковъ. Мы увидимъ ниже, что это такъ на Римѣ, Греціи, Персіи и. т. д. Египетъ древній долго былъ одинокъ, въ сторонѣ, онъ долго не имѣлъ соперниковъ. Его по этому трудно приравнивать по долговѣчности къ исторіи тѣхъ государствъ, которыя созидались позднѣе другъ за другомъ, и всѣ на тѣхъ же почти мѣстахъ, не на дѣвственной почвѣ, а на развалинахъ предыдущей государственности. Если бы наука доказала, что при вовсе другихъ условіяхъ диностеріумы, птеродактили, мегалосауры, жили очень долго, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что нынѣшній слонъ, нынѣшній левъ, или быкъ, могутъ столько же прожить. О Китаѣ я скажу дальше. Онъ тоже ничего не опровергаетъ своимъ примѣромъ.

считать не съ номадной жизни временъ Авраама, и даже не со дня пришествія Евреевъ въ Палестину; ибо это состояніе ихъ соотвѣтствуетъ, мнѣ кажется, состоянію Германскихъ народовъ во время, такъ называемаго, переселенія, состоянію Еллиновъ въ эпоху Троянской войны, вторженія Гераклидовъ, Римской исторіи въ эпоху догосударственную. Разница въ томъ, что объ Евреяхъ, на пр., и Германцахъ у насъ есть источники болѣе достовѣрные, а объ Еллинскихъ, и еще болѣе о Римскихъ, первоначальныхъ движеніяхъ нѣтъ такихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Итакъ, если считать начало Еврейской государственности со временъ Судей, то это приходится за 1300 лѣтъ до Р. Х.

Распаденіе царства на Израильское и Іудейское произошло за 980 лѣтъ до Р. Х.

Стало быть, отъ основанія до распаденія всего только 310 лѣтъ.

Отъ распаденія до перваго Ассирійскаго плѣненія (т. е., до паденія Израильскаго Царства) 260 лѣтъ.

Отъ распаденія до втораго или Вавилонскаго плѣненія (отъ 980 до 600 годовъ, послѣ битвы Навуходоносора съ Нехао, въ 404 году?) Іудеи прожили еще 376 лѣтъ.

Съ этой минуты Еврейское Государство утратило самостоятельность навсегда, и Палестина стала областью сперва Вавилона, потомъ Персіи, потомъ Греко-Македонскихъ Царствъ и наконецъ Римскаго Государства.

По этому, считая отъ Судей даже до конца болѣе долговѣчной Іудеи, мы получимъ отъ 1300 до 600 всего только 600 лѣтъ.

Ибо называть жизнь Евреевъ послѣ плѣненія жизнью государственной, это то же, если бы мы жизнь нынѣшней Грузіи, Польши, Чехіи, или Финляндіи, назвали такъ отъ того, что они еще имѣютъ свою физіономію, мѣстные, юридическіе и бытовые, оттѣнки.

Что касается до волненій времени Маккавеевъ, или до послѣдней борьбы Евреевъ противъ Римлянъ при Титѣ, то это были лишь возстанія подчиненныхъ, бунты, но государственности уже не было давно.

III. Персо-Мидяне.

Отъ Деіока, освободившаго Мидійское племя отъ владычества Ассиро-Вавилонскаго, т. е., отъ 707 до Александра Македонскаго или до сраженія при Арбеллахъ (въ 331 г. до Р. Х.)

И того только 376 лѣтъ первой Персо-Мидійской государственности.

По видимому, однако, Македонское завоеваніе было не очень глубоко, а религія Зороастра (Магеизмъ) была еще достаточно крѣпка; ибо Персидское Государство возродилось въ послѣдствіи съ той религіей, при вліяніи свѣжаго и, вѣроятно, родственнаго племени, Пареовъ, подъ династіями Арзасидовъ и Сасанидовъ, отъ 250 — 226 до Р. Х., до 636 по Р. Х., т. е., всего 886 лѣтъ.

Итакъ, если мы даже соединимъ всю Мидо-Персидскую и Пареянскую государственность въ одно цѣлое, не смотря на перерывъ, то выйдетъ отъ Деіока (отъ 707 до Р. Х.) до Царя Іезгерда, при которомъ царство Сасанидовъ было разрушено Мусульманами (въ 636 году по Р. Х.), 1262 года.

IV. Греческія Республики, Греко-Македонскія Царства, Греко-Скиѳскія, Греко-Сирійскія, Греко-Египетскія и т. д.

а. Аѳины отъ Кодра до Филиппа Македонскаго (1068 до 338), 730 лѣтъ.

б. Спарта отъ того же времени (ибо Кодръ былъ убитъ во время Дорическаго вторженія въ Аттику и Пелопоннисъ) до 188 г. или до сраженія при Мантинеѣ (208), гдѣ Филопеменъ, предводитель Ахейскаго Союза, побѣдилъ окончательно Спартанцевъ, или до (188 г.) уничтоженія узаконеній Ликурга, всего 880, или 860 лѣтъ.

в. Ѳивы. Основаніе Ѳиванской Республики, вѣроятно, около того же времени Дорійскихъ переселеній.

Паденіе ея, т. е., разрушеніе Ѳивъ Александромъ Македонскимъ въ 336 году до Р. Х. Всего 732 года.

г. Сиракузы, основаны въ 735 году; постепенное паденіе въ борьбѣ съ Карѳагеномъ вѣка за 3 до Р. Х. Присоединеніе Сициліи къ Риму въ 241 году, послѣ очищенія Сициліи отъ Карѳегенянъ. Всего 494 года.

Если же взять исторію всѣхъ Греческихъ Республикъ, отъ временъ баснословныхъ до Александра Македонскаго, то есть, отъ 1000 или отъ 1200 лѣтъ до Р. Х. (что будетъ очень много) до 320 годовъ, то выйдетъ и на всю, такимъ образомъ принятую, ихъ государственную жизнь 870 лѣтъ (пусть будетъ 900 даже).

д. Царство Сирійскихъ Селевкидовъ.

Отъ 320 годовъ, т. е., отъ распаденія кратковременной монархіи Александра до 64 года (Уничтоженіе царства Помпеемъ).

е. Пергамское Царство, отъ того же времени (отъ Александра) до 130 года, до присоединенія его къ Риму, подъ именемъ Азіи, около 200 или 130 лѣтъ, считая отъ смерти Александра, а отъ Эвмена I (263), гораздо менѣе—133 года.

ж. Египетское Царство Птолемеевъ, отъ того же времени (280) до присоединенія къ Риму въ 30 году. Итакъ менѣе 300 лѣтъ, около 250.

з. Македонское Царство, отъ самаго начала до распаденія Великой Александровой Монархіи, отъ основанія или отъ Александра I (498—454) до смерти Александра Великаго (до 323 года), 175 лѣтъ.

Отдѣльное же Македонское Царство, отъ распаденія до обращенія Метелломъ Македоніи въ Римскую провинцію, т. е., 148 года, только 185. И того 350 лѣтъ.

Теперь, если возмемъ всю государственную жизнь Еллинскую и Македонскую вмѣстѣ, и будемъ считать ея долготу весьма произвольно, снисходительно, съ самыхъ баснословныхъ и даже почти вовсе неизвѣстныхъ временъ, т. е., за 1100—1200 лѣтъ до Р. Х. и до присоединенія къ Риму Египта, самаго послѣдняго и счастливаго въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ тѣхъ Государствъ, гдѣ царила Еллино-Македонская образованность, то есть, до 30 г. передъ Р. Х., то у насъ получится опять классическая цифра около 1200 лѣтъ, около 12 вѣковъ.

V. Римъ. Въ этомъ Государствѣ разсчетъ легче. Оно было безпрерывно одно, отъ начала до конца. Здѣсь не было ни раздробленія и разновременности, какъ у Греко-Македонянъ, ни перерывовъ, какъ у Персо-Мидянъ.

Считая отъ полу-миѳическихъ временъ Ромула до Ромула-Августула и Одоакра, получаемъ:

отъ 753 г. до Р. Х.
до 476 г. по Р. Х. } 1229 лѣтъ.

Если же считать отъ временъ болѣе извѣстныхъ, то около 1000, не болѣе.

VI. Византія, отъ перенесенія столицы и торжества Христі-

янства до взятія Византіи Турками. Отъ 325 по Р. Х. до 1453— 1128 лѣтъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу о возрастѣ современныхъ Европейскихъ Государствъ, я нахожу необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Китаѣ.

Не знаю, имѣемъ ли мы право разсматривать исторію Китая, въ добавокъ, столь еще темную, какъ исторію одного Государства.

Китай справедливѣе, мнѣ кажется, разсматривать, какъ отдѣльный культурный міръ, вмѣстѣ съ Японіей и другими сосѣдними краями, какъ особый историческій міръ, стоявшій не на большой дорогѣ народовъ, подобно Государствамъ нашего Средиземнаго бассейна, и по тому, быть можетъ, долѣе сохранившейся въ своей отдѣльности и чистотѣ.

Къ тому же надо прибавить, что и въ немъ, по видимому, были смѣны государственныя, но эти смѣны или еще мало извѣстны и мало понятны намъ, или онѣ и въ самомъ дѣлѣ не представляютъ такихъ антитезъ и такого разнообразія, какія представляетъ преемственная картина Государствъ и цивилизацій вокругъ нашего Средиземнаго моря.

Тамъ, въ глубинѣ Восточной Азіи, жило и волновалось почти одно и то же племя долгіе вѣка; здѣсь, около насъ, сталкивалось множество народовъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ породамъ (рассамъ) и племенамъ: Арійскому, Симитическому, Еѳіопскому, Чудо-Тюркскому, Монгольскому и т. д.

Очень можетъ быть, повторяю, что и долголѣтнюю исторію Китайской гражданственности можно было бы, при болѣе точномъ изслѣдованіи, разложить на нѣсколько отдѣльныхъ государственныхъ періодовъ, по 1000, или 1200 лѣтъ.

Шесть тысячъ лѣтъ могутъ относиться къ общимъ племеннымъ воспоминаніямъ, а не къ той сформированной гражданственности, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Если же на такую сформированную гражданственность положить даже цѣлыхъ четыре тысячелѣтія, то эта цифра легко разложится на нѣсколько нормальныхъ государственныхъ періодовъ, по 1000 лѣтъ приблизительно каждый.

Объ Египтѣ я говорилъ уже прежде почти то же самое.

Я полагаю по этому, что ни Египетъ древній, ни современ-

ный Китай, не могутъ служить опроверженіемъ того, что въ нашихъ краяхъ, по крайней мѣрѣ и съ тѣхъ поръ, какъ у древняго Египта явились образованные соперники въ лицѣ Халдеевъ и Персо-Мидянъ, ни одно Государство больше 12 вѣковъ жить не можетъ.

Значительное же большинство Государствъ проживало гораздо меньше этого.

Демократическія Республики жили меньше аристократическихъ, Ѳивы меньше Спарты.

Болѣе сословныя Монархіи держались крѣпче менѣе сословныхъ и вознаграждались легко послѣ всякаго разгрома.

Такова была, по видимому, феодальная Персія Ахеменидовъ, возродившаяся послѣ погрома Македонскаго и пережившая своихъ минутныхъ побѣдителей на долгіе вѣка.

ГЛАВА IX.

О возрастѣ Европейскихъ Государствъ.

Съ какого вѣка мы будемъ считать образованіе Европейскихъ Государствъ?

Не уже ли считать исторію Франціи съ Хлодовига, т. е., съ V вѣка? Тогда Франція будетъ только одно изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ безпрерывно существующихъ до нынѣ съ того времени. Германія тогда была въ хаотическомъ состояніи и кой-какъ сколоченное Аріянское Царство Готовъ, разрушенное Хлодовигомъ, занимало значительную ея часть. Въ Англіи только въ IX вѣкѣ Эгбертъ принялъ названіе Короля Англіи. Въ Испаніи сначала долго господствовали Аравитяне, и будущіе Испанцы-Христіяне не значили еще почти ничего.

Италія была въ совершенномъ разгромѣ. Въ ней Готовъ смѣняли Вандалы. Воцарялся Герулъ Одоакръ; Одоакра убивалъ Готъ Теодорихъ и т. д.

Слѣды Аттилы были вездѣ еще свѣжи. Римъ Западный палъ всего за нѣсколько лѣтъ до крещенія Хлодовига.

Хлодовигъ къ тому же былъ еще чистый Германецъ, чистый Франкъ; съ Галло-Римскими элементами не произошло еще того слитія, которымъ началась исторія Франціи.

Предѣлы класть равно трудно вездѣ и при всѣхъ изслѣдованіяхъ. Предѣлы, границы, отличительные признаки, распредѣляющіе что бы то ни было на классы, роды, эпохи и какіе бы то ни было отдѣлы, всегда болѣе, или менѣе, искуственны. Естественность же пріема при распредѣленіи состоитъ именно въ томъ, что можно назвать наглядностью, художественнымъ, такъ сказать, тактомъ. Такъ дѣлаютъ и въ естественныхъ наукахъ.

На основаніи подобной-то наглядности я полагаю, что весь періодъ Европейской исторіи до Карла Великаго можно считать соотвѣтственнымъ: исторіи Греціи героическихъ временъ, Троянской войны, похода Аргонавтовъ; время Нибелунговъ соотвѣтствуетъ временамъ Гомера. Въ Римской исторіи этому періоду, мнѣ кажется, соотвѣтствуетъ время до основанія Рима, или, если угодно, и весь приготовительный періодъ первыхъ Царей. Разница только въ степени достовѣрности событій. Для исторіи смутнаго, приготовительнаго, времени Европы мы имѣемъ сравнительно много разнообразныхъ болѣе, или менѣе, достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Для исторіи приготовительнаго періода Еллады, у насъ есть только поэтическая истина Гомерическихъ стиховъ и т. п. Для первобытной исторіи Рима еще того меньше.

Простирая аналогію дальше, я думаю, что періодъ Еврейской исторіи отъ Моисея до Судей соотвѣтствуетъ опять тому же періоду странствій, вторженій, приготовительной, догосударственной, борьбы. Здѣсь опять мы имѣемъ, какъ для Европейской исторіи, свидѣтельства, которыя иные могутъ оспаривать, но которыя, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и ясны.

Халдеи временъ Немврода, Иранцы до временъ Астіага и Кира—не то ли же самое?

Вся разница: во первыхъ, повторяю, въ степени достовѣрности свидѣтельствъ, которыя мы имѣемъ объ этихъ приготовительныхъ эпохахъ, въ количествѣ и качествѣ подробностей, дошедшихъ до насъ; а во вторыхъ, въ тѣхъ наиболѣе существенныхъ прирожденныхъ, свойствъ, которыя имѣли при началѣ своего пробужденія къ исторической жизни различные народы и племена. Такъ, на примѣръ, характеръ жреческій, ѳеократическій

и вмѣстѣ родовой, преобладалъ у Евреевъ, муниципальный у Грековъ и Римлянъ, родственныхъ по происхожденію, сельско-аристократическій феодальный у Европейцевъ и, можетъ быть, у Иранцевъ.

Это чуть брезжущіе, въ первобытной простотѣ и безцвѣтности, отличительные признаки опредѣлили въ послѣдствіи весь характеръ ихъ исторіи. Такъ у Римлянъ и Грековъ и религія, и аристократія, и монархическое начало получили всѣ муниципальный, градской, оттѣнокъ. Въ Европѣ и аристократія и монархія получили характеръ феодальный; и тамъ больше, гдѣ было слабѣе вліяніе муниципальныхъ преданій Рима—въ Германіи, въ Англіи.

Сама свѣтская власть Папы и его духовное могущество косвенно опредѣлилось вліяніемъ Германскаго феодализма.

Геніяльный Гизо, въ своей «Исторіи Цивилизація,» и Пихлеръ, въ своей книгѣ: «Папство и Восточныя Церкви,» одинаково развиваютъ ту мысль, что на Востокѣ Императоръ былъ одинъ, аристократіи не было, централизація была сильна, и по тому Церковь могла еще опираться на этого Императора. Но что было дѣлать Римскому Епископу среди множества Западныхъ Князей, полу-царей, полу-вельможъ, полу-разбойниковъ, какъ не увеличивать сперва свою политическую независимость, для безкорыстнаго служенія Церкви, а позднѣе и стремиться уже къ власти и преобладанію?

Именно усиленіе власти Папы, разрывъ съ Византійскимъ Востокомъ, принятіе Карломъ Великимъ Императорскаго титула и набѣги Норманновъ (послѣднее явленіе, такъ называемое, переселеніе народовъ, по крайней мѣрѣ, на Западѣ), вотъ эпоха, съ которой впервые начинается ясно выдѣляться физіономія Западной Европы, съ одной стороны изъ Германскаго, приготовительнаго, хаоса, съ другой изъ общей, всему первоначальному Христіянству, Византійстой окраски.

Создавъ себѣ своего Кесаря, въ подражаніе Византіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на зло ей, Европа, сама того не подозрѣвая, вступала на совершенно иной путь.

IX и X вѣкъ по этому, а ни какъ не V, надобно считать началомъ собственно Европейской государственности, опредѣлившей постепенно и самый характеръ Западной культуры, этой новой всемірной цивилизаціи, замѣнившей и Еллино Римскую и Визан-

тійскую и почти современную послѣдней, непрочную цивилизацію Аравитянъ. [18]

Цивилизація Европейская сложилась изъ Византійскаго Христіянства, Германскаго рыцарства (феодализма), Эллинской эстетики и философіи, къ которымъ не разъ прибѣгала Европа для освѣженія, и изъ Римскихъ муниципальныхъ началъ.

Борьба всѣхъ этихъ четырехъ началъ продолжается и нынѣ на Западѣ. Муниципальное начало, городское (буржуазія), съ прошлаго вѣка побѣдило всѣ остальныя и исказило (или, если хотите, просто измѣнило) характеръ и Христіянства, и Германскаго индивидуализма, и Кесаризма Римскаго, и Эллинскихъ, какъ художественныхъ, такъ я философскихъ, преданій.

Вмѣсто Христіанскихъ загробныхъ вѣрованій и аскетизма явился земной гуманный утилитаризмъ; вмѣсто мысли о любви къ Богу и о спасеніи души, о соединеніи съ Христомъ, заботы о всеобщемъ практическомъ благѣ. Христіянство же настоящее представляется уже не божественнымъ, въ одно и то же время и отраднымъ и страшнымъ, ученіемъ, а дѣтскимъ лепетомъ, аллегоргіей, моральной басней, дѣльное истолкованіе которой есть економическій утилитаризмъ.

Аристократическія, пышныя наслажденія мыслящимъ сладострастіемъ, безполезной отвлеченной философіей и вредной изысканностью высокаго идеальнаго искуства, эти стороны Западной жизни, унаслѣдованныя ею или прямо отъ Еллады, или чрезъ посредство Рима временъ Лукулловъ и Горацієвъ, утратили также свои прежній барскій и царственный характеръ и пріобрѣли характеръ болѣе демократическій, болѣе доступный всякому, и по тому неизбѣжно и болѣе пошлый, некрасивый, и болѣе разрушительный, вредный для стараго строя. Личныя права каждаго, благоденствіе всѣхъ (перерожденіе, демократизація Германскаго индивидуализма, и Христіянская личная доброта, обращенная въ предупредительный безличный сухой утилитаризмъ) и здѣсь играютъ свою роль. «И я имѣю тѣ же права!» говоритъ всякій и по вопросу о наслажденіяхъ.

[18] Гизо предпочитаетъ считать начало Французской государственности еще позднѣйшимъ, съ Гуго Капета (987—996). Во всякомъ случаѣ я сказалъ IX и X вѣка.

Монархическая власть на Западѣ, вездѣ бывшая сочетаніемъ Германской феодальности съ Римскимъ Кесаризмомъ, повсюду ослаблена и ограничена силой муниципальной буржуазіи. Что касается до самого индивидуализма Германскаго, который дѣлалъ, что еще во времена Тацита Германцы предпочитали смерть тѣлесному наказанію, то это начало, служившее когда-то для дисциплины Европейской (ибо тогда оно было удѣломъ немногихъ, обуздывавшихъ всѣхъ остальныхъ), теперь стало достояніемъ каждаго, и аждый говоритъ: «Monsieur! Tous les hommes ont les mêmes droits!» (Вопросъ, что это: догматъ вѣры, или фактъ точной науки?)

Но, какъ бы то ни было, мы въ Исторіи Западной Европы видимъ вотъ что:

Начиная съ IX и приблизительно до XV, XVI и XVII и отчасти XVIII вѣковъ, она разнообразно и неравномѣрно развивается.

Со временъ Карла Великаго, съ IX и X вѣка, объединившаго, подъ своимъ скипетромъ, почти всю материковую Европу, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ и самыхъ южныхъ частей ея, опредѣляются приблизительнѣе прежняго будущія границы отдѣльныхъ Европейскихъ Государствъ. Католическая схизма выясняется рѣзче.

Вскорѣ по смерти Карла Великаго появились тѣ Норманы, которыхъ вмѣшательство въ Англіи, Италіи и Франціи, способствовало окончательному выясненію государственнаго строя, политической формы этихъ странъ. Норманы (именно тѣ Скандинавы Сѣвера), которыхъ недоставало Имперіи Карла, явились на югъ сами, чтобы выполнить этотъ недостатокъ, чтобы связать, своимъ вмѣшательствомъ, болѣе прежняго во едино по духу, всю Европу, отъ полярныхъ странъ до Средиземнаго моря.

Съ той поры частныя Европейскія Государства и общая Европейская цивилизація развиваются яснѣе, выразительнѣе.

Послѣ единой Персо-Мидійской цивилизаціи воцарилась въ мірѣ раздробленная Еллино-Македонская культура, эту смѣнила опять единая Римская; Византійская (Вселенская) была отчасти (въ восточной своей половинѣ) продолженіемъ единой Римской государственности, а отчасти на другой половинѣ таила въ нѣдрахъ своихъ новую, опять какъ Еллинская, но по своему разнообразную, Европейскую культуру.

Объединенная въ духѣ, въ идеалахъ собственно культуртурныхъ и бытовыхъ, но раздробленная въ интересахъ государственныхъ, Европа была тѣмъ разнообразнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гармоничнѣе; ибо гармонія не есть мирный униссонъ, а плодотворная, чреватая творчествомъ, борьба. Такова и гармонія самой внѣ-человѣческой природы, къ которой сами же реалисты стремятся свести и человѣческую жизнь.

Я не буду распространяться здѣсь объ юридическомъ, религіозномъ, областномъ, сословномъ, этнографическомъ, философскомъ и художественномъ, разнообразіи Европы со временъ возрожденія и до половины XVIII вѣка. Это извѣстно, и чтобы вспомнить это лучше, достаточно раскрыть любое руководство, или сочиненіе, о всеобщей Европейской исторіи, на пр., Вебера, Прево-Парадоля и другихъ.

Въ этомъ разнообразіи всѣ историки согласны; объ этомъ богатствѣ содержанія, сдержаннаго деспотическими формами разнородной дисциплины, всѣ одинаково свидѣтельствуютъ. Многіе писатели видятъ въ этомъ лишь зло; ибо они стоятъ не на реальной почвѣ равнодушнаго изслѣдованія, а на предвзятой какой ни будь точкѣ зрѣнія, свободолюбія, благоденствія, демократіи, гуманности. Они относятся къ предмету ненаучно и скептически, говоря: «что выйдетъ—не мое дѣло;» они судятъ все съ помощью конечной цѣли, конечной причины (запрещенной реалистамъ въ наукѣ), они имѣютъ направленіе, но факты остаются фактами, и каковы бы ни были пристрастія писателей, исторія даетъ у всѣхъ одно въ этомъ случаѣ явленіе развитія, процессъ постепеннаго осложненія картинъ, какъ обще-Европейской, такъ и частныхъ картинъ Франціи, Италіи, Англіи, Германіи и т. д.

Кого бы ни взяли: протестанта и консерватора Гизо, прогрессиста Шлоссера, раціоналиста и либерала Бокля, вига и эстетика Маколея, относительно нашего предмета, всѣ они окажутся согласными.

Тотъ же итогъ дадутъ намъ не только историки, но и романисты, и хорошіе и худые, и поэты и публицисты, и самые краткіе учебники, и самыя тяжелыя монографіи, и самые легкіе историческіе очерки. Тотъ же итогъ съ этой объективной реальной точки зрѣнія намъ дадутъ и Вальтеръ-Скоттъ, и Шекспиръ, и Александръ Дюма отецъ, и Гёте, и Дж. Ст.-Милль (см.

на до IX-го вѣка: она хочеть быть опять проста и смѣшанна въ XIX. Она прожила 1000 лѣтъ! Она не хочетъ болѣе морфологіи!

Весьма сходные между собою вначалѣ Кельто-Романскіе, Кельто-Германскіе, Романо-Германскіе, зародыши стали давно разнообразными, развитыми организмами, и мечтаютъ теперь стать опять сходными скелетами. Дубъ, сосна, яблоня и тополь, недовольны тѣми отличіями, которыя создались у нихъ въ періодъ цвѣтущаго осложненія, и которыя придавали столько разнообразія общей картинѣ Западнаго пышнаго сада; они сообща рыдаютъ о томъ, что у нихъ есть еще какая-то сдерживающая кора, какіе-то остатки обременительныхъ листьевъ и вредныхъ цвѣтовъ; они жаждутъ слиться въ одно, въ смѣшанное и упрощенное средне-пропорціональное, дерево.

«Организація есть страданіе, стѣсненіе: мы не хотимъ болѣе стѣсненія, мы не хотимъ сложной организаціи!»

Вездѣ одни и тѣ же болѣе, или менѣе, демократизированныя конституціи. Вездѣ Германскій раціонализмъ, Псевдо-Британская свобода, Французское равенство, Итальянская распущенность, или Испанскій фанатизмъ, обращенный на службу той же распущенности. Вездѣ гражданскій бракъ, преслѣдованія Католиковъ, вездѣ презрѣніе къ аскетизму, ненависть къ сословности и власти (не къ своей власти, а къ власти другихъ), вездѣ надежды слѣпыя на земное счастье и земное полное равенство.

Вездѣ ослѣпленіе фаталистическое, непонятное. Вездѣ реальная наука, и вездѣ не научная вѣра въ прогрессъ. Вмѣсто того, чтобы изъ примѣра 70 годовъ видѣть, что демократія вездѣ губительна, аристокритическая и піэтическая Пруссія безумно расплывается въ либеральной, растерзанной, рыхлой и невѣрующей, Все-Германіи; она забываетъ, что если раздробленіе было иногда вредно единству порядка, то за то же было и несподручно для единства анархіи. Однородные темпераменты, сходные организмы, легче заражаются одинаковыми эпидеміями!

ГЛАВА X.

Продолженіе того же.

Одинъ изъ предразсудковъ, наиболѣе сильныхъ въ наше время, есть убѣжденіе, что централизація безусловно вредна сама по себѣ.

Обыкновенно нападаютъ на централизацію Франціи.

Но несчастіе вовсе не въ самой централизаціи власти: несчастіе въ упрощеніи жизни, въ равенствѣ правъ, въ однообразіи субъективнаго эвдемоническаго (эгоистическаго) идеала и въ болѣе свободномъ чрезъ это столкновеніи интересовъ.

Чѣмъ однороднѣе темпераментъ, тѣмъ заразы опаснѣе.

Если разсматривать дѣло не съ точки блага всеобщаго, а съ точки зрѣнія государственнаго охраненія или порядка, то мы видимъ, что ни давняя централизація Франціи, ни раздробленность Германіи, или Италіи, ни провинціяльныя вольности прежней Испаніи, ни децентрализація Великобританской земли, ни разнородное горизонтальное разслоеніе всей прежней Европы, не помѣшали всѣмъ отдѣльнымъ Государствамъ Запада стоять долго неприкосновенными и сотворить многое множество великаго и безсмертнаго для всего человѣчества.

Не централизація власти гибельна для страны сама по себѣ; она спасительна, напротивъ, до тѣхъ поръ, пока почва подъ этой властью разнообразна; ибо безсознательное, или полусознательное: «Divide et impera», есть законъ природы, а не Езу-[illegible] и вредная низость, какъ думаютъ очень многіе люди на-[illegible]времени.

[illegible]а есть сословія, пока провинціи не сходны, пока вос-[illegible]различно въ разныхъ слояхъ общества, пока претензіи [illegible]оны, пока племена и религіи не уравнены въ общемъ [illegible]ѣтніи, до тѣхъ поръ власть большая, или меньшая, [illegible]ированная есть необходимость. И тогда, когда всѣ [illegible]и начали блѣднѣть и мѣшаться, централизація власти [illegible]пять таки единственнымъ спасеніемъ отъ дальнѣйшей [illegible]аціи жизни и ума.

[illegible]никогда не была такъ сосредоточена, какъ Франція, [illegible]ложеніе лучше?

Италія? Развѣ она крѣпка? Развѣ духъ ея плодучъ?

Развѣ не ясно, что видимый кой-какой порядокъ въ ней держится пока лишь жизнью двухъ лицъ: Пія IX и Виктора-Эммануила, который пользуется личной популярностью за тѣ кажущіяся услуги, которыя онъ фаталистически оказалъ народу?

Развѣ, взирая неподкупленнымъ глазомъ на бездарность, прозу, духовное безплодіе, этой лжевозрожденной Италіи, не приходитъ на умъ, что ея объединеніе свершилось какъ бы не съ цѣлію развитія сложнаго и обособленнаго въ единствѣ Итализма, а лишь для косвеннаго ослабленія Франціи и Австріи, для болѣе глубокаго разстройства охранительныхъ силъ Папизма, для облегченія дальнѣйшаго хода ко всеобщему Западному уравненію и смѣшенію?

А Соціялисты? Развѣ ихъ нѣтъ въ Италіи? Если шумный и мечтательный періодъ Соціялизма прошелъ, тѣмъ хуже! Значитъ, онъ гнѣздится глубже въ бездарныхъ, но могучихъ, толпахъ!

Ясно одно: Европа въ XIX вѣкѣ переступила за роковыя 1000 лѣтъ государственной жизни.

Что же случилось съ ней?

Повторяю, она вторично упростилась въ общемъ видѣ своемъ, составныя части ея стали противъ прежняго гораздо сходнѣе, однообразнѣе.

Вмѣсто организованнаго разнообразія, больше и больше распространяется разложеніе въ простотѣ. Фактъ этотъ, кажется, несомнѣненъ; исходъ можетъ быть сомнителенъ, я не спорю; я говорю только о современномъ явленіи, и если я сравню эту картину съ картинами всѣхъ древнихъ Государствъ, передъ часомъ ихъ гибели, я найду и въ исторіи Аѳинъ, и въ исторіи Спарты, и всей Еллады, и Египта, и Византіи, и Рима, одно только общее, именно подъ конецъ: уравненіе, всеобщее пониженіе, смѣшеніе, круглые, притертые взаимно голыми, вмѣсто рѣзкихъ кристалловъ, дрова и сѣмена, годныя другимъ новымъ мірамъ для топки и для пищи, но не дающія уже прежнихъ листьевъ и цвѣта.

Нынѣшній прогрессъ не есть процессъ развитія: онъ есть процессъ вторичнаго упрощенія, процессъ разложенія, для тѣхъ Государствъ, конечно, изъ которыхъ онъ вышелъ, или которымъ крѣпко усвоился.

Что же сдѣлали надъ собою Европейскія Государства; переступая за роковое 1000лѣтіе?

Они всѣ испортили у себя, болѣе, или менѣе, въ частностяхъ ту государственную форму, корорая выработалась у нихъ въ періодъ цвѣтущей сложности. Они всѣ постепенно измѣнили той системѣ отвлеченныхъ, внѣ личнаго субъективнаго удовольствія постановленныхъ, идей, которыя выработались у нихъ въ эпоху морфологическую, и вознеслись надъ ними, какъ знамя, великая руководящая тѣнь!

Съ конца XVIII вѣка и въ началѣ нашего, на материкъ Европы вторглись ложно-понятыя тогда Англо-Саксонскія конституціонныя идеи.

Испанія была самодержавной, но децентрализованной, Монархіей. Ее попытались сдѣлать болѣе конституціонной, ограниченной; попытались ослабить власть и усилить, сосредоточить, представительство народа.

Приблизивъ Испанію болѣе къ этому лже-Британскому типу; упростили этимъ самымъ еще не много общую юридическую картину Европы.

И что жь мы видимъ?

Франція? Но говорить ли о столь извѣстной исторіи Франціи, которая такъ ясна и поучительна! Ея форма была самодержавіе централизованное, аристократическое и Католическое.

Обманчивое, пламенное величіе 89 года измѣнила все это. Съ тѣхъ поръ Франція все больше и больше упрощалась и уравнивалась всячески, пока 71 годъ не обнаружилъ, что у нея много людей, но нѣтъ человѣка, вождя! Вождей создаетъ не парламентаризмъ, а реальная свобода, т. е., нѣкоторая свобода самоуправленія.

И замѣтьте, именно съ 60 годовъ, какъ только либеральная партія жалкихъ Жюль Фавровъ и К° начала брать верхъ, какъ только Наполеону III стали вязать руки, такъ и началась ошибка за ошибкой, несчастіе за несчастіемъ.

Не власть виновата, виновата непокорность!

Теперь Франція очень проста: она, подобно Испаніи, демократическая Республика. Прочна ли она?

Что дѣлаетъ Германія?

Во первыхъ, прежде всего напомнимъ, что политически умерли

уже всѣ Государства средней и южной Германіи, т. е., тѣ, въ которыхъ, особенно послѣ 48 года, стало больше равенства и свободы, и больше раціонализма (Риль, въ «Land und Leute,» чрезвычайно художественно описываетъ это упрощеніе и смѣшеніе средней Германіи).

Только одна Католическая Баварія еще обнаруживаетъ признаки жизни, благодаря своему своеобразію, своей отсталости (то же у Риля въ той же книгѣ есть о Баварскихъ селянахъ прекрасныя мѣста).

Побѣдила всѣхъ и все Пруссія, у которой были:

1) Король набожный и почти всевластный; 2) Конституція плохая, т. е., дававшая возможность власти дѣлать дѣло; 3) Привилегированное и воинственное юнкерство Итакъ, именно все то, чего не было, или чего было меньше, у средней Германіи въ 66 и у Франціи въ 70 годахъ.

Но... дальше что?

Ренанъ, который былъ либераломъ кажется только въ религіи (что, конечно, хуже всего), послѣ пораженія Французской демократіи, осрамившейся безъ Императора еще хуже, чѣмъ при немъ, Ренанъ въ отчаяніи воскликнулъ, что безъ аристократіи жить нельзя Государству; но такъ какъ назадъ не можетъ возвратиться никто, такъ пусть, говоритъ онъ, продолжается наше демократическое гніеніе! Мы постараемся отмстить нашимъ сосѣдямъ, заражая и ихъ тѣмъ же.

Вскорѣ послѣ этого газета Times напечатала слѣдующее: «Мщеніе Франціи осуществляется — старая Пруссія демократизируется» и т. д.

И вотъ мы видимъ, что вліяніе аристократіи въ округахъ уничтожено, Католическая партія и Церковь преслѣдуются такъ, что само Протестантское духовенство смущено (этотъ безсильный Протестантизмъ!), вводится обязательный гражданскій бракъ... (т. е., юридическій конкубинатъ).

Что касается до всеобщей грамотности, всеобщаго ополченія и всеобщаго единства, до желѣзныхъ дорогъ повсюду и т. п., то это все вещи обоюду острыя, сегодня для порядка, а завтра для разрушенія удобныя. Это все служитъ тому же вторичному смѣшенію.

Внѣшняя политика скользка между Славянами и Франціей.

Либералы сильны лишь оппозиціей и фразами въ мирное

время. У либераловъ XVIII вѣка были новыя идеи, старыя ненависти и матеріяльные интересы на подачку простому народу. Есть ли все это у нынѣшнихъ либераловъ?

Австрія, побѣжденная подъ Садовой, вступила искренно впервые въ новую эру свободы и равенства, и—распалась на двое, опасаясь со дня на день распаденія на 5—6 частей.

Турція даже и та едва держится, и держится она, не сама, но лишь внѣшними обстоятельствами и внутренними раздорами Христіанъ. Съ какихъ это поръ? Съ тѣхъ поръ, какъ она болѣе прежняго упростилась, уровняла права и положеніе разновѣрныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ демократизировалась по своему. Если бы дать ей еще Парламентъ, какъ хотѣли Англичане, чтобы парализовать вліяніе Россіи и Генерала Игнатьева на самодержавнаго Султана, то, прибавивъ либеральную неурядицу къ эгалитарной слабости, Турція не простояла бы и нѣсколькихъ лѣтъ.

Остается одна Англія. Здѣсь эгалитарный процессъ не такъ еще рѣзко выразился. Что касается до либерализма въ тѣсномъ, чисто конституціонномъ, или политическомъ, смыслѣ, то онъ уже былъ издавна присущъ естественной организаціи этой страны.

Если же расширить понятіе свободы, то она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непремѣнно совпадетъ съ равенствомъ. А такой свободы въ Англіи не было прежде.

Ни Диссидентовъ Англіи, ни Католиковъ вообще, ни Ирландцевъ, ни бѣдные классы, нельзя было назвать вполнѣ свободными даже и политически. Свободныя учрежденія Англіи были до новѣйшаго времени тѣсно связаны съ привилегіями Англиканской Церкви.

Равенства, въ широкомъ смыслѣ понятаго, въ Англіи было сначала, пожалуй, больше, чѣмъ, на пр., во Франціи, но потомъ, именно по мѣрѣ приближенія цвѣтущаго періода (Елисавета, Стюарты, Вильгельмъ Оранскій и Георги) и юридическаго и фактическаго равенства, стало все меньше и меньше. И Англія, какъ всякое другое Государство, какъ всякая нація, какъ всякій организмъ, даже болѣе, какъ все существующее и въ пространствѣ и въ сознаніи (какъ дерево, какъ человѣкъ, какъ философскія системы, какъ архитектурные стили), подчинилась всеобщему закону развитія, которое состоитъ въ постепенномъ осложненіи содержанія, сдерживаемаго до поры до времени деспо-

тизмомъ формы; тому закону, по которому все сперва индивидуализируется, т. е., стремится къ высшему единству въ высшемъ разнообразіи (къ оригинальности), а потомъ расплывается, вмѣшивается, упрощается вторично и понижается, дробится и гибнетъ.

Съ перваго взгляда кажется, какъ будто Англіи посчастливилось больше другихъ странъ Европы. Но едва ли это такъ. Посмотримъ, однако, повнимательнѣе.

Конечно, Англіи посчастливилось сначала тѣмъ, что она долго сбывала свои упрощенія, горючіе матеріялы, въ обширныя колоніи. Англія демократизировалась на новой почвѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Соединенные Штаты относятся къ Великобританіи въ пространствѣ точно также, какъ Франція XIX вѣка относится во времени къ Франціи XVII. Америка Вашингтона и Линкольна, и Франція Наполеона I и Наполеона III, это одинаково демократически упрощенныя страны, вышедшія, посредствомъ процесса вторичнаго упрощенія, первая изъ Англіи Елисаветы, Вильгельма III и Питта, вторая изъ Франціи Франциска I, Ришелье и Людовика XVI. [19]

При процессѣ вторичнаго упрощенія, я кажется уже говорилъ: до полной первоначальной племенной простоты и блѣдности Государства и націи прежде своего окончательнаго разрушенія, или глубокаго завоеванія, никогда не доходятъ. Они всегда сохраняютъ до послѣдней минуты нѣкоторыя черты своего цвѣтущаго періода. Такъ Спарта кончила жизнь съ двумя Царями, Римъ съ своей законной диктатурой Императора и даже съ тѣнью Сената.

---

[19] Соединенные Штаты,—это Карѳагенъ современности. Цивилизація очень старая, Халдейская въ упрощенномъ республиканскомъ видѣ на новой почвѣ, въ дѣвственной землѣ.

Вообще Соединенные Штаты не могутъ служить никому примѣромъ. Они слишкомъ еще недолго жили: всего одинъ вѣкъ. Посмотримъ, что съ ними будетъ черезъ 10—20 лѣтъ. И у нихъ было прежде больше разнообразія, было рабство, а теперь упрощеніе и смѣшеніе. Если они расширятся, какъ Римъ, или Россія, на другія несхожія страны, на Канаду, Мексику, Антильскіе острова, и вознаградятъ себя этой новой пестротой за утраченную послѣдней борьбой внутреннюю сложность, не потребуется ли тогда имъ Монархія? Многіе, бывшіе въ Америкѣ, такъ думаютъ.

Такъ Аѳины умирали съ фактическими излюбленными демагогами во главѣ, съ Димосѳенами и Фокіонами.

Византія пала съ Православнымъ Кесаремъ на стѣнахъ Новаго Рима и т. д.

И дабы еще разъ убѣдиться, что приведенные мною не разъ примѣры изъ жизни не политической, а изъ явленій природы и изъ исторіи духа человѣческаго, употреблены были мною не какъ риторическое уподобленіе, а въ видѣ попытки объяснить реалистическими всеобщими законами исторіи, развитія и паденія Государства, я упомяну здѣсь о томъ, что и во всемъ существующемъ мы встрѣчаемъ то же. Именно мы видимъ, что при процессѣ разложенія и смерти остаются до послѣдней минуты нѣкоторыя черты, выяснившіяся въ періодъ цвѣта или сложности.

Такъ, зародыши всѣхъ животныхъ очень схожи между собой, очень просты и однообразны; плоды утробные всѣхъ млекопитающихъ крайне однородны и схожи въ началѣ; но остатки разныхъ животныхъ довольно еще различны, пока не распадутся въ прахъ (на примѣръ, внутренній скелетъ позвоночныхъ, наружные покровы умершихъ суставчатыхъ, раковины безъ моллюсковъ и т. д.). Такъ деревья высохшія и лишенныя листьевъ хранятъ еще слѣды своей прежней организаціи: они проще, однообразнѣе, малосложнѣе прежняго, но опытный внимательный глазъ по рисункамъ коры, по общимъ контурамъ ствола и вѣтвей, по росту, различаетъ, который дубъ, которая яблонь, который тополь, или маслина.

Такъ Протестантизмъ, который былъ сначала не что иное, какъ вторичное упрощеніе Католицизма, сохранилъ въ себѣ, однако, нѣкоторыя черты Римской Церкви.

Кончивъ это необходимое замѣчаніе, я обращусь опять къ Англо-Саксонской исторіи.

Итакъ Великобританія сначала упростилась за океаномъ, и тѣмъ спасла себя отъ внутренняго взрыва и отъ насильственной демократизаціи дома.

Но она не спасла себя все таки отъ частнаго разложенія. Насильственное отпаденіе упрощенной заатлантической Англіи произошло почти въ одно время съ насильственнымъ вну-

реннимъ упрощеніемъ Франціи. И то и другое событіе относятся ко 2-й половинѣ прошлаго вѣка.

Обладая Индіей, Австраліей и другими колоніями, завоевывая то Канаду, то Гибралтаръ, присоединяя то Мальту, то Іоническіе острова, Великобританія вознаграждала, правда, себя за эту потерю посторонним новымъ разнообразіемъ внѣ своихъ предѣловъ, подобно древнему Риму, который, упрощаясь внутренно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединяя своеобразныя и неравноправныя съ собою страны, поддерживалъ долго свое существованіе.

Законъ разнообразія, способствующаго единству, и тутъ остается въ полной силѣ.

Завоеванія оригинальныхъ странъ—единственное спасеніе при начавшемся процессѣ вторичнаго упрощенія.

Однако съ 20-хъ—30-хъ годовъ и въ нѣдрахъ самой Англіи начался прогрессъ демократическій.

И у нея явились радикалы. И эти радикалы, какъ бы именно для того, чтобы сблизить государственный типъ Великобританіи съ типами материка Европы, чтобы упростить и уравнять картину всего Запада, нерѣдко бываютъ централизаторами. Таковъ, на пр., во многихъ случаяхъ и самъ Джонъ Стюартъ Милль.

Разнородныя и странныя особенности Англійской организаціи по немногу сглаживаются, оригинальные обычаи сохнутъ, бытъ разныхъ провинцій становится болѣе однороднымъ. Права Католиковъ уравнены, однообразія воспитанія и вкусовъ гораздо больше прежняго. Лорды уже не брезгаютъ поступать директорами банковъ. Средній классъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, преобладаетъ давно. Господство средняго класса есть то же упрощеніе и смѣшеніе; ибо онъ, по существу своему, стремится все свести къ общему типу, такъ называемаго, буржуа.

По этому и Прудонъ, этотъ упроститель par excellence, съ жаромъ увѣряетъ, что цѣль всей исторіи состоитъ въ томъ, чтобы обратить всѣхъ людей въ скромныхъ однороднаго ума и счастливыхъ, не слишкомъ много работающихъ, буржуа. «Будемъ крайни теперь въ нашихъ порывахъ!» восклицаетъ онъ, «чтобы дойти скорѣе до этого средняго человѣка, котораго прежде всего выработалъ tiers-état Франціи!»

Хорошъ идеалъ! Однако, во всѣхъ странахъ идутъ люди по слѣдамъ Франціи. Недавнія извѣстія изъ Англіи говорятъ, что

Г. Брайтъ, на пр., въ рѣчахъ своихъ выражаетъ нетерпѣніе, «когда же Англія станетъ настоящей свободной страной? Идутъ рѣчи и о нарушеніи правъ первородства...

Любопытно сравнить съ подобными рѣчами передовыхъ Англичанъ вопли раскаянія многихъ несомнѣнно умныхъ Французовъ, на пр., Ренана!

Жаль будетъ видѣть, если Англичанамъ придется брать уроки поздней мудрости у безумныхъ Французовъ. Дай Богъ намъ ошибиться въ нашемъ пессимизмѣ!

Мирный постепенный ходъ эгалитарнаго прогресса, вѣроятно, долженъ имѣть на ближайшее будущее націи дѣйствіе иное, чѣмъ имѣютъ на это ближайшее будущее перевороты бурные, совершающіеся съ цѣлью того же эгалитарнаго процесса. Но на будущее болѣе отдаленное, я полагаю, дѣйствіе бываетъ сходное. Мирное упрощеніе и смѣшеніе прежде, разстройство дисциплины и необузданность послѣ.

Однообразіе правъ и большее противу прежняго сходство воспитанія и положенія, антагонизма интересовъ не уничтожаетъ, быть можетъ, усиливаетъ.

Къ тому же замѣчается, что вездѣ подъ конецъ государственности усиливается неравенство економическое паралельно и одновременно съ усиленіемъ равенства политическаго и гражданскаго.

Страданій не меньше прежняго; ибо они другого рода, новыя страданія, которыя чувствуются глубже, по мѣрѣ того вторичнаго уравненія въ понятіяхъ, во вкусахъ, въ потребностяхъ, которое настаетъ по окончаніи сложнаго цвѣтущаго періода общественной жизни.

Гипотеза вторичнаго упрощенія и смѣшенія, которую я пытаюсь предложить, имѣетъ, конечно, значеніе болѣе семіологическое, чѣмъ причинное (чѣмъ этіологическое).

Вторичное упрощеніе и вторичное смѣшеніе суть признаки, а не причина, государственнаго разложенія.

Причину же основную надо, вѣроятнѣе всего, искать въ психологіи человѣческой. Человѣкъ ненасытенъ, если ему дать свободу. Голова человѣка не имѣетъ формы извѣснаго шишака, плоскую сзади, въ сторонѣ чувствъ и страстей, высокую, развитую спереди, въ сторонѣ разсудка. И, благодаря этому раз-

витію заднихъ частей нашего мозга, разлитіе раціонализма въ массахъ общественныхъ (другими словами, распространеніе большихъ противу прежняго претензій на пониманіе) приводитъ лишь къ возбужденію разрушительныхъ страстей, вмѣсто ихъ обузданія авторитетами. Такъ что наивный и покорный авторитетамъ человѣкъ оказывается, при строгой повѣркѣ, ближе къ истинѣ, чѣмъ самоувѣренный и заносчивый гражданинъ уравненнаго и либерально-развинченнаго общества. Русскій безграмотный, но богомольный и послушный, крестьянинъ эмпирически, такъ сказать, ближе къ реальной правдѣ житейской, чѣмъ всякій раціональный либералъ, глупо вѣрующій, что всѣ люди будутъ когда-то счастливы, когда-то высоки, когда-то одинаково умны и разумны.

Развѣ реалисты не стали бы смѣяться надъ тѣмъ, кто сказалъ бы, что прямые углы были равны только по ошибкѣ нашихъ отцовъ, а отнынѣ и впредь будетъ все иначе на этой бѣдной землѣ?..

«Лукавые происки властителей и преобладающихъ классовъ сдѣлали то, что земля обращалась около солнца. Это невыгодно для большинства. Мы сдѣлаемъ то, что земля будетъ обращаться отнынѣ около Сиріуса! Прогрессъ нарушитъ всѣ основные законы природы... Животные будутъ мыслить печенью, варить пищу легкими, ходить на головѣ!.. Всѣ ячейки, всѣ ткани будутъ однородны, всѣ органы будутъ совершать одинаковыя отправленія и въ полной гармоніи (не антитезъ, а согласія!).»

Если и въ Англіи уже довольно ясно выразился процессъ демократическаго упрощенія, то можно желать отъ всего сердца, чтобы дальнѣйшій ходъ этого процесса совершался въ ней какъ можно медленнѣе, чтобы она какъ можно дольше оставалась поучительнымъ примѣромъ сложности и охраненія. Но можно ли увѣрять себя, что Англія Гладстоновъ и Брайтовъ то же самое, что Великая Британія Питтовъ и даже Роб. Пилей?.

Р. Пиль былъ великій государственный мужъ: онъ крайне неохотно уступалъ прогрессу смѣшенія и уравненія. Онъ не увлекался имъ. Онъ говорилъ: «Я не нахожу болѣе возможнымъ продолжать борьбу.»

Повторяю еще разъ: всѣ Государства Запада сначала были схожи, потомъ стали очень различны другъ отъ друга и внутренно сложны, а теперь они опять всѣ стремятся сойтись на

почвѣ эгалитарной разнузданности. Серьезный, солидный психическій характеръ націи не поможетъ тутъ ничего.

Твердыя и тяжелыя вещества, сталкиваясь въ безпорядкѣ, дѣйствуютъ другъ на друга еще разрушительнѣе мягкихъ, или легкихъ.

Все сливается и все расторгается!

ГЛАВА XI.

Сравненіе Европы съ древними государствами.

Зданіе Европейской культуры было гораздо обширнѣе и богаче всѣхъ предыдущихъ цивилизацій.

Въ жизни Европейской было больше разнообразія, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чѣмъ въ жизни другихъ прежде погибшихъ историческихъ міровъ. Количество первокласныхъ архитектурныхъ памятниковъ, знаменитыхъ людей, священниковъ, монарховъ, воиновъ, правителей, художниковъ, поэтовъ, было больше, войны громаднѣе, философія глубже, богаче, религія безпримѣрно пламеннѣе, на пр., Еллино-Римской, аристократія рѣзче Римской, монархія въ отдѣльныхъ Государствахъ опредѣленнѣе (наслѣдственнѣе) Римской; вообще самые принципы, которые легли въ основаніе Европейской государственности, были гораздо многосложнѣе древнихъ.

Чтобы потрясти такое сложное по плану (см. объ этомъ предметѣ у Гизо, въ «Исторіи цивилизаціи») и величественное, небывалое зданіе, нужны были и болѣе сильныя средства, чѣмъ въ древности. Древнія Государства упрощались почти нечаянно, эмпирически, такъ сказать.

Европейскія Государства упрощаются самосознательно, раціонально, систематически.

Древнія Государства не проповѣдывали сознательно религіи прогресса; они эманципировали лица, классы и народы отъ старыхъ узъ цвѣтущаго періода и, отчасти вопреки себѣ, вопреки

своему идеалу, который въ принципѣ былъ вообще консервативенъ.

Европа, чтобы растерзать скорѣе свою благородную исполинскую грудь, повѣрила въ прогрессъ демократическій, не только какъ во временный переходъ къ новой исторической метампсихозѣ, не только какъ въ ступень къ новому неравенству, новой организаціи, новому спасительному деспотизму формы, нѣтъ! Она повѣрила въ демократизацію, въ смѣшеніе, въ уравненіе, какъ въ идеалъ самаго Государства!

Она приняла жаръ изнурительной лихорадки за прорѣзованіе младенческихъ зубовъ, за государственное возрожденіе, изъ собственныхъ нѣдръ своихъ, безъ помощи чуждаго притока! Древность по'этому не можетъ представить той картины систематическаго, раціональнаго, смѣшенія, того, такъ сказать, научно предпринятаго вторичнаго упрощенія, какое представляютъ намъ Государства Европы съ XVIII вѣка.

У древности это движеніе менѣе ясно, менѣе рѣзко, менѣе окончено; но можно убѣдиться, что и во всѣхъ древнихъ Государствахъ вторичное упрощеніе картины, ослабленіе, подвижность власти, расшатываніе кастъ, и по этому неорганическое отношеніе людей, племенъ, религій, болѣе однообразное противу прежняго устройство областей, предшествовали паденію и гибели.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прошедшее служитъ примѣромъ и объясненіемъ настоящему; въ другихъ настоящее, своей ясностью и рѣзкостью, раскрываетъ намъ глаза на что либо болѣе смутное и темное въ прошедшемъ.

Сущность явленія таже; сила, выразительность его могла быть разная, при разныхъ условіяхъ времени и мѣста.

Припомнимъ кратко, какъ кончали свою жизнь различныя Государства древности.

Отдѣльное Аѳинское Государство было погублено демагогами. Это до того уже извѣстно, что ученику Гимназіи, который не зналъ бы о роли Клеона, о консервативномъ, или реакціонномъ, духѣ комедій Аристофана, о напрасныхъ попыткахъ Спартанцевъ, Критія, 30 Тирановъ, Пизандра и др., возстановить аристократическое правленіе въ анархическомъ городѣ, такому ученику поставили бы на испытаніи единицу.

Устройство Аѳинъ уже со временъ Солона не слишкомъ аристократическое, послѣ Перикла приняло вполнѣ эгалитарный и либеральный характеръ.

Что касается до Спарты, она шла другимъ путемъ, была бѣднѣе и крѣпче духомъ, но и съ ней случилось подъ конецъ то же, что съ нынѣшней Пруссiей: Государство бѣдное, болѣе суровое и болѣе аристократическое, побѣдило другое Государство болѣе торговое, болѣе богатое и болѣе демократическое, но немедленно же заразилось всѣми его недостатками.

Спарта подъ конецъ своего существованiя измѣнила только одну существенную черту своего быта: она освободилась отъ стѣснительной формы своего аристократическаго сословнаго коммунизма, по которому всѣ члены неравныхъ горизонтальныхъ слоевъ были внутри этихъ слоевъ равны между собою.

Въ ней стало больше политическаго равенства, но меньше економическаго.

Около 400 — 450 до Р. Х. общественныя имущества были объявлены частными (какъ и въ другихъ мѣстахъ), и всякiй сталъ воленъ располагать ими, какъ хотѣлъ, всякiй получилъ равное право богатѣть и бѣднѣть по волѣ.

Организацiя Спарты, Дорiйская форма, испортилась и стала приближаться постепенно къ тому общему среднему типу, къ которому стремилась тогда Еллада безсознательно.

Реакцiя Царей Агиса и Клеомена въ пользу Ликурговыхъ законовъ также мало удалась, какъ и реакцiя Аѳинскихъ Олигарховъ.

Что касается до общей исторiи Еллинскаго паденiя, то самое лучшее привести здѣсь нѣсколько словъ изъ руководства Вебера. Для такихъ широкихъ вопросовъ хорошiе учебники самая вѣрная опора. Въ нихъ обыкновенно допускается лишь то, что признано всѣми, всей наукой:

«Мы видѣли, говоритъ Веберъ, что Греческiй генiй уничтожилъ и разбилъ мало по малу строгiя формы и узкiе предѣлы Восточной (я бы сказалъ не Восточной, а просто первоначальной) организацiи, распространилъ личную свободу и равенство правъ для всѣхъ гражданъ до крайнихъ предѣловъ, и наконецъ, въ своей борьбѣ противъ всякаго ограниченiя личной свободы, чѣмъ бы то ни было, традицiями и нравами, закономъ, или усло-

віями, потерялся во всеобщей нестройности и непрочности.» Далѣе я не выписываю (см. «Всеобщая исторія,» Вебера, заключеніе Греческаго міра, послѣднія страницы).

Я привелъ отрывокъ изъ общепринятаго Нѣмецкаго руководства.

Но можно найти почти то же въ сочиненіи Гервинуса, «Исторія XIX вѣка.»

Гервинусъ начинаетъ свою книгу съ того, что находитъ большое сходство между послѣдними временами павшей Еллады и современностью торжествующей Европы.

Еллада разрушилась. Но для современности общіе законы видно не писаны.

И Гервинусъ вѣритъ въ будущее: «Историческія размышленія избавили меня отъ пламенныхъ ожиданій, волнующихъ другихъ, и тѣмъ предохранили отъ многихъ заблужденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти размышленія никогда не отказывали мнѣ въ утѣшеніи и поддержкѣ.» Таковы слова знаменитаго ученаго. Онъ не говоритъ, однако, на какія именно утѣшенія онъ расчитываетъ, на всеобщее благо, хотя бы купленное цѣною паденія современныхъ Государствъ, или на долгую государственную жизнь современной демократіи? А различить это было бы очень важно. Вѣрнѣе, что онъ думаетъ о послѣднемъ.

Гервинусъ находитъ и въ исторіи Елленизма и въ современности слѣдующія сходныя явленія:

«Вездѣ, говоритъ онъ, мы замѣчаемъ правильный прогрессъ свободы духовной и гражданской, которая сначала принадлежитъ только нѣсколькимъ личностямъ, потомъ распространяется на большее число ихъ, и наконецъ достается многимъ. Но потомъ, когда Государство совершитъ свой жизненный путь, мы снова видимъ, что отъ высшей точки этой восходящей лѣстницы развитія (я бы сказалъ разлитія!) начинается обратное движеніе просвѣщенія, [20] свободы и власти, которыя отъ многихъ переходятъ къ немногимъ, и наконецъ къ нѣсколькимъ.»

«Въ Елладѣ воцарилась передъ паденіемъ Тиранія; въ Европѣ теперь (говоритъ онъ въ изданіи 1852 г.) абсолютизмъ.»

---

[20] Развѣ въ Александрійскомъ періодѣ количественное разлитіе просвѣщенія не было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ эпоху творчества?

Видимо, онъ находился подъ впечатлѣніемъ воцаренія Наполеона III и реакціи въ Германіи.

Но послѣдствія доказали, что Наполеонъ III еще больше демократизировалъ Францію, а реакція монорхическая Германіи, рядомъ антитезъ политическихъ, привела эту страну точно также къ современному ея смѣсительному упрощенію.

Къ тому же я не вижу, чтобы тиранія единоличная была въ Елладѣ вездѣ въ эпоху паденія. Главные два представителя Еллинизма, Аѳины и Спарта, пали въ республиканской формѣ.

Если же считать и монархическій Македонскій періодъ за продолженіе Еллинской государственности (хотя это будетъ не совсѣмъ строго), то надо будетъ заключить вотъ что: Абсолютизмъ, на почвѣ уже вторично смѣшанной и уравненной, конечно, есть единственный якорь спасенія; но дѣйствительность его не слишкомъ прочна безъ притока новаго дисциплинирующаго разнообразія.

Греко-Македонскія Монархіи простояли очень недолго. Наполеонъ III палъ, и будущее объединенной и смѣшанной Германіи, по аналогіи, должно быть сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ.

Ясно, что и Гервинусъ не свободенъ отъ религіи «des grands principes de 89.»

Причины паденія древняго Египта также хорошо извѣстны, какъ и причины паденія Еллинскихъ Государствъ, хотя и въ болѣе общихъ чертахъ, съ менѣе осязательными подробностями.

И здѣсь мы увидимъ то же, что и вездѣ. Въ цвѣтущемъ періодѣ сложность и единство, сословность, деспотизмъ формы; потомъ еще большее, но мгновенное, увеличеніе разнообразія посредствомъ небывалаго дотолѣ допущенія иностранцевъ (Грековъ и Финикіянъ при Псамметихѣ и Нехао, 200,000 воиновъ выселились при видѣ такого прогресса), возрастаніе богатства, торговли и промышленности, по этому большая подвижность классовъ и всей жизни, потомъ, незамѣтное сразу, уравненіе, смѣшеніе, слитіе и... наконецъ, почти всегда неожиданное, внезапное, паденіе.

Говорить ли о Римѣ?

Его постепенная демократизація слишкомъ извѣстна.

Смѣшивался и уравнивался онъ не разъ. Первый разъ Патриціи смѣшались, уравнялись постепенно съ плебеями въ малень-

комъ, первоначальномъ Римѣ. Это придало Риму, какъ всегда бываетъ, мгновенную силу, и онъ воспользовался этой силой для завоеваній въ Италіи. Эти завоеванія, при которыхъ наставшее внутреннее упрощеніе восполнялось новымъ разнообразіемъ, какъ быта присоединяемыхъ областей, такъ и неравномѣрными правами, даруемыми имъ.

Потомъ почти вся Италія упростилась, сравнялась въ правахъ и, вѣроятно, въ духѣ и бытѣ. Начались завоеванія на югѣ и западѣ, на сѣверѣ и востокѣ, весьма разнообразныхъ племенъ и Государствъ.

Всѣ простыя аристократическія реакціи Коріолановъ, Суллъ, Помпеевъ, Брутовъ и здѣсь не удались на долго, хотя, конечно и сдѣлалъ свою долю пользы въ смыслѣ какой ни будь еще не понятной намъ пондераціи реальныхъ силъ общества.

Цезарь и Августъ еще болѣе демократизировали Государство: они были вынуждены, ходомъ развитія, сдѣлать это, и осуждать ихъ за это нельзя.

Время отъ Пуническихъ войнъ приблизительно до Антониновъ есть время цвѣтущей сложности Рима. Упрощаясь въ одномъ, развязывая себѣ руки, онъ еще болѣе разнообразился, выростая до тѣхъ поръ, пока силы, смѣнивающія и упрощающія все существующее, не взяли и въ немъ верхъ надъ силами осложняющими и объединяющими, надъ силами организующими.

Каракалла (въ III вѣкѣ по Р. Х.) уравнялъ права всѣхъ гражданъ, рожденныхъ не отъ рабовъ, по всей Имперіи.

При Діоклетіанѣ (который былъ самъ сынъ раба) мы стоимъ уже у воротъ Византіи. Не находя около себя сословныхъ началъ, онъ ввелъ сложное чиновничество (вѣроятно, по образцамъ Древне-Восточнымъ, Персо-Халдейскимъ; ибо все возвращается, хотя и нѣсколько въ новомъ видѣ). Послѣ него Константинъ принялъ Христіанство. Вмѣсто политеистическаго, муниципально-аристократическаго, конституціоннаго, Рима, явилась Христіанская, бюрократическая, но все таки муниципальная, Кесарская Византія.

Старая Еллино-Римская муниципальность, старый Римскій Кесаризмъ, новое Христіанство и новое чиновничество на образецъ Азіятскій, вотъ съ чѣмъ Византія начала свою 1000-лѣтнюю новую жизнь.

Какъ Государство, Византія провела, однако, всю жизнь лишь въ оборонительномъ положеніи. Какъ цивилизація, какъ религіозная культура, она царила долго повсюду и пріобрѣтала цѣлые новые міры, Россію и другихъ Славянъ.

Какъ Государство, Византія была немолода. Она жила вторую жизнь—доживала жизнь Рима.

Она была молода и сильна религіей. И разнообразіе ея было именно на религіозной почвѣ. Замѣчательно, что къ X вѣку были почти уничтожены, или усмирены, всѣ ереси, придававшія столько жизни и движенія Византійскому міру.

Торжество простого консерватизма оказалось для Государства также вредно, какъ и слишкомъ упрощающій прогрессъ. Весь Западъ отложился отъ Церкви и Православные (уравненные) Болгаре, которые съ Симеона оказались опаснѣе Болгаръ язычниковъ Крума. Имперія едва, едва справилась съ ними. Церковь, пріостанавливаясь, была права для себя; она выработала главныя черты догмата, обряда и канона, предоставляя подробности разнообразію времени и мѣста.

Нравственная жизнь Церкви не ослабѣла. Святые отшельники продолжали на Востокѣ дѣйствовать своимъ возбуждающимъ примѣромъ на паству, были и мученики; въ дальней Россіи Православіе росло подъ Византійскимъ вліяніемъ. Ему предстоялъ еще безконечный путь. Но подъ этой осмысленно пріостановившейся философіей Церкви, продолжало скуднѣе прежняго существовать слишкомъ подвижное, смѣшанное въ частяхъ своихъ, Государство. Права были до того уравнены, что простые мясники, торговцы, воины всякихъ племенъ, могли становиться не только сановниками, но даже Императорами.

Съ IX—X вѣка зрѣлище Византіи становится все проще, все суше, все однообразнѣе въ своей подвижности. Это процессъ какого-то одичанія, въ родѣ упрощенія разнообразныхъ садовыхъ яблокъ, которыя постепенно всѣ становятся одинаково дикими и простыми, если ихъ перестать прививать. Этотъ родъ вторичнаго упрощенія, паденія, господствовалъ также въ Италіи послѣ блестящей эпохи возрожденія; въ Испаніи онъ насталъ послѣ Филиппа II; онъ грозилъ бы, вѣроятно, и Франціи послѣ Людовика XV, если бы не произошла вспышка 89 года, замѣнившая простоту застоя простотоіі прогресса. Необходимы новые элементы, но элементы, почерпнутые изъ силъ своего толь-

ко народа, или близкаго намъ племени, страдающаго, подобно намъ, простотою; они, конечно, предотвращаютъ паденіе на нѣсколько времени и даютъ всегда періодъ шумной славы, но не надолго. Упрощающій прогрессъ есть уже не одичаніе упрощающаго односторонняго охраненія, а послѣднее плодоношеніе и быстрое гніеніе. Блеска много, прочности никакой. Примѣры Франціи временъ Республики и I-й Имперіи, Италіи 59—60 годовъ и, вѣроятно (для меня, сознаюсь, и несомнѣнно даже), Германіи завтрашняго дня, на глазахъ.

Разъ упростившись политически, сословно-неизбѣжнымъ ходомъ дѣлъ, Государству остается одно: или разлагаться, или сближаться съ новыми чуждыми, несхожими, элементами, присоединять, завоевывать, новыя страны, носящія въ себѣ условія дисциплины, и не спѣшить глубокимъ внутреннимъ единеніемъ всего, не становиться слишкомъ однообразнымъ, простымъ по плану, или узору. Что скажетъ намъ, наконецъ, великая Персія Кира и возрожденная держава Сассанидовъ?

Разумѣется, не смотря на всѣ усилія науки, не смотря на клинообразныя надписи и на многія другія археологическія открытія послѣдняго времени, подробности Персидской исторіи менѣе для насъ осязательны, чѣмъ подробности исторіи Еллиновъ, Римлянъ и Византійцевъ, дошедшія до насъ во стольких письменныхъ документахъ. Однако индуктивно, исходя изъ другихъ примѣровъ, мы можемъ и въ этомъ Государствѣ предполагать движенія, сходныя съ нынѣшнимъ въ общихъ чертахъ.

Начало до Кира: простота бытовая, простая религія огня, простые феодальные вожди. Однообразіе зеленыхъ яблокъ.

Потомъ завоеваніе Мидійскихъ и Халдейскихъ странъ.

Присоединеніе Лидіи, Грековъ, Египтянъ, Евреевъ, чрезвычайная пестрота и могучее Царское единство.

Можно себѣ, безъ особеннаго труда и ошибки, вообразить, какъ велико должно было быть разнообразіе быта, религіи, языковъ, разнородность правъ и привилегій, въ этой обширной Имперіи послѣ Камбиза и до Дарія Кодомана. Все объединялось въ лицѣ Великаго Царя, который былъ олицетвореніемъ Бога на землѣ. Сатрапы, управлявшіе довольно независимо разнообразными областями, были, вѣроятно, большею частію сначала Иранскаго, феодальнаго, происхожденія. Но дворъ Царя, для объединенія, долженъ былъ, конечно, опираться не на однихъ природныхъ феода-

ловъ Иранцевъ, а для равновѣсія, и на разныя другія, болѣе смѣшанныя, демократизированныя, протестующія, силы другихъ народностей. Дворъ Великаго Царя, бывшій центромъ сложнаго цвѣтенія, долженъ былъ стать постепенно и исходной точкой постепеннаго смѣшенія и сравнительнаго уравненія людей, племенъ, религій. Мы видѣли, что всякаго рода люди проникали ко двору: Халдеи, Греки, Евреи. Исторія Еврея Мардохея и Амана одна уже доказываетъ это.

Демократическое разстройство Имперіи, однако, было, вѣроятно, еще не глубоко въ эпоху Дарія Кодомана и Александра Великаго.

Не смотря на кажущуюся побѣду Греко-Македонянъ, побѣдила въ сущности Персія. Ибо послѣ смерти Александра и Греціи собственно, объ Елладѣ республиканской и помина уже нѣтъ; а Македонскія Царства всѣ кончили свою жизнь черезъ 2, или 3, столѣтія, всѣ погибли подъ ударами Рима еще до Р. Х. Къ тому же видно по всему, что Греки ни вліяли гораздо меньше на учениковъ ихъ, Римлянъ. До столкновенія съ Персами Греки были своеобразнѣе, чѣмъ стали послѣ этого соприкосновенія, и государственный духъ Персидскаго Царизма повліялъ не только на нихъ, но гораздо позднѣе и на Римлянъ, и еще болѣе на переработанныхъ Востокомъ Византійцевъ.

Греко-Македонская государственность немедленно послѣ смерти Александра была отодвинута къ сѣвернымъ и западнымъ окраинамъ Персіи, и вскорѣ послѣ этого мы видимъ въ восточной части прежней Имперіи свѣжій притокъ Парѳянъ, снова простыхъ, снова феодальныхъ, воинственныхъ и родственныхъ по племени древнимъ Иранцамъ.

Римъ не можетъ побѣдить ихъ.

Подъ ихъ вліяемъ воздвигается новое Царство огнепоклонниковъ съ той же религіей, съ тѣми же (вѣроятно, въ главныхъ чертахъ) государственными принципами, и проживаетъ до XII вѣка по Р. Х.

Въ этомъ вѣкѣ древнее Государство гибнетъ отъ руки Мусульманъ, и самая религія Зороастра исчезаетъ почти вовсе изъ исторіи. Не знаю, существуютъ ли подробные ученые труды о Царствѣ Сассанидовъ. Мнѣ они не извѣстны. Но, продолжая надѣяться на аналогію, я думаю, что тѣ смѣшивающія и уравнивающія причины, которыя дѣйствовали при послѣднихъ Ахе-

менидахъ, могли въ Имперіи возобновленной (и по тому уже все таки не юной) дѣйствовать еще глубже.

Можетъ быть и къ тому сложному чиновничеству, которое, говорятъ иные, послужило отчасти образцомъ Византійскому, Цари Сассаниды должны были прибѣгнуть уже какъ къ подспорью прежняго Пареянскаго феодализма. А сложное подвижное чиновничество, разумѣется, при всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ, есть средство дисциплины для низшихъ классовъ (и для сталкивающихся интересовъ вообще) менѣе прочное, чѣмъ соединеніе и взаимное равновѣсіе родовой аристократіи и чтимой всѣми Монархіи.

Графъ Гобино, въ своей книгѣ «Histoire des Perses,» утверждаетъ, что Царство Сассанидовъ именно и создано было разноплеменной демократіей, низвергнувшей военный феодализмъ Пареянъ.

Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, позволительно заключить слѣдующее:

1. Что мы можемъ находить значительную разницу въ степени упрощенія и смѣшенія элементовъ въ послѣдніе годы жизни у разныхъ Государствъ, но у всѣхъ найдемъ этотъ процессъ, сходный въ общемъ характерѣ съ современнымъ эгалитарнымъ и либеральнымъ прогрессомъ Европы.

2. Что культуры государственныя, смѣнявшія другъ друга, были все шире и шире, сложнѣе и сложнѣе: шире и по духу, и по мѣсту, сложнѣе по содержанію, Персидская была шире и сложнѣе Халдейской, Лидійской и Египетской, на развалинахъ коихъ она воздвиглась. Греко-Македонская на короткое время еще шире; Римская покрыла собою и претворила въ себѣ все предыдущее; Европейская развилась несравненно пространнѣе, глубже, сложнѣе всѣхъ прежнихъ государственныхъ системъ.

Полумѣры не могли ее разстроить: для ея смѣшенія, упрощенія, потребовалось болѣе героическое средство, выдумали демократическій прогрессъ, les grands principes de 89 и т. п.

Вмѣсто того, чтобы понять прогрессъ такъ, какъ его выдумала сама природа вещей, въ видѣ хода отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему, большинство образованныхъ людей нашего времени предпочли быть алхимиками, отыскивающими философскій камень всеблаженства земнаго, астрологами вычисляющими

мечтательные дѣтскіе гороскопы для будущаго всѣхъ людей, безплодно и прозаично уравненныхъ.

Въ самомъ же дѣлѣ Западъ, сознательно упрощаясь, систематически смѣшиваясь, безсознательно подчинился космическому закону разложенія.

ГЛАВА XII.

Заключеніе.

Не уже ли я хочу сказать всѣмъ этимъ, что Европейская цивилизація уже теперь гибнетъ?

Нѣтъ! Я повторялъ уже не разъ, что цивилизаціи обыкновенно надолго переживаютъ тѣ Государства, которыя ихъ произвели.

Цивилизація, культура, есть именно та сложная система отвлеченныхъ идей (религіозныхъ, государственныхъ, лично-нравственныхъ, философскихъ и художественныхъ), которая выработывается всей жизнью націй. Она, какъ продуктъ, принадлежитъ Государству; какъ пища, какъ достояніе, она принадлежитъ всему міру.

Нѣкоторые изъ этихъ культурныхъ плодовъ созрѣваютъ въ раннія эпохи государственности, другія въ средней, зрѣлой, третьи во время паденія. Одинъ народъ оставляетъ міру въ наслѣдство больше, другой меньше. Одинъ по одной отрасли, другой по другой отрасли.

Европейское наслѣдство вѣчно и до того богато, до того высоко, что исторія еще ничего не представляла подобнаго.

Но вопросъ вотъ въ чемъ: если въ эпоху современнаго плодоношенія своего Европейскія Государства сольются дѣйствительно въ какую ни будь федеративную, грубо-рабочую, Республику, не будемъ ли мы имѣть право назвать этотъ исходъ паденіемъ прежней Европейской государственности?

Какой цѣной должно быть куплено подобное сліяніе? Не должно ли будетъ это новое Все-Европейское Государство отказаться отъ признанія въ принципѣ всѣхъ мѣстныхъ отличій,

отказаться отъ всѣхъ, хоть сколько ни будь чтимыхъ, преданій, быть можетъ... (кто знаетъ!) сжечь и разрушить главныя столицы, чтобы стереть съ лица земли тѣ великіе центры, которые такъ долго способствовали раздѣленію Западныхъ народовъ на враждебные національные станы.

На розовой водѣ и сахарѣ не приготавляются такіе коренные перевороты: они предлагаются человѣчеству всегда путемъ желѣза, огня, крови и рыданій!..

И, наконецъ, какъ бы то ни было, на розовой ли водѣ ученыхъ съѣздовъ, или на крови выросла бы эта новая Республика, во всякомъ случаѣ Франція, Германія, Италія, Испанія и т. д., падутъ: они станутъ областями новаго Государства, какъ для Италіи стали областями прежній Піемонтъ, Тоскана, Римъ, Неаполь, какъ для Все-Германіи стали областями теперь Гессенъ, Ганноверъ и самая Пруссія; они станутъ для Все-Европы тѣмъ, чѣмъ для Франціи стали давно Бургундія, Бретань!..

Мнѣ скажутъ: «Но они никогда не сольются!» Я же отвѣчу: «Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!» Тѣмъ лучше и для ихъ достоинства и для нашей безопасности; но имѣемъ ли мы право не быть бдительными и убаюкивать себя тѣмъ, что намъ нравится? Чему учитъ здравый смыслъ? Чему учитъ практическая мудрость? Остерегаться ли худшаго, думать о немъ, или отгонять мысль объ этомъ худшемъ, представлять себѣ своего врага (эгалитарную революцію) безсильнымъ, такъ какъ представляли себѣ Пруссаковъ Французы?

Необходимо всегда имѣть при подобныхъ сужденіяхъ въ виду тотъ крайній идеалъ, который существуетъ въ обществахъ; ибо люди непремѣнно захотятъ испытать его. Необходимо помнить, что нововводители, рано, или поздно, всегда торжествуютъ, хотя и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, котораго они сознательно искали. Положительная сторона ихъ идеала часто остается воздушнымъ замкомъ, но ихъ дѣятельность разрушительная, ниспровергающая прежнее, къ несчастію, слишкомъ часто бываетъ практична, достигаетъ своей отрицательной цѣли.

Для ниспроверженія послѣднихъ остатковъ прежняго государственнаго строя Европы не нужно ни варваровъ, ни вообще иноземнаго нападенія: достаточно дальнѣйшаго разлитія и укрѣпленія той безумной религіи эвдемонизма, которая символомъ своимъ объявила: «Le bien-être materiel et moral de l'humanité.»

Необходимо помнить, что очень многіе въ Европѣ желаютъ сліянія всѣхъ прежнихъ Государствъ Запада въ одну федеративную Республику; многіе, не особенно даже желающіе этого, вѣрятъ, однако, въ такой исходъ, какъ въ неизбѣжное зло.

Я полагаю, что жизнью трехъ лицъ: Пія IX, Императора Вильгельма и Короля Виктора-Эммануила, койкакъ еще держится династическій и церковный порядокъ въ Европѣ.

Кончина всѣхъ этихъ трехъ лицъ, или, можетъ быть, даже и не всѣхъ трехъ, должна будетъ возбудить немедленно множество вопросовъ, разбудить остывшія на время страсти...

Для низверженія монархическаго порядка въ Германіи достаточно неловкаго шага во внѣшней политикѣ, неудачной борьбы съ соединенными силами Славянъ и Франціи...

Многіе; сказалъ я, не желающіе, быть можетъ, сліянія всѣхъ нынѣшнихъ Государствъ Запада въ одну республиканскую федерацію, вѣрятъ, однако, въ такой исходъ. Въ него вѣритъ Тьеръ, хотя и сознается, въ одной изъ своихъ рѣчей, что «радъ бы былъ не дожить до этой новой цивилизаціи.»

Я имѣлъ случай недавно познакомиться здѣсь, на Востокѣ, съ извѣстнымъ Лессепсомъ: онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Императора Наполеона III и, можетъ быть, скорѣе Бонапартистъ, чѣмъ республиканецъ по личному чувству. Но и онъ считаетъ Все-Европейскую Республику неизбѣжностью.

«Черезъ десять лѣтъ какихъ ни будь, милостивый Государь (сказалъ онъ мнѣ), во всей Европѣ не будетъ ни одного Монарха. Останется только одинъ Русскій Императоръ; ибо у него еще есть высокое призваніе.»

—«Какое именно?» спросилъ я у него изъ любопытства: я надѣялся услышать отъ этого знаменитаго человѣка что ни будь глубокое, что ни будь умное.

«Les Russes, Monsieur (je ne parle pas des hommes eclaires), c'est un troupeau de moutons. Ваши Государи имѣютъ призваніе просвѣтить свой народъ. А, конечно, когда народъ достаточно уже просвѣщенъ, на что ему Монархія?»

Такова была мудрая рѣчь знаменитаго прорывателя великихъ отверстій!

Я полагаю: нашъ долгъ безпрестанно думать о возможности, по крайней мѣрѣ, попытокъ къ подобному сліянію, къ подобному паденію частныхъ Западныхъ Государствъ.

И при этой мысли относительно Россіи представляются немедленно два исхода: или 1) она должна и въ этомъ прогрессѣ подчиниться Европѣ, или 2) она должна (какъ понимаетъ даже и Лессепсъ) устоять въ своей отдѣльности.

Если отвѣтъ Русскихъ людей на эти два вопроса будетъ въ пользу отдѣльности (въ этомъ я не желалъ бы сомнѣваться, и жалко было бы видѣть, что Лессепсъ больше Русскій патріотъ, чѣмъ мы сами), то что же слѣдуетъ дѣлать?

Надо крѣпить себя, меньше думать о благѣ, и больше о силѣ. Будетъ сила, будетъ и койкакое благо, возможное.

А безъ силы развѣ такъ сейчасъ и придетъ это субъективное личное благо? Паденій было много: они реальный фактъ. А гдѣ же счастье? Гдѣ это благо?

Что ни будь одно: Западъ или 1) устроится надолго въ этой новой республиканской формѣ, которая будетъ все таки не что иное, какъ паденіе всѣхъ частныхъ Европейскихъ Государствъ, или 2) онъ будетъ изнывать въ общей анархіи, передъ которой ничтожны покажутся анархіи Террора, или 48 года, или анархія Парижа въ 71 году.

Такъ, или иначе, для Россіи нужна внутренняя сила; нужна крѣпость организаціи, крѣпость духа дисциплины.

Если новый федеративный Западъ будетъ крѣпокъ, намъ эта дисциплина будетъ нужна, чтобы защитить отъ натиска его послѣдніе храмы нашей независимости, нашей отдѣльности.

Если Западъ впадетъ въ анархію, намъ нужна дисциплина, чтобы помочь самому этому Западу, чтобы спасать и въ немъ то, что достойно спасенія, то именно, что сдѣлало его величіе, Церковь какую бы то ни было, Государство, остатки поэзіи, быть можетъ... и самую науку!...

Если же это все пустые страхи, и Западъ, поглумившись, опомнится и возвратится спокойно (примѣръ небывалый въ исторіи!) къ старой Іерархіи, къ той же дисциплинѣ, то и намъ опять таки нужна будетъ Іерархія и дисциплина, чтобы быть не хуже, не ниже, не слабѣе его.

Поменьше, такъ называемыхъ, правъ, поменьше мнимаго блага! Вотъ въ чемъ дѣло! Тѣмъ болѣе, что права-то въ сущности даютъ очень мало субъективнаго блага, того, что въ самомъ дѣлѣ пріятно. Это одинъ миражъ!

А долголѣтіе?

Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ такъ молоды?

Съ чего бы мы ни начали считать нашу исторію, съ Рюрика ли (862), или съ крещенія Владимира (988), во всякомъ случаѣ выйдетъ или 1012 лѣтъ, или 886.

Въ первомъ случаѣ мы ни сколько не моложе Европы; ибо и ея государственную исторію надо считать съ IX вѣка.

А вторая цифра также не должна насъ слишкомъ обезпечивать и радовать.

Не всѣ Государства проживали полное 1000лѣтіе. Больше прожить трудно, а меньше очень легко.

Замѣтимъ еще вотъ что:

Аристократію родовую считаютъ нынѣ обыкновенно какимъ-то болѣзненнымъ, временнымъ и не нормальнымъ продуктомъ, или, по крайней мѣрѣ, празднымъ украшеніемъ жизни, въ родѣ красивыхъ хохловъ, или яркихъ перьевъ у птицъ, въ родѣ цвѣточныхъ вѣнчиковъ у растеній, въ томъ смыслѣ, что безъ хохла птица можетъ жить, и безъ вѣнчиковъ, безъ красивыхъ лепестковъ, есть много растеній, и большихъ. Но это все эгалитарныя вѣрованія; при ближайшемъ же реальномъ наблюденіи оказывается, что именно тѣ историческіе міры были и плодовитѣе и могущественнѣе другихъ, въ которыхъ, при монархическихъ склонностяхъ, сверхъ того еще и аристократія родовая держалась упорнѣе.

Римъ Патриціевъ и Оптиматовъ прожилъ дольше купеческаго Кароагена, и больше сдѣлалъ для человѣчества.

Спарта стояла дольше Аѳинъ, и не разъ крѣпила Аѳины своимъ примѣромъ.

Древній Иранъ возобновили, послѣ полнѣйшаго разгрома, феодальные Парѳяне, и послѣ ихъ вліянія, до временъ Аравитянъ, жила великая Имперія Сассанидовъ, которой цивилизація несомнѣнно повліяла на Византію, а, черезъ посредство ея, и на Европу и на насъ.

Сила и духовное богатство самой Европы, за все теченіе ея исторіи, примѣръ тому же наилучшій. Она была создана феодализмомъ.

Наша Великорусская почва была всегда ровнѣе; завоеваніе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, было и у насъ (т. е., были на-

силія первыхъ Князей), но оно было не глубоко; оно было слабѣе выражено, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И, можетъ быть, это не совсѣмъ благо.

Моя гипотеза: единство. въ сложности, кажется, оправдывается и здѣсь. Мы имѣемъ три поразительныхъ примѣра: Англію, Турцію, Россію. Въ Россіи (т. е., въ ея Великорусскомъ ядрѣ) было сильно единство націи; въ Турціи было больше разнородности; въ Англіи была Германія того и другого. Въ Англіи завоеваніе, чужое насиліе, было глубоко, и дало глубокіе охранительные корни странѣ. Завоеватели на столько слились съ побѣжденными, что составили одну націю, нѣ не составили одного съ ними класса. Въ Турціи завоеватели вовсе не слились съ Христіянами, и по тому могли только создать сложное Государство, но не единую націю, и, отнявъ мысленно Турокъ (привилегированныхъ подданныхъ Имперіи), мы получаемъ чистѣйшую демократію Христіянъ. Въ Россіи завоеваніе было слабо, и слишкомъ скорое слитіе Варяговъ съ Славянами не дало возможности образоваться у насъ, въ собственной Великороссіи, крѣпкимъ сословнымъ преданіямъ. Сообразно съ этимъ и творчество, богатство духа трехъ степеней; выше всѣхъ Англія (прежняя, конечно): гораздо ниже и бѣднѣе ея умомъ Россія, всѣхъ безплоднѣе Турція.

На Западѣ вообще бури, взрывы, были громче, величавѣе; Западъ имѣетъ болѣе плутоническій характеръ; но какая-то особенная, болѣе мирная, или глубокая, подвижность всей почвы и всего строя у насъ, въ Россіи, стоитъ Западныхъ громовъ и взрывовъ.

Духъ охраненія на Западѣ былъ всегда сильнѣе въ высшихъ слояхъ общества, и по тому и взрывы были слышнѣе; у насъ духъ охраненія слабъ. Наше общество вообще расположено итти по теченію за другими;... кто знаетъ?... не быстрѣе ли даже другихъ? Дай Богъ, чтобъ я ошибался!

При такихъ размышленіяхъ взоръ невольно обращается въ сторону нашихъ братьевъ Славянъ?.. Что готовятъ они намъ?

Новое разнообразіе въ единствѣ, все Славянское цвѣтеніе съ отдѣльной Россіей во главѣ... Особую, оригинальную форму союзнаго государственнаго быта, въ которой одинъ несоразмѣрно большой членъ будетъ органически преобладать надъ меньшими, чтобы именно вошло то приблизительное согласіе, котораго вовсе недоставало на Западѣ до сихъ поръ.

Или какое ни будь быстрое однообразіе: много шума, много минутной славы, много кряковъ, много кубковъ и здравицъ, а потомъ?.. Потомъ сліяніе, смѣшеніе, однообразіе, простота... а въ простотѣ гибель!

Надо знать, какъ сочетаются ихъ и наши начала.

Въ способѣ сочетанія весь вопросъ. Изъ одинаковыхъ данныхъ мнѣ линій я могу составить разнообразный геометрическій чертежъ, замыкающій, или не замыкающій, на примѣръ, пространство.

Покойный Славянофилъ Гильфердингъ, въ своемъ предисловіи къ «Исторіи Чехіи» (по поводу 1000-лѣтія Россіи), выразился такъ: «Тысячелѣтіе Россіи является вполнѣ знаменательнымъ историческимъ фактомъ, только въ сравненіи съ судьбою другихъ Славянскихъ земель. Мы, разумѣется, отсраняемъ тутъ всякій мистицизмъ (по чему же это? За чѣмъ такъ бояться мистицизма, или стыдиться его?); мы, подобно читателямъ нашимъ (?), не видимъ, чтобы цифра 1000 сама по себѣ имѣла особое значеніе, въ родѣ того, на примѣръ, какое находили въ ней древне-Римляне, когда они съ таинственнымъ трепетомъ встрѣчали тысячелѣтіе всемірной своей державы.»

Нѣтъ! не цифра эта представляется гранью, черезъ которую не перешло ни одно изъ прежде бывшихъ Государствъ Славянскихъ.

«Государство Чешское» и т. д. «семью годами не дожило до 1000-лѣтія, Польское жило 935 лѣтъ, Сербское 800, Болгарское съ перерывами 725, Хорватское менѣе 5 столѣтій.»

И далѣе: «Отъ чего же въ Русской землѣ этого рокового цикла, въ который вмѣстилась вся жизнь другихъ Славянскихъ Государствъ, отъ колыбели до могилы, тысячелѣтія едва достало на внѣшній ростъ и сложеніе государственнаго организма, и на грани втораго тысячелѣтія ей предстоитъ еще только въ будущемъ фазисъ внутренняго самосознанія, внутренней самодѣятельности?

«Есть надъ чѣмъ задуматься...» говоритъ покойный ученый нашъ.

И я скажу: «Есть надъ чѣмъ, не только задуматься, но даже ощущать и тотъ трепетъ, который знали Римляне!»

Развѣ рѣшено, что именно предстоитъ Россіи въ будущемъ? Развѣ есть положительныя доказательства, что мы молоды?

Иные находятъ, что наше сравнительное умственное безплодіе въ прошедшемъ можетъ служить доказательствомъ нашей незрѣлости, или молодости.

Но такъ ли это? Тысячелѣтняя бѣдность творческаго духа еще не ручательство за будущіе богатые плоды.

И что такое внутренняя самодѣятельность? Если понимать самодѣятельность эту въ смыслѣ широкомъ, органическомъ то организмъ всякаго Государства, и Китайскаго, и Персидскаго, самодѣятеленъ; ибо живетъ своими силами и уставами. И древняя Россія такъ жила. А если самодѣятельность понимать не иначе, какъ въ нынѣшнемъ, узко-юридическомъ, смыслѣ, то мы незамѣтно и неизбѣжно придемъ и въ идеалѣ и на дѣлѣ къ тому эгалитарно-либеральному процессу, отъ котораго надо бѣжать.

Потомъ, что такое внутреннее самосознаніе? Это говоритъ Славянофилъ. Вѣроятно, это значитъ обще-Славянское самосознаніе. Прекрасно!

Но обще-Славянское самосознаніе вовсе ни какъ не значитъ: вѣчное восхваленіе Славянъ, Великорусская угодливость Юго-Славянскому своеволію.

Надо, мнѣ кажется, хвалить и любить не Славянъ, а то, что у нихъ особое Славянское, съ Западнымъ не схожее, отъ Европы обособляющее. Не льстить Славянамъ надо, а изучать ихъ духъ, и отдѣлять въ ихъ стремленіяхъ вредное отъ безвреднаго.

Не слитія съ ними слѣдуетъ желать: надо искать комбинацій, выгодныхъ и для насъ и для нихъ (а черезъ это, можетъ быть, и для охранительныхъ началъ самой Европы); надо искать, какъ я уже разъ сказалъ, искуснаго тяготѣнія на почтительномъ разстояніи, а не смѣшенія и слитія неорганическаго.

Но о чемъ же мы тревожимся? Не правда ли, Австрія и Турція стоятъ?

Возможно ли бояться сліянія, когда нѣтъ еще независимости у Южныхъ Славянъ.

Стыжусь отвѣчать на это.

Пусть стоятъ Австрія и Турція. Австрія намъ никогда не была сама по себѣ страшна, а особливо теперь, при ея благодѣтельномъ (для кого?) вторичномъ демократическомъ упрощеніи и либеральной всеподвижности.

Существованіе Турціи, пока, многіе понимаютъ, теперь даже

выгодно и намъ и большинству нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ.

Но развѣ одно Государство за другое также большое Государство можетъ стать вѣчнымъ поручителемъ?

Развѣ Европа не стоитъ передъ нами во всеоружіи?

Развѣ не видѣли мы вчера еще гораздо болѣе неожиданныхъ катастрофъ, чѣмъ распаденіе Державъ, въ которыхъ племеннаго разнообразія достаточно, чтобы вредить единству интересовъ и общей силѣ духа, и въ которыхъ, съ другой стороны, сословнаго, горизонтальнаго, разслоенія уже на столько мало, чтобы не было большаго страха и крѣпкой градативной дисциплины?

Пусть стоятъ Австрія и Турція (особливо послѣдняя); пусть стоятъ онѣ, тѣмъ болѣе, что намъ, Русскимъ, нужна какая ни будь приготовительная теорема для того, чтобы чисто племенной, безсмысленно-простой, Славизмъ не застигнулъ насъ въ расплохъ, какъ женихъ, грядущій полуночью, засталъ глупыхъ дѣвъ безъ свѣтильника разума!.

Теорема эта, прибавлю, должна быть на столько сложна, чтобы быть естественной и приложимой, и на столько проста, чтобы стать понятной, и чтобы не претендовать на угадываніе подробностей и разныхъ уклоненій, которыхъ не только столь незрѣлая еще соціологія, но и болѣе точныя науки, предвидѣть не могутъ.

Иные у насъ говорятъ: «Достаточно пока сочувствій, литературнаго общенія, поднятія Всеславянскаго духа.»

Да! Это не только желательно, это неизбѣжно. Поднятіе это уже совершилось, но вопросъ: всегда ли и во всемъ это поднятіе Славянскаго духа сочувственно и полезно намъ, Русскимъ?

Всѣ ли движенія племенного Славянства безопасны для основныхъ началъ нашей Великорусской жизни?

Всѣмъ ли Славянскимъ стремленіямъ мы должны подчиняться какъ подчиняется слабый и неразумный вождь и наставникъ страстямъ и легкомысленнымъ выходкамъ своихъ питомцевъ, или послѣдователей?

Молодость наша, говорю я съ горькимъ чувствомъ, сомнительна.

Мы прожили много, сотворили духомъ мало, и стоимъ у какого-то страшнаго предѣла...

Окидывая умственнымъ взоромъ все родственное намъ Славянство, мы замѣчаемъ странную вещь: самый отсталый народъ самая послѣдняя изъ возрождающихся Славянскихъ націй, Болгары вступаютъ въ борьбу, при началѣ своей новой исторической жизни, съ преданіями, съ авторитетомъ, того самаго Византизма, который легъ въ основу нашей Великорусской государственности, который и вразумилъ, и согрѣлъ и (да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться!) выварилъ насъ крѣпко и умно. Болгаре сами не предвидѣли вполнѣ, можетъ быть, того, къ чему ихъ привело логическое развитіе обстоятельствъ. Они думали бороться лишь противу Грековъ: обстоятельства довели ихъ до разрыва съ Вселенской Церковью, въ принципахъ которой нѣтъ ничего ни Греческаго, ни спеціяльно Славянскаго.

Болгары слабы, Болгары бѣдны, Болгары зависимы, Болгары молоды, Болгары правы.

Наконецъ, скажутъ мнѣ:

Болгары молоды и слабы!...

«Берегитесь! сказалъ Сулла про молодого Юлія Цезаря: въ этомъ мальчишкѣ сидятъ десять Маріевъ» (демократовъ)!

Опасенъ не чужеземный врагъ, на котораго мы всегда глядимъ пристально изъ подлобья; страшенъ не сильный и буйный соперникъ, бросающій намъ въ лицо окровавленную перчатку старой злобы.

Не Нѣмецъ, не Французъ, не Полякъ, полубратъ, полуоткрытый соперникъ.

Страшнѣе всѣхъ ихъ братъ близкій, братъ младшій и какъ будто бы беззащитный, если онъ зараженъ чѣмъ либо такимъ что, при неосторожности, можетъ быть и для насъ смертоноснымъ.

Нечаянная, ненамѣренная зараза отъ близкаго и безсильнаго, котораго мы согрѣваемъ на груди нашей, опаснѣе явной вражды отважнаго соперника.

Ни въ исторіи ученаго Чешскаго возрожденія, ни въ движеніяхъ воинственныхъ Сербовъ, ни въ бунтахъ Поляковъ противу насъ, мы не встрѣчаемъ того загадочнаго и опаснаго явленія, которое мы видимъ въ мирномъ и лже-богомольномъ движеніи

Болгаръ. Только при Болгарскомъ вопросѣ впервые, съ самаго начала нашей исторіи, въ Русскомъ сердцѣ вступили въ борьбу двѣ силы, создавшія нашу Русскую государственность: племенное Славянство наше и Византизмъ церковный.

Самая отдаленность, кажущаяся мелочность, блѣдность, какая-то сравнительная сухость этихъ Греко-Болгарскихъ дѣлъ, какъ будто нарочно таковы, чтобы сдѣлать наше лучшее общество невнимательнымъ къ ихъ значенію и первостепенной важности чтобы любопытства было меньше, чтобы послѣдствія застали насъ въ расплохъ, чтобы всѣ, самые мудрые люди наши, дали угаснуть своимъ свѣтильникамъ.

Довольно! Я сказалъ, и облегчилъ себѣ душу!

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	*Напечатано:*	*Читайте:*
3,	5	Еврейской	Европейской
6,	10	объ семействѣ	о семейной
12,	24	живому	новому
31,	32	не племена долгой образованности и усталыя, не страны, стѣсненныя враждебнымъ набѣгомъ	не племена усталыя отъ долгой образованности, не страны, стѣсненныя у моря и открытыя вражескимъ набѣгамъ
14,	2	домъ для дома	долгъ для долга
—	16	оттиски	оттѣнки
18,	6	снаряжены	сопряжены
21,	28	легитимизмъ	левитизмъ
23,	5	конечно всѣ	(конечно, не всѣ)
24,	16	первой	нервной.
27,	16	легкая честность	личная честность
—	25	bien Hoholes	bien les Hohols
56,	5	единовѣрнаго права	единовѣрнаго правительства
65	25	Эѳическія	Эпическія
69,	25	простое	краткое
—	31	специальной	социальной
70,	11	опеченіе	опеченѣніе
—	17	Есло	Если
73,	11	лирика	музыка
77,	7	той же простой вещи	той же природы не видятъ
83,	32	другой	грубой
125,	24	храмы	охраны
131,	10	выварилъ	высворилъ

D 377 .N3
Slovianskii vopros.
Stanford University Libraries
3 6105 041 357 919
STANFORD UNIVERS
CECIL H. GREE
STANFORD, CALIFOR
(415) 723-
All books may be reca
DATE D
APR 1 1999
MAR 1999

